

Александр Лозовский

ВЕЗУНЧИК МИТЯ

Роман

Нелегко оставаться нормальным
в наше ненормальное время.

Из афоризмов Михаила Краснова

Глава 1. Главные действующие лица

7 сентября 2010 года Михаилу Аркадьевичу Краснову исполнилось пятьдесят пять лет, это вполне можно было считать юбилеем.

- Все-таки не рядовая цифра, пятьдесят пять, хоть и без нулей, - сказала Нина, - конечно, это юбилей. И последний, который можно праздновать с легким сердцем, без комплексов. Это юбилей зрелости. А следующий – шестидесятилетие - уже праздник «со слезами на глазах», как ни верти, а начало старости. Поэтому давай с помпой отпразднуем нынешний за компанию с рош-ха-шана. На широкую ногу. В ресторане.

Нина определенно хотела как лучше. Михаил пожал плечами и согласно кивнул головой. Юбилей так юбилей.

На этот раз его день рождения совпал с еврейским Новым годом – рош-ха-шана. Новый год у евреев, как и все религиозные праздники, каждый раз перемещается по календарю, а день рождения Михаила Аркадьевича был стабилен. Совпадение, которое на этот раз произошло, приводило к определенным сложностям: рош-ха-шана начинался вечером в четверг, естественно всю пятницу и до вечера субботы транспорт, магазины, почти все кафе и рестораны еврейской части города не работали. Поэтому официальный юбилей перенесли на вечер субботы. Вообще-то в Израиле так было принято, все более-менее солидные торжества, которые проводились вне дома, проходили в субботу вечером. Можно было днем отдохнуть, привести себя в порядок, прийти на тожество свежим. Хотя с другой стороны, тоже не очень удобно, потому что собираться приходилось довольно поздно - увеселительные заведения начинают работать, когда на небе появляется первая звезда. А в воскресенье рабочий день, рано вставать, не очень разгуляешься. Но что делать, в Израиле шестидневная рабочая неделя, в пятницу вечером ничего не работает, и репатрианты к местным обычаям довольно быстро привыкали.

Юбилей Михаила тоже относился к более-менее солидным торжествам, правда скорее менее, чем более, потому что за семь лет репатриации он приобрел в Израиле не так уж много друзей – не зря говорят, что с годами новые прочные связи даются все трудней и трудней. Но все-таки человек двадцать пять гостей общими усилиями с Ниной, его женой, наскребли. Причем большинство было «с ее стороны». Времена меняются, до репатриации, особенно в молодые годы Нина всегда была в его, Михаила, компании. Там она была скорее в статусе жены Краснова, здесь он, пожалуй, несмотря на то, что работал журналистом в одной из центральных русскоязычных газет, в узком кругу знакомых, с которыми они общались, больше был мужем Нины, чем самостоятельной единицей.

Гостей должно было бы быть на шесть человек больше, но дочь Красновых бывшая Светлана, теперь Ора Циммерман («ор» на иврите свет, Ора - Света), на днях должна была родить им пятого внука, поэтому по решению врача оставалась в своем поселении Якир, недалеко от города Ариэля.

Как-то получилось, что день рождения приобрел религиозные формы. Знакомые по телефону поздравляли его с юбилеем и с Новым годом одновременно, и многие – чувствовалось – не знали, с какого события начинать. Но вечером самые близкие друзья – в том числе близкие по месту жительства, которые могли прийти пешком – должны были собраться у них дома в тесной компании. Это была приятная часть юбилея. Михаил не ждал ничего хорошего от предстоящего в субботу вечером общественного мероприятия в большом русском ресторане, так называемом на иврите уляме, который скорее напоминал маленький стадион. Но так было принято отмечать серьезные события, и на торжество приглашали всех знакомых, даже не очень близких. Это почему-то считалось хорошим тоном – много гостей, значит уважаемый человек. Но не последнюю роль играли и финансовые соображения – чем больше гостей, тем легче расплатиться. Подарки принимались только в виде конвертов. Михаил бы с удовольствием отказался от этого мероприятия, но Нина настояла, а он последние годы ей редко противоречил.

Четверг был рабочим днем, хотя в связи с праздником укороченным, поэтому Нина, как обычно, утром тихонько встала, чтобы не потревожить мужа, который любил поспать часов до десяти. Ей удалось устроиться в отделе по защите прав потребителя – мало кто из русскоязычных покупателей знал, что такая защита и такие отделы существуют в Израиле. Поэтому работа там была не хлопотная, а зарплата более-менее приличная. Нина даже доросла до должности заведующей русским сектором, в котором кроме нее была только молодая ивритянка, чья-то родственница, плохо говорящая даже на иврите, о русском и речи быть не могло. Это был теплый бюрократический израильский заповедник, и таким местом стоило дорожить. Нина дорожила, поэтому к восьми часам без опозданий появлялась на рабочем месте, чтобы вовремя вместе с коллегами приступить к первой чашечке кофе и обсуждению последних новостей кухни и моды. Этот ритуал повторялся несколько раз на дню – единственная неприятная сторона работы, ведь кофе в таком количестве был Нине противопоказан из-за проблем с сердцем. Но нельзя же отрываться от коллектива...

А Михаил был – как она говорила – фактически лицом свободной профессии. За этот год он появлялся в тель-авивской редакции кажется раза два, один раз точно – под настоящий международный Новый год, когда полагалось переоформлять документы и уточнять условия и зарплату. Тоже дело не хлопотное, все было обговорено еще семь лет назад при приеме на работу и только нуждалось в подтверждении. Ему полагалась минимальная по стране заработная плата плюс двадцать, а спустя пару лет пятьдесят процентов (как сострил главный редактор, чтобы поддержать его самоуважение), а за это раз в неделю – в среду вечером – он отправлял по интернету для большого пятничного выпуска газеты полосу под названием «Вести севера». Эту страницу он должен был либо заполнить сам, либо с помощью бесплатных негров, которых было хоть пруд пруди. Желающих увидеть свою фамилию в солидной газете хватало, особенно среди пенсионеров и пенсионерок. Кроме того Михаил наладил связь с городскими бесплатными – иногда платными – газетами по всему северу. Словом, в воскресенье он начинал звонить, иногда лично выезжал куда-нибудь, ко вторнику нехлопотных работ уже был излишек материала. И все он получал по интернету, в готовой к употреблению форме – слава богу, в Израиле была поголовная компьютеризация,

во всяком случае среди тех, кто мог хоть немного в этом разобраться. Особенно – как ни странно – среди «русских» репатриантов всех возрастов. Главный редактор его ценил за то, что он присылал готовую, оформленную и проверенную полосу – журналистского опыта Михаилу было не занимать, а такое не часто встречалось в русскоязычной прессе. Профессионалов было мало.

Это была легкая и привычная часть работы – по существу редактирование. Но раз в месяц он должен был в роли политического обозревателя писать большую, на страницу или даже разворот серьезную проблемную статью, и поэтому ему приходилось быть в курсе основных событий в стране и за рубежом регулярно слушать русское и ивритское радио, смотреть новостное русское и ивритское телевидение, просматривать хотя бы большие пятничные две русские и две ивритские основные газеты, в интернете следить за международной политикой, чтобы знать объективную точку зрения западных источников. На это уходило много времени, сил и здоровья.

Что еще? Время от времени редактор просил его исполнять роль военного корреспондента и ехать в район боевых или почти боевых действий, а этого добра в Израиле хватало. В редакции желающих совершать подвиги было немного, поэтому начальство устанавливало очередность. Михаил последние годы делал это с охотой и даже иногда вызывался добровольцем. Мало того, он явно злоупотреблял поездками на территорию Самарии, которые тоже всегда были в какой-то степени экстримом (интересно, как поселенцы к этому привыкают?). Но Михаил пользовался случаем и заезжал к дочери, то есть совмещал приятное с полезным. Часто национально ориентированная Света-Ора посылала ему уже готовый ура-патриотический материал.

Даже Нина не считала это работой. В виде просьбы, но регулярно она давала ему поручения купить, приготовить, привезти, сходить.

- Ты уже оправил материал в газету? До воскресенья свободен? Сходи завтра, в супермаркет и, если не трудно, приготовь жаркое. У тебя хорошо получается.

Но объективности ради он признавался себе, что как к хозяйке к ней не могло быть претензий. Дома было чисто, все постирано и аккуратно разложено, при этом его участие в этих процессах было минимальным. Кроме того два раза в неделю Нина готовит оригинальный фруктово-овощной суп и довольно вкусные салаты, все рецепты принесла с работы. Вот и еще одна польза от ее службы, кроме, разумеется, зарплаты. А из сытных блюд, которые возложены на Михаила, она почти ничего не ест, и таким образом довольно успешно борется с последствиями сидячего малоподвижного образа жизни. Вес ее за эти годы практически не увеличился, хотя несмотря на старания, к сожалению и не уменьшался. Правда, и Михаил не слишком жалуется на диетическое питание, а в результате получается, что она готовит себе, а он себе, что совсем скверно для семейных отношений...

А в пятницу вечером:

- Почему ты сидишь у компьютера? Посмотри, какой хороший концерт по второй программе.

Мысленный ответ Михаила я не привожу, он не для печати. Но со стороны их отношения выглядели очень даже бесконфликтными. Просто все знали, что Михаил последние годы был не слишком разговорчив.

Возникало у него время от времени «смятение чувств», но Нина стояла на страже и мятеж давила на корню. У нее для этого были серьезные аргументы – она получала тоже немногим

больше, чем он, и на эти доходы нужно было еще семнадцать лет выплачивать ссуду на квартиру, которая съедала почти половину их общего дохода. Две зарплаты все равно оставляли их в зоне риска. Поэтому потеря работы в газете была бы катастрофой. Нинин голос при решении семейных проблем был более весомым, хотя бы потому, что ей одной из последних в Израиле удалось получить так называемое постоянство, практически гарантию от увольнения, а Михаил полностью зависел от отношения к нему главного редактора.

Работа Нины и «постоянство» многое изменило в их жизни, и совсем не потому, что Михаил был сторонником домостроя. Но думать об этом в день рождения не хотелось...

Вот и в день рождения, когда Михаил продрал глаза, то увидел, что на его прикроватной тумбочке лежит список возложенных на него покупок и блюд, которые нужно приготовить к сегодняшнему вечеру. Финишными операциями займется Нина, когда придет с работы и немного отдохнет. Смягчало ситуацию то, что рядом со списком лежала красивая коробочка, а сверху тоже красивая открытка. В коробочке был новенький смартфон, очень нужная для работы вещь. А в записке торопливым почерком – видно, что Нина писала утром, впопыхах – поздравление. Хорошее, теплое, желала здоровья, а главное бодрости, говорила, что всегда рядом. А заканчивалось записка немного загадочно: «Посмотри в зеркало – на лбу у тебя мой главный подарок».

От первой мысли он вздрогнул, первая мысль, наверно, как и у вас, была традиционная, проверенная веками – имеются в виду рога. А что еще может жена пристроить на лоб мужу? Посмотрел в зеркало, тьфу ты ну ты, на лбу был след поцелуя, на него, наверно, ушло пол тюбика помады. Нина утром в спешке не подумала о том, что возможны варианты толкования этого предложения. Очень на нее похоже. С такой темой следовало бы быть более осторожной, уж очень она взрывоопасна...

Нина пришла с работы в два часа – напоминаю, был укороченный рабочий день. Михаил еле-еле успел выполнить все, что ему было поручено. Может быть, поздравления с днем рождения были немного стандартными, может, поцелуй был братский, в щеку, но букет цветов, который она принесла с собой и вручила, добавил праздничности.

- Поставь букет в вазу.

Михаил отправился исполнять поручение, а Нина вышла из салона и через несколько минут вернулась в любимом домашнем халатике – в доме у Красновых было не принято даже в жару ходить в neglige, Михаил тоже всегда надевал шорты. Затем она приступила к обязанностям жены именинника - энергично и умело принялась готовить все необходимое к предстоящему ужину. Доделывала полуфабрикат, нарезала овощи и смешивала салаты, чистила и заправляла селедку, без которой бывшие советские мужчины не представляли себе праздника. Кое-что поставила на стол, кое-что сунула в холодильник. Михаил, как обычно, пытался ей помогать, но – тоже как обычно - редко успевал за ее быстрыми перемещениями. Он поставил на центр салона стол, раздвинул его, придвинул к нему стулья - это была его мужская часть подготовки к ужину, и даже попытался застелить скатерть, но не успел.

- Ты настоящий метеор.

- А ты... - но тут Нина вспомнила, какой сегодня день, и продолжения не последовало.

Жена, по мнению Михаила, была живым воплощением единства противоположностей. У нее было только два состояния – либо энергичная деятельность, либо анабиоз и

неподвижность. Почти без полутонов, во всяком случае, так ему казалось. Она накапливала энергию, потом ее от души расходовала, потом опять копила.

Все работы по дому она всегда делала на удивление споро, казалось без напряжения. От Михаила требовалось только «не болтаться под ногами». Но потом Нина обычно усаживалась в кресло, как правило, возле телевизора, и могла неподвижно сидеть часами, даже не переключая программы. Чаще всего смотрела очередное шоу на иврите. Михаил ясно представлял себе, как она точно так же почти неподвижно сидит в кресле на работе, бездумно вглядываясь в какую-то бумажку и оживляясь только во время очередной кофейной паузы.

Она и в сон проваливалась очень быстро, едва успев донести голову до подушки. Если Михаил не успевал перехватить ее по дороге, то ему оставалось только повернуться на другой бок и погасить настольную лампу.

В молодости тоже были предпосылки этому, тогда они назывались перепадами настроения, но с годами приобрели такую оригинальную форму...

Сегодня Нина была в тонусе, перемещалась по квартире с легкостью необыкновенной. Михаил хотел сказать, что она буквально порхает, но воздержался – Нина могла заподозрить в этом комплименте иронию. Слово порхать по ее мнению к ней не подходило, и в этом была давняя причина ее огорчений. Нина не была толстой, приличного для женщины роста, около ста семидесяти сантиметров, но даже в молодые годы казалась крупной женщиной. Хоть фигура ее была пропорциональной, и талия просматривалась, но все было немного увеличено: широкая кость, широкая грудная клетка, вполне соответствующая ей по размерам грудь, таз – острил Михаил – мечта роженицы. Крупная голова, красивые и пышные почти без седины черные волосы делают ее еще больше. Может быть, стоило бы сделать короткую стрижку, но жаль портить красоту - в Израиле женская прическа огромная национальная проблема. То ли от воды, то ли от солнца, то ли по каким другим причинам, но у многих даже довольно молодых израильтянок европейского происхождения, увы, просвечивается череп. Наверно, не напрасно, несмотря на жару, религиозные израильские еврейки носят парики, - красота дороже удобства. Хотя нет, этот обычай завезен евреями из Европы, а там женщины не лысеют...

Все-таки Нина правильно делает, что не укорачивает прическу. Отличная рамка для симпатичного лица, черты которого тоже, может быть, крупноваты, но до сих пор сохраняют полтавскую сочность. Нина по матери еврейка, но внешне пошла в отца. Украинские широкие брови, полные губы; несмотря на загар, еще просматривается румянец на круглых щеках. Правда, «кирпачный» нос мог бы быть более изящной формы. Глаза карие, как и положено полтавчанке. Определенно – решил Михаил – переезд в Израиль пошел ей на пользу, во всяком случае не во вред, в этом нет сомнений.

Розенберги, Шурик с женой Татьяной, и в этот период одинокий Марк Фельдман теоретически – так договорились - должны были прийти в восемь часов вечера, но они слишком долго жили в Израиле и заразились местной привычкой опаздывать. У Нины израильский стаж был поменьше, зато она на работе почти девять часов в сутки общалась с коренными израильтянами, у которых пунктуальность и, кстати, обязательность ограничивались приходом вовремя на работу – все остальное было по-levantийски неопределенным. Поэтому в пять Нина ушла в спальню и поставила будильник на восемь

часов. Михаил хотел напомнить, что в восемь уже должны быть гости, но... махнул рукой. Нина всегда оказывалась права, она успешно вписалась в окружающую среду.

Михаил тоже решил отдохнуть от забот и нагрузок и пошел в комнату, которую они называли кабинетом.

У них была довольно приличная квартира в неплохом районе Хайфы, на побережье, недалеко от центрального городского пляжа. Дом не старый, лет десять, не больше, многоэтажка, шестой этаж. Три комнаты. Просторный салон, совмещенный с «американской кухней», распространенная в Израиле планировка. Вид из большого, почти два метра шириной и высотой до потолка раздвижного окна открывался на тянущийся вдоль шоссе зеленый и ухоженный парк. А за ним море, рукой подать. Один этот вид дорогого стоил.

Спальня в квартире была небольшая, но двуспальная кровать и солидный трехстворчатый шкаф все-таки размещались. А в третьей комнате, еще меньшей, уже упомянутом кабинете, было тесновато. У одной стены располагались владения Михаила - стол с компьютером, принтером-факсом и небольшим книжным шкафом. А напротив, чуть смещенное поближе к окну, чтобы не стукаться спинами, рабочее место Нины – трюмо с туалетным столиком и пуфиком, как в лучших домах Европы и Израиля. Столик заставлен баночками, скляночками и прочими причиндалами для поддержания молодости и красоты. Это увлечение было благоприобретенным; в Украине Нина довольствовалась обычным настольным зеркалом.

В торец комнаты удалось по просьбе Михаила втиснуть довольно удобную тахту и торшер в головах, там зарождалось большинство его творческих планов. Там он укрывался от вечно работающего по вечерам телевизора. Главным условием отдыха для него было отсутствие поблизости любой электроники, включая интернет, телевизор и даже электронные книги. Он искренне не понимал людей, которые без этого жить не могли.

Михаил за свою жизнь был перекормлен самыми различными видами информации и, в конце концов, стал испытывать к ним стойкое отвращение. Но выхода не было, в работе он без информации обходиться не мог, а идти в охранники супермаркета не хотелось. Зато когда была возможность, он убегал от экранов и приемников как можно дальше.

Для Михаила лучшим отдыхом было чтение обычных «допотопных» книг, на обычной бумаге. Он даже свои статьи обязательно перепечатывал на принтере, так ему было легче находить ошибки и недостатки. В глубине души он признавал, что отстает от требований времени и считал этот очевидный анахронизм признаком надвигающейся преждевременной старости.

Была, само собой, и у них в семье вполне приличная электронная книжка, считалось, что распоряжается ею Нина, хотя, насколько Михаилу помнилось, она последние годы ее не открывала. Она и газеты почти не читала, хотя приносили их даром, за счет редакции две русские и две ивритские. Зачем – пожимала плечами, - если все можно услышать и увидеть по телевизору. Был у нее и свой ноутбук, там она иногда просматривала кулинарные рецепты салатов и медицинские советы.

Первые годы Михаил высказывался по этому поводу – в Украине она все-таки не слишком много, но читала. А потом оставил ее в покое, во-первых, привык, а во-вторых... во-вторых, оказалось и у него рыльце в пуху. Обнаружился еще один совсем уже пугающий признак старения – он с удовольствием перечитывал и пересматривал старые любимые книги и фильмы, ему они не надоедали. Зато к новым, особенно современным, приступал с неохотой и предубеждением, скорее как к необходимой работе, чем для удовольствия. Он с неодобрением и раздражением пытался следить за «выкрутасами, которые авторы считают

признаком современного искусства», хотя понимал, что такая формулировка доказывает только одно – он становится стареющим брюзгой.

Когда наступала усталость, депрессия, когда свет был не мил, он покупал за гроши на развале какую-нибудь любимую в прежние годы книгу, укладывался на диван и с наслаждением перечитывал ее в несколько заходов, отдыхая душой. Он старался не думать о том, что новые книги в доме появлялась все реже и реже. Что делать, наверное это кризис зрелого, ну может уже чуть перезрелого возраста, усугубленный эмиграцией. Пройдет. Должно пройти. В конце концов, они с Ниной и Светой довольно удачно вошли в новую жизнь.

Михаил лег на диван, прихватив купленного на днях за десять шекелей «Квентина Дорварда», открыл на закладке. Прошлый раз он остановился на эпизоде, в котором герой пытается спасти свою любимую графиню Изабеллу де Круа (как красиво!) из лап Дикого Арденского Вепря. Что ж, немного литературного адреналина и романтики ему не помешают...

Спустя полчаса он задремал.

В восемь прозвенел будильник, Нина встала и не торопясь отправилась в ванную приводить себя в порядок. Вышла по-прежнему в халате, поставила уже разделанную курицу в духовку, а на плиту картошку в мундирах. Потом пошла в кабинет и села к бюро.

- Переоденься, одежда на кровати. Простыню и подушку с тахты убери. Побрейся, не помешает.

«А то я сам не знаю», - мысленно ответил ей Михаил. Но приступил к исполнению.

Он первый вышел в салон, и сразу же за ним явилась Нина. Явилась в ореоле пышных волос и в довольно коротком, бежевом платье-распашонке. Это было эффектно, но на взгляд Михаила, смело. Впрочем, ноги у Нины были красивой формы, хотя и соответствовали общим габаритам.

- Как я тебе?

- Сексуально, но... может немного не по возрасту, - решился он на критику.

- Оставь, в тебе говорит совок. У нас в Израиле женщина до пятидесяти лет молодая. У меня в запасе еще два с половиной года.

- А потом?

- Потом... потом зрелая.

В Одессе Нина как-то тушевалась, но «у нас в Израиле» определенно вышла из тени.

Она подошла к большому настенному зеркалу возле входной двери и с удовлетворением посмотрела на свое отражение. Михаил пристроился чуть сзади. Он не выглядел мелким рядом со своей фактурной женой. Даже на каблуках она была немножко ниже его. А фигура... когда-то еще в институте он несколько лет занимался классической борьбой, кое-что осталось до сегодняшнего дня. «Здоровье в порядке, спасибо зарядке». Плюс эспандер. Широкие плечи, вполне приличные руки. Волосы пока на месте, светлые, поэтому седина не очень заметна. Правда, талия просматривалась с трудом. И вообще, килограмм десять лишних он «у нас в Израиле» накопил. Но зато лицо круглое, почти без морщин. И осанка пока еще сохранилась от прежних времен.

Нина одобрительно посмотрела на него в зеркало.

- Митя, ты у меня еще вполне. Для своего возраста. Но твой тонус...

- А что тонус?

- Ты как маяк из детской загадки.
- Какой загадки? Какой маяк?
- Который то потухнет, то погаснет.
- А-а-а. Понял. Что есть, то есть... Постараюсь тонус включить.

И в этот момент зазвонил телефон. В соответствии с местными обычаями друзья и не подумали предупредить об опоздании почти на час, зато интеллигентно сообщили, что уже на подходе, в квартале от них и минут через пять-десять появятся.

Михаил очередной раз удивился точному интуитивному расчету Нины.

Джентльмены первой в дверь пропустили Татьяну с большим букетом цветов. Нина ахнула – гостя была в таком же как у нее платье-распашонке, но голубом и в цветочках, еще более молодежной расцветки. Совок Михаил был посрамлен. Сзади над женой нависал и добродушно улыбался с высоты своих ста девяносто четырех сантиметров джентльмен Шурик с бутылкой виски. Джентльмен Марк скромно вошел последним, прижимая к груди бутылку одесского шампанского.

Татьяна подошла к имениннику, на ходу желая ему счастья, успехов, а главное здоровья – именинный стандарт. Он было потянулся за поцелуем, но Татьяна заслонила букетом, вручила его и повернулась к Нине. Дорога для Шурика была открыта, и Михаил правильно оценил агрессивные намерения своего давнего – с третьего класса школы – друга. Спасая букет, он не глядя сунул его жене. Еле успел – без всякой преамбулы Шурик схватил его в охапку, приподнял и сжал с такой силой, что, казалось, крепкие кости бывшего борца захрустели, а бутылка виски впилась в бок.

- Это тебе вместо приветствий и пожеланий!

- Положи на место, поломаешь, - с трудом выдохнул Михаил. И после освобождения добавил: – Ну и руки у тебя. Руки-крюки. И годы тебя не берут.

- Ты меня с собой не сравнивай, я еще молодой. Это ты уже старый, а я еще целых два месяца буду ходить в молоденьких.

Он повернулся к Нине и наклонился над ней для поздравлений.

Шурик всегда, сколько Михаил помнил, был худощавым, нет, пожалуй, даже худым. Такая конституция. Но он со школы играл в баскетбол, занимался этим серьезно, входил в различные сборные. Потом закончил факультет физкультуры и спорта педагогического института, до отъезда в Израиль работал преподавателем физкультуры в школе. У него была хорошая спортивная база. И до сих пор он оставался на удивление крепким и жилистым, хотя внешне это было не заметно. Кстати, болельщики в свое время называли его Фитиль, или ласково Фитя – высокий и тонкий. Он как американские баскетболисты мог длинными сильными пальцами обхватить баскетбольный мяч и держать его в одной руке – вопль восторга на трибунах. Но после пожатия его «клешни» частенько пострадавшему приходилось растирать занемевшие пальцы.

Шурик вполне мог бы играть роль дон Кихота, ему бы еще редкую бородку клинышком. Но в отличие от рыцаря печального образа его образ был не печальным, а скорее оптимистическим и жизнерадостным.

Теперь наступила очередь Марка. Агрессии с его стороны не предвиделось хотя бы потому, что он был ниже Михаила, и в другой весовой категории, килограмм на 10-15 легче. Есть такое определение – поджарый, и оно ему полностью подходило. Лицо подвижное, может даже слишком подвижное, оно наглядно демонстрировало холерический

темперамент. Марк и был самым настоящим холериком, он сам давно смирился с этим фактом. «Мы с Пушкиным холерики», - не без гордости говорил он. И кстати, был на него похож; Шурик называл друга наш еврейский Пушкин, иногда Пушкинзон. Марк и прическу завел а ля Пушкин, примерно такой хаос, как на портрете Кипренского, только серого цвета, смесь темного и седого.

Он все время носился с какими-то идеями, некоторые из них уже несколько раз доводили его до разорения. Большую часть времени был оптимистом, но, как и положено холерику, иногда впадал в глубокое – но не долгое - отчаяние. Последние годы Марк находился в процессе строительства семейного очага, но пока неудачно. И еще к его то ли достоинствам, то ли недостаткам – он любил пофилософствовать. А иной раз – чего греха таить – и покрасоваться.

Вот и сейчас – понял Михаил - он задумал какой-то сюрприз.

Марк не стал обниматься – слава богу –и передал ему бутылку шампанского. Потом принял позу и торжественно заговорил, привлекая к себе внимание остальных.

- Митя, я вот думал, что тебе пожелать, кроме, само собой, здоровья. Как сделать, чтобы эти пожелания исполнились? И вот что я решил. Твоя подпольная кличка «Везунчик». Это все знают, это прозвище имеет, так сказать, широкое хождение среди знакомых. Я уверен, - он сделал многозначительную паузу - если ты в свой юбилей задумаешь желание, то оно наверняка сбудется, на то ты и Везунчик. Идея понятна? Задумай, чего ты хочешь? Ну?

Все заулыбались, это был интересный ход. Тем более, что Михаила всю жизнь действительно сопровождала легенда, что он Везунчик, и это прозвище действительно, как сказал Марк, имело хождение в близких кругах.

- Ну, задумывай желание!

Все замолчали, ожидая ответа. Молчание затянулось. Наконец Михаил растерянно пожал плечами и виновато сказал.

- Не знаю, чего я хочу. Ничего не хочу. Нет у меня никаких желаний... хоть убей.

- Так не бывает! – возразил Марк.

Посыпались подсказки.

- Миллион?

- Поездку в Испанию?

- Пулитцеровскую премию?

Михаил неожиданно расстроился.

- Черт его знает... Ребята, я действительно ничего не хочу. Абсолютно ни-че-го...

И опять только пожал плечами.

Тут не выдержал Марк, ему жаль было такой хорошей задумки.

- Как там у Горького «На дне»? «Эх, испортил песню, дурак».

Он был человеком начитанным, с хорошей памятью и любил удивлять подходящими, а иногда не очень подходящими цитатами. Сейчас цитата была кстати, но прозвучала резко. Все-таки юбилей...

Вмешалась Нина.

- Ребята, мойте руки и за стол.

Первым ушел расстроенный Марк. А Шурик положил руки Михаилу на плечи и заботливо сказал:

- В самом деле, что-то ты, Митя, киснешь последнее время. Может, тебя встряхнуть?

- Не нужно, - взмолился Михаил.

- Ну-ну...

И Шурик отправился вслед за Марком. А именинник облегченно вздохнул, но левое плечо все-таки потер. Синяк, возможно, остался.

Михаил повернулся к женщинам, которые живо обсуждали несомненные достоинства своих платьев. Тут я хочу прерваться и на правах автора внести предложение. Моего героя, если вы заметили, все называют не Михаилом, даже не Мишей, а Митей, так повелось с самого детства. Я с вашего разрешения так и буду называть его в дальнейшем. Слишком уж длинно и официально звучит Михаил. Тем более, что в Израиле – в подражание Америке – приняты короткие имена до глубокой старости и вне зависимости от общественного положения. Есть Шурик, теперь будет и Митя, несмотря на его солидный возраст. А Марк не любил, чтобы его называли Мариком, скорее всего комплекс, связанный с ростом.

Итак, Митя. Он только наполовину признал, что был неправ, когда критиковал платье-распашонку Нины. Дело было не только в возрасте. Женщины были одного роста, одних лет, но сходство на этом и заканчивалось. Татьяна рядом с Ниной казалась хрупкой, хотя в действительности это было не так. У нее была худощавая, но вполне пропорциональная фигура, даже для ее возраста слишком молодежная. Это временами играло с ней злую шутку, в соответствии с известной поговоркой – сзади пионерка, спереди пенсионерка. Иной раз молодые люди обгоняли ее, оборачивались и не скрывали невольного разочарования. И если Нина хотела сбросить вес, то Татьяна была не против немного набрать, но ни у той, ни у другой это не получалось, хотя обе ходили два раза в неделю на фитнес.

Распашонка на Татьяне была немного длиннее – или так казалось – и выглядела просто как легкое вполне приличное платье. А на Нине... Может, ей нужно было взять на пару размеров больше. И к тому же оно все время ползло вверх и его приходилось периодически одергивать, что в свою очередь привлекало внимание. Но все-таки Митя признал, что картина выглядела не неприличной, а скорее излишне соблазнительной.

Татьяна была яркой блондинкой с довольно короткой стрижкой. Черты лица под стать фигуре – тонкие, изящные, кожа светлая, не поддавалась загару, могла только облезать. И в довершение очень черные – а может, такими казались по контрасту – глаза.

Она была уравновешена, спокойна, нетороплива, всегда на лице фамильная – как и у мужа – полуулыбка. Но если в каком-то глобальном добродушии Шурика никто не сомневался, то многим – в том числе и Мите с Ниной – казалось, что характер у Татьяны все-таки был, крепкий характер. И принципы. Просто она считала, что грубость и бестактность по отношению к любому унижает в первую очередь самого человека. И за много лет дружбы с Розенбергами они не помнили ни одного – ни одного! – случая, когда бы она проявила резкость, несдержанность, не говоря уже о грубости. Всегда ровная, приветливая в отношениях с людьми и – что еще удивительней – с собственным мужем. Но тогда почему дети – она преподавала химию в школе – еврейские дети, может самые разболтанные дети в мире, ходили у нее по струнке? И почему все знакомые, далекие и близкие, называли ее не Таней, а Татьяной? Соблюдали дистанцию...

Впрочем, доброта и принципы не противоречат друг другу. Скорее дело обстояло так – все считали ее приятной и очень тактичной женщиной, но по настоящему теплым ее отношение было только к тем, кто по ее мнению этого заслуживал.

Она была русской по национальности, может поэтому ее русские дети – два сына – уехали в Канаду. Розенберги по ним очень тосковали.

Праздничный ужин прошел «в теплой и дружеской обстановке». Первый тост за именинника на правах друга с сорокапятилетним стажем (!) предложил Шурик, второй «за его очаровательную жену» дамский угодник Марк, и с небольшим перерывом за Новый год выпили по предложению Нины. После чего все в достаточной степени вошли в кондицию и расслабились.

Сначала Шурик поделился воспоминаниями о славных молодых годах именинника, называя его то Митей, то Везунчиком. К Мите-Везунчику все хорошо относились, а после очередной рюмки выяснилось, что просто любили. Даже гнусная преподавательница биологии Эвгена Зеленая, которая ненавидела – вот чудеса! – все, что движется. Характер у Мити был очень общительный и живой – это прозвучало почти как упрек молчаливому имениннику.

- А уж везло ему как... как...

- Как утопленнику, - мрачновато пошутил Митя.

- Оставь! Невероятно везло.

- Все это выдумки.

- Выдумки?! Если Везунчик не выучил урок, то можно было быть уверенным - учительница заболит. Это все знали. Было?

- Совпадение.

- Ах, совпадение?! А экзамен по математике? Письменный? Митя, который шел на золотую медаль, не смог правильно решить задачу. И что случилось потом?

- Что? – это Марк.

- Громкий городской скандал, когда отменили контрольную и назначили новый экзамен. Во всем районе. Говорили, что кто-то продал кому-то заранее тему... Но мы то знали, в чем причина. ...

- В чем? – опять Марк.

- Что это все из-за Везунчика, который не смог решить задачу. Было?

Все, кроме Мити, рассмеялись.

- Ну, совпало...

Марк решил внести свою лепту.

- А то, что человека, окончившего пищевой институт - пищевой, не какой-нибудь литературный – почти со студенческой скамьи вдруг берут в популярнейшую в Одессе и на всем Юге газету. В штат! В святая святых – отдел фельетонов! И без блат. Это не везение?

- А здесь, в Израиле, – подхватил эстафету Шурик. – Он приехал позже нас. Намного. И единственный устроился работать по специальности. Как это назвать?

- Но ты получаешь больше меня, - оправдывался Митя.

- Не намного. Зато ты журналист, а я шофер городского автобуса. И прихожу домой без рук без ног. И с каждым годом все труднее. А Марк вообще кем здесь только не был... И швец, и жнец...

Тут Шурик почувствовал, что в его словах прозвучала зависть. Он поперхнулся, покраснел.

- Нет, я рад за тебя. Не завидую. Я к тому, что это надо ценить и радоваться. Жизни радоваться. А не кукситься.

А Марк со вздохом признался:

- А я завидую. Но белой завистью. Или серо-буро-малиновой. Смотри, какой стол, – он для демонстрации выпил рюмку без тоста и проглотил тартинку с икрой. - Какая квартира, какой вид из окна. Цветы в парадном.

В это время Нина подошла к нему, чтобы убрать тарелку.

- А жена!!! – он вскочил со стула и стал рядом с ней. – Такую жену нужно на руках носить!

Шурик с улыбкой посмотрел на них – контраст был очевиден - и успокоил мужа:

- Митя, ты не переживай, далеко он ее не унесет.

Все засмеялись, и Марк в том числе. Они были одесситами, а значит, каждый мог при случае сострить, и никто на шутку не обижался.

Марк сел, снизил накал, но мысль продолжил:

- Честно говоря, все-таки завидую. Я в его газету часто пишу, а печатают одну заметку из десяти и то в разделе письма читателей.

Больная тема для Марка. Он был хорошим читателем, но плохим писателем. Так бывает. Фразы давались ему с трудом, слова выпирали из текста... Он это понимал, но сердцу не прикажешь. И продолжал отправлять свои опусы. Тем более, что искренне и болезненно переживал любую несправедливость.

Неожиданно он получил поддержку в массах.

- Чему тут удивляться, - вступила Татьяна, - Митя у нас национал-сионист и главный патриот. А ты кто? Пятая колонна, защитник арабов.

Она, как я говорил, отличалась корректностью, но когда была излишне подшофе – а сегодня был именно такой случай, женщины закончили бутылку шампанского и даже отведали немного ликера, – то для Мити делала исключение. Это происходило не часто, но в компании знали, что она и ближайший друг ее мужа не очень ладят. И подозревали, в чем главная причина. Татьяна считала, что дело вовсе не в везении. Она его приспособленцем или, упаси бог, приживалом не называла даже после серьезного застолья, для этого была слишком сдержанной, но конформистом с большой буквы иной раз величала.

А темпераментный Марк действительно был одним из редких в русскоязычной алии либералов и противником оккупации территорий. Буквально один на тысячу. Большинство было патриотами-сионистами. А Татьяна – русская душой и по национальности – считала, что ей по этому поводу высказываться не стоит. Но, судя по всему, в глубине души присоединялась к Марку. Я говорил, что принципы у нее были...

- Это моя работа, - вечер складывался таким образом, что Мите все время приходилось оправдываться. – Я за это деньги получаю.

- Работать за деньги и писать за деньги не одно и то же. Ты путаешь четвертую власть с первой древнейшей профессией.

Это было эффектно сказано, Татьяна словом владела. Все притихли.

- Ребята, давайте жить дружно, - растянув рот в улыбке, голосом кота Леопольда промурлыкал Шурик. Получилось похоже. И к месту.

- А действительно. Оставим эту дурацкую политику. Ну ее, - сказала Нина.

- Слово хозяйки для нас закон, - радостно подхватил Марк. - Действительно ну ее. Какой дурак вообще ее придумал? От политики и даже только от разговоров о ней человеку одни неприятности.

В этот вечер никакие спорные проблемы больше не поднимались. В открытые окна подул прохладный – конечно, относительно прохладный, в израильском летнем варианте, – ветер с

моря. Доносился отдаленный шум прибоя и сопровождал как аккомпанемент негромкую беседу. Было очень хорошо, по-домашнему. Разошлись поздно, в час ночи.

Митя как обычно отправился их провожать. Все знали, что после застолья он обязательно перед сном совершает часовую прогулку, иначе бессонница ему обеспечена. Вообще у него последнее время со сном стало из рук вон плохо. А у Нины был свой «променад» - она безропотно осталась мыть посуду.

- Не жена, а клад, - восхищенно посмотрел на нее Марк. - Почему одним все, а другим ничего?

Он сознавал, что на строительство прочного семейного очага ему остается все меньше и меньше времени.

На улице было тихо и безлюдно. В домах темные окна, где-нигде горит свет. Тишина, даже машины появляются только изредка. Штатный оппортунист Марк не утерпел:

- Ну и Новый год! Прекрасная погода, завтра выходной, на улице должны быть толпы народа, музыка. Городские автобусы должны развозить загулявших граждан. Фейерверки. Вот в Париже, скажу я вам, на Новый год светопреставление...

Он в Израиле первые несколько лет проработал гидом-международником, одна из его многочисленных профессий. Марк был отличным гидом, но приходилось все время мотаться по границам, в результате чего от него ушла вторая жена.

- Не ворчи, просто здесь другие традиции, - вступился патристически настроенный Шурик.

- Традиции. Я и говорю – евреи не умеют праздновать. Вместо того, чтобы радоваться Новому году, подсчитывают свои грехи. А на небе в это время решается, кому жить, а кому умереть. Бр-р-р. И все желают друг другу «хатиматова», хорошей подписи, чтобы Бог подписал им разрешение еще пожить в следующем году. А может, и не разрешить, в зависимости от грехов. Жутковатая история. А потом впритык десять «дней раскаяния», они же «дни трепета». Кончается апокалипсисом – Йом Киппуром. У нас там на рождественских каникулах пьют-гуляют, - он завистливо вздохнул, - а здесь страдают и каются. Это праздник?

Шурик обиделся.

- В любой религии есть такая традиция – каяться.

-- Поэтому каждый праздник кроме Дня независимости начинается с того, что перестает работать транспорт и закрываются магазины и увеселительные заведения...

Шурик посмотрел на него с подозрением. Кажется, Марк опять полез в политику. Тот понял его без слов и поднял руки.

- Все, молчу! – И решил поменять тему. - Слушай, нас, кажется, было четыре человека. Четвертый, наш дорогой юбиляр, не потерялся? Ау!

- Он лишился дара речи.

Митя, который всю дорогу шел молча, прокашлялся и постарался прозвучать весело.

- Доживете до моих лет, тогда поймете, что к чему.

Шурик, как вы знаете, был на два месяца младше его, а Марк на целых три с половиной.

- Это можно засчитать как остроумие. Значит еще не все потеряно. «Но ты еще крепок. Ты еще пошумишь, старый дуб Яков», – сказал Марк и с удовольствием пояснил: - Это из «Судьбы барабанщика» Гайдара.

Он помнил все, начиная со школы.

Марк первым ушел со вздохом «в свою одинокую берлогу». Подошли к дому Розенбергов. Шурик взглянул было на ближайшую скамейку, потом на Татьяну.

- Ладно, Митя, мы пойдем. Уже поздно. Было очень хорошо. Ты иди прямо домой. Все-таки на улице ни души...

Митя остался один. Идти домой не хотелось, он еще не выгулял минимальное расстояние, поэтому пошел в противоположную от дома сторону вдоль ярко освещенной дороги. На улице никого, только изредка проезжала машина. Нужно хоть немного растряссти съеденное и выпитое за столом, иначе ночь без сна ему гарантирована. Вскоре показался мостик над шоссе и железнодорожным полотном, который вел к большой многоэтажной гостинице, располагавшейся прямо на побережье, самой большой не только в Хайфе, но и на всем севере Израиля. Вот теперь можно повернуть обратно, но другой дорогой - это был привычный маршрут, он часто возвращался после прогулок домой вдоль берега.

Митя не торопясь одолел мостик, потом по широкой лестнице спустился на пляж. К его удивлению – было около часа ночи - там были люди, несколько групп, наверно иностранцы. Он общества не искал, поэтому обошел гостиницу и направился по узкой асфальтовой дороге в темноту, вдоль моря. Было очень приятно, бриз иногда даже доносил до него капли довольно сильного прибоя. Лампы горели только возле гостиницы, и спустя несколько минут небыстрой ходьбы вокруг стало темно, только дорога слабо белела в каком-то общем отраженном свечении, которое есть даже в самых глухих участках большого города. Митя подумал, что, может быть, поэтому ему в Израиле так ни разу и не удалось увидеть звездное небо, только две-три яркие то ли звезды, то ли планеты – астрономией он не увлекался. Было новолуние, даже серп не просматривался. Шум и брызги прибоя, серая темнота – все это как нельзя больше подходило его настроению. И привычному самокопанию. Когда закончится это серое душевное состояние, когда прекратится явно затянувшаяся депрессия и он снова будет способен радоваться жизни? Митя не собирался идти к врачу, так как был твердо уверен, что человек сам должен перебороть это состояние. Если человек не сделает этого, то никто ему не поможет. Пока, несмотря на все волевые усилия, результатов не было.

Каждое утро он открывал глаза с одной и той же мыслью – опять этот безрадостный и бесконечный день. Хоть и ночи были нелегкие – он часто просыпался, с трудом снова засыпал, - но необходимость встать просто пугала. И все-таки он заставлял себя подниматься, делал часовую зарядку, и даже – ему казалось – постепенно входил в рабочий ритм. Добивался того, что со стороны казался почти нормальным человеком. Митя удивлялся контрасту: когда он с кем-нибудь общался, то выглядел общительным, едва ли не жизнерадостным. Но как только оставался один, казалось, кто-то отключал источник энергии. Движения замедлялись, краски вокруг исчезали, а физиономия – он специально смотрел в зеркало - становилась унылой и серой. То, что при разговоре с людьми автоматически включался тонус, внушало оптимизм, но это давалось все с большим трудом. И из числа таких катализаторов постепенно выпадало все больше знакомых и незнакомых – жена, потом друзья, потом случайные встречные, в которых он не был заинтересован. Это пугало.

Вектор изменений указывал скорей всего опасное направление.

Занятый этими мыслями, Митя не заметил, как дошел до конца набережной. Там дорога ныряла под железнодорожную насыпь и выходила с другой стороны к заправочной станции. В свое время эта часть побережья пользовалась дурной славой – там собирались

молоденькие, часто несовершеннолетние девицы легкого – не бесплатного – поведения. По слухам, они пользовались спросом в основном у арабов и ортодоксов. Но этого периода Митя не застал, когда он приехал, секс-рынок уже перешел в интернет.

В конце дороги возле поворота он вроде бы различил человеческие фигуры. Сколько их, пока нельзя было толком рассмотреть, человека три-четыре. Потом сквозь шум прибоа донеслись приглушенные голоса. И вдруг раздался громкий женский крик. На иврите. «Оставьте меня. Не трогай», - разобрал Митя. Он ускорил шаг, потом побежал, потому что женский крик повторился. Вскоре он уже мог различить, что было трое мужчин, судя по всему молодые парни, и одна девушка. Двое ее держали, а третий за волосы старался пригнуть голову девицы с вполне определенными намерениями. В ажиотаже они даже не обратили внимания на его приближение.

Митя на бегу громко крикнул им – почему-то по-русски:

- Оставьте ее. Отпустите, вам говорят!

Потом, спохватившись, прокричал то же на иврите.

Он перешел на быстрый шаг и подошел к ним настолько близко, что смог рассмотреть лица. Ребята действительно были молодые, моложе двадцати. Скорей всего марокканские евреи. Двое отпустили девицу, судя по фигурке малолетку, третий продолжал держать ее за волосы. Повернулись к Мите и заговорили хором:

- Эй ты, вонючий русский! Старый козел. Иди отсюда, пока цел! Уноси свою вонючую задницу! Хочешь остаться без яиц?

Двое вытащили ножи и, подогревая себя криками, стали угрожающе на него наступать. То что произошло дальше, удивило нападающих, но еще больше поразило Митю. Совершенно спокойно, без надрыва, даже как-то вдумчиво он стал поливать – иначе не скажешь - ребят самыми изощренными и оскорбительными для марокканцев словами, которые только мог вспомнить. Там были и грязные марокканские обезьяны, которые только слезли с дерева, и дети проститутки, и трусливое отродье, и прочее, и прочее, и прочее. Самым ужасным был спокойный размеренный тон, которым все это говорилось. И в дополнение к сказанному он заложил руки за спину и даже не грудью, а животом стал демонстративно надвигаться на направленные на него ножи.

- Ну, трусливые собаки, на что у вас хватит духу? Вы способны только малолеток трахать, подонки мелкие...

Ребята на какое-то время онемели, застыли от такой наглости, потом один завыл, затрясся, замахнулся ножом, но... его остановил вопль малолетки, которая, судя по всему, все-таки не случайно оказалась в таком месте и в такой компании.

- Стой! Он сумасшедший. Ты не видишь?! Он хочет, чтобы его убили! Бежим отсюда. Он псих!

Третий отпустил ее волосы, и девица опрометью кинулась в проезд под насыпью. Парень, который ее держал, почти сразу же двинулся следом. Потом повернулся и последовал за ними второй. А третий, продолжая вопить, попятился, все еще размахивая ножом, но уже словно защищаясь. Митя продолжал наступать на него животом вперед. Наконец его противник не выдержал и тоже бросился в проезд, уже не вопя, а подвывая от страха. Поле боя осталось за Митей.

Он глубоко вздохнул и пошел вслед за ними, на ходу стараясь прийти в себя. Прийти в себя – правильная формулировка, потому что за минуту до этого он определенно был не в себе. Что это было? Как борец, хоть и бывший, он должен был автоматически принять

стойку, руки вперед, блокировать или сделать захват... А вместо этого какая-то психическая атака и затуманенное сознание. Плюс поток грязных оскорблений, на которые он оказался – к своему изумлению – способен. Живот вперед, руки сзади и... «грязные марокканцы»? Это была откровенная провокация. Он их провоцировал. Почему?

Митя прошел темный проезд, вышел к заправке и опять услышал истеричный крик малолетки, которая высунулась из окна стоящей на выезде с заправки машины:

- Быстрее, он идет! Он сумасшедший! Он хочет, чтоб его убили. Быстрее!

Машина взвыла и рванула со стоянки на красный свет, благо на трасе не было транспорта.

«Хочет, чтоб его убили». Неужели это и было объяснением?

У него подогнулись ноги. С трудом добрался до автобусной остановки, расположенной рядом с заправкой, и тяжело уселся на скамейку. Почувствовал, как по спине стекают струйки пота. Он хотел, чтобы его убили, судя по всему так оно и было, других объяснений идиотскому поведению нет. Впрочем, выражение «он хотел» не совсем верно – включилось в сознании что-то сильнее его желаний. А значит, это уже не просто депрессия, это так называемый суицидальный синдром, одна из разновидностей сумасшествия. Да, сумасшествия. Молодчики, которые бродят ночью по пустырям с ножами, не задумываясь могли пырнуть кого угодно, а уж после таких оскорблений и подавно. Но они убежали в панике. Испугались. Почему? Потому что сумасшедший вызывает мистический ужас. А значит, он не только выглядел, но и был в этот момент сумасшедшим. Все было очень органично.

Доигрался...

Глава 2. Смайл

Митя не помнил, сколько просидел на автобусной остановке. Мысли разбегались, он никак не мог собрать их воедино. Затылок ломило, в ушах все время звенел вопль малолетки: «Он сумасшедший! Он хочет, чтоб его убили». Неужели это действительно была попытка покончить с жизнью? Но может не стоит на одном примере, хоть и очень убедительном, строить такие тяжелые выводы?

И тогда натренированная память журналиста стала услужливо приводить ему другие доказательства, подобные случаи, на которые он раньше не обращал внимания. А может сознательно старался не замечать - защитная реакция организма.

Почему он возбуждался, когда пересекал границу территорий, где всегда сохранялась опасность нападения террористов, и явно скисал, когда возвращался обратно без приключений? Ведь он никогда не был экстремалом...

А история, случившая с ним полгода тому? Он ехал по дороге недалеко от Ариэля – тоже в Самарии – услышал впереди звуки выстрелов. Совсем близко. Теракт! Без обдумывания он вдавил педаль газа, попытался обогнать едущий впереди джип с солдатами, чуть не столкнулся с встречными машинами, которые вполне естественно тоже добавили скорости, но- в отличие от него - убегая от выстрелов, загнал в кювет джип, вырвался вперед и даже успел увидеть убегающего террориста, который выстрелил в его сторону. И все это не очень сознавая, что с ним происходит. Ему тогда сказали несколько нелицеприятных слов, но все отнесли на счет журналистского азарта. «Газетчики больные люди, ради сенсации они

готовы на все». Так – не без удивления – подумал тогда и он сам. Сейчас все выглядело иначе.

И дальше. Этим летом на экскурсии в горах он шел слишком близко к обрыву. И подумал - правильно в книгах пишут, что бездна манит. Её она манила настолько, что Нина не выдержала, вцепилась в рукав и оттащила от края...

В самолете у него возникала какая-то странная эйфория. Но все проходило после посадки.

А когда иной раз к вечеру прихватывало сердце – последних пару лет случалось и такое – то нередко первой мыслью утром было огорчение: «Увы, опять проснулся». Он считал это старческим брюзжанием, циничным позерством. А нет, оказывается этому есть и другое объяснение...

Словом, примеры были. И немало.

Митя мысленно обратился к себе с прямым вопросом: «Ты дорожишь своей жизнью?». И получил немедленный столь же прямой и честный ответ: «Нет!».

Приехали...

Пока утешало только одно – ему никогда в голову не приходила мысль покончить с собой, а это наиболее типичный вариант суицидных настроений. То ли не хватало мужества, то ли он считал, что такой поступок был бы унижительным для него, для семьи, для друзей. Скорее второе - самоубийца, стыд и позор! Но он несомненно не только был бы рад, чтобы все произошло как бы независимо от него, но и – судя по всему – активно пытался создать такую ситуацию.

Он еще раз мысленно пробежал цепочку рассуждений. Нет, это не паника, это правда. А правде нужно смотреть прямо в глаза.

Митя тяжело вздохнул и демонстративно прочно уселся на скамейке. Он решил дотошно в себе разобраться, не оставляя никаких иллюзий. Добиться до самой сути. Раз и навсегда. Здесь же, на автобусной остановке.

Журналист со стажем в четверть века, он когда-то писал и на эти темы, поэтому в предмете разбирался. Это не просто депрессия, а опасное заболевание, и рецидивы практически неизбежны. В народе бытует мнение, что суициду больше подвержена молодежь. Безответная любовь, прыщи, дразнят в классе, родители не понимают. Но на самом деле эта тенденция заметно усиливается с возрастом. А после шестидесяти лет число страдающих суицидальными комплексами мужчин утраивается! И – кстати опять-таки вопреки общему мнению - мужчин исполняют «намерение» почти вдвое чаще, чем женщины.

Он умудрился попасть в эти ряды еще до шестидесяти...

Почему?

Чаще всего стремление к суициду результат депрессии или серьезной душевной травмы. У него, кажется, травмы не было, во всяком случае, последнее время. Так, дела житейские... Он и раньше себе признавался в том, что пропал интерес к жизни и надеялся, что временно. Кризис среднего возраста, просто сильная депрессия. Но сейчас все выглядит иначе - утратить интерес это одно, а не хотеть жить – совершенно иное.

Люди в возрасте любят повторять - если утром проснулся и у тебя ничего не болит, значит ты умер. Их это утешает. Мите пришел в голову другой вариант – если утром проснулся и тебе абсолютно ничего не хочется, значит не стоило просыпаться. Он это засчитал средней руки афоризмом, к сожалению похожим на правду.

Может дело в том, что он так и не нашел смысл жизни? Вряд ли, хотя бы потому, что он его уже много лет не искал. Но при этом очень важным и обязательным является надежда, что впереди все-таки возможно что-то хорошее...

Стоп! Вот оно! Это главное, что он когда-то утратил. Надежду на перемены, во всяком случае на перемены к лучшему. И утратил до такой степени, что даже перестал их хотеть. Он не напрасно сказал Марку: «Нет у меня никаких желаний... хоч убей». «Хоч убей» - это была оговорка по Фрейду. Если разобраться, то это и есть болезнь.

Оказалось, настоящее не радует его, а будущее... он точно знает, что ожидает его до конца жизни. И если чего-то еще не предвидит, то только дополнительных сюрпризов в виде скрытых в этом будущем неприятностей. Печальный вывод, но ведь он обещал себе правду, одну только правду и ничего кроме правды.

Начинать нужно с семьи, семья все-таки самое главное, основа основ.

Света, которую он очень любил и жалел, удаляется от него и все больше будет удаляться. У взрослых детей всегда своя жизнь, но у Светы она совершенно для него непонятна. Какая-то странная, с его точки зрения искусственная, придуманная конструкция - ультра-ортодоксальная община. В центре всего религия и дети. Четыре, потом пять, шесть... девять, десять детей. Заботиться об одних, непрерывно рожать в это же время других, содержать в порядке дом - как это все можно совместить, если в сутках всего двадцать четыре часа? Света всегда была чистоплотной и аккуратной, но уже сейчас, увы, все в доме у них немного, скажем так, недоухоженные... А что будет дальше, при энном количестве детей? И у нее практически нет возможности заниматься собой. Куда девалась девочка с запросами, с интеллектом? Бытие определяет сознание, и все, что не требует применения, постепенно отмирает. У нее, как и у всех женщин общины, с трудом хватает сил на поддержание относительного порядка в доме и на спасение души. Но душа и духовный мир не одно и то же.

Правда, ортодоксы в своем кругу много общаются, это хорошо. Света раньше была не очень контактной и страдала от этого, а сейчас Ора не выпадает из ансамбля, она постепенно становится такой как они все. Но поэтому и понимать ее все труднее, общих тем для разговора у них почти не осталось. И с внуками - немного чумазыми, ползающими по полу и по земле, в общине считается, что чем меньше их ограничиваешь, тем лучше для всех - он не знает как себя вести. Редко их видит, наездами. Света к ним в Хайфу практически приехать не может. А муж ее слывет и, возможно, является религиозным фанатиком, боится некошерности, как огня, ничего у них в доме в рот не берет. Настолько демонстративно верующий, что Митя убежден - это просто ханжество высшего разлива.

Теперь о доме. Дома стало как-то пусто. Прохладно. Даже дневная жара в 32 градуса по Цельсию не отогревает. Почему, кто виноват - суть не в этом. Нужно менять что-то внутри. Уйти никто из них не может, скованы одной цепью в виде машканти-ссуды размером почти в зарплату и многолетней привычкой. Да никто и не хочет, во всяком случае Митя определенно ничего вне дома не ищет. На поиски романтически приключений сил уже не осталось...

Нет, тут перемен ожидать не приходится, скорее окостенения. Окостенение - как журналист он такое определение оценил.

Ну вот - Митя невольно поежился - теперь дошла очередь и до работы, о которой с таким придыханием говорили Шурик и Марк. Хотя он эти восторги не разделял - статус русскоязычного журналиста в Израиле не очень котируется, потому что мало платят, а это

основной критерий. Скажем, в ивритских газетах оклады выше в разы. Там Европа, а в русскоязычных СМИ скорее все тот же Советский Союз. Но, конечно, достоинства есть, и главное из них – свободный режим, не нужно отсиживать от звонка до звонка.

За долгие годы это занятие Мите основательно приелось, однако работа есть работа, и профессиональный журналист без особых трудов терпел бы производственную рутину. Шурик тоже рулевое колесо крутит без особых восторгов. Но, к сожалению, проблема заключалась в другом.

В первые дни после репатриации Митя еще не слишком разбирался в местной политике, но в квалифицированной постоянной работе очень нуждался, и пошел на все условия редактора, русскоязычного ортодоксального еврея, тоже профессионала, который в газетном деле не одну собаку съел. Он оценил достоинства Мити и твердой рукой неуклонно пытался создать из него авторитетного сторонника идеалов сионизма и поселенческого движения, едва ли не апологета. Для этого, по мнению редактора, у него были все данные: хороший стиль, ясный, спокойный, который создавал впечатление продуманности и убежденности, приятная манера общения, неплохой иврит. Но что еще важнее – отличная биография, его дочь была ортодоксальной еврейкой и поселенкой, то есть «солью земли».

Но время шло, Митя стал больше разбираться в действительном положении дел в Израиле, в реальных причинах и следствиях, много ездил по стране, общался с людьми. И хотя кардинально не изменил взгляды, но понял, что все намного сложнее. Поэтому примитивная и односторонняя ура-патриотическая позиция, которую он вынужден был бесконечно повторять, как попугай, стала его серьезно раздражать. Но что было делать? Другой работы в своем возрасте он найти не мог, разве что был шанс устроиться охранником в магазине.

Редактор любил повторять остроту: «Помнишь знаменитое - «шаг вправо, шаг влево считается побегом»? У нас демократия, поэтому побегом считается только шаг влево, а расстрел заменяет увольнение».

Он держал Митю на коротком поводке, и если считал, что его статья недостаточно забориста, то сам добавлял две-три фразы, от которых - как жаловался Нине Митя - хоть стой хоть падай. Со временем изменить прочную политическую ориентацию стало практически невозможно, это был бы конец карьеры журналиста, а главное конец заработной плате.

Но проблема заключалась в том, что чем более националистические и экстремистские позиции он официально излагал, тем все дальше и дальше в действительности сползал в противоположную сторону. В глубине души он сделал не только шаг влево, это давно можно было считать настоящим побегом.

Татьяна была абсолютно права – он совмещал журналистику с первой древнейшей профессией, что – как бывший журналист подтверждаю - бывает гораздо чаще, чем вам кажется. Но Митю тяготила необходимость врать и носить маску...

Он уже давно сознавал - этот контраст неизбежно приводит к тому, что в психологии называется когнитивный диссонанс. Если упростить научное определение, то это несоответствие того, что думает человек с тем, что он вынужден делать, к чему его принуждают условия жизни. Это необходимость каждый раз приспособливаться, искать компромисс, что-то в своих взглядах насильно изменять, иногда ломая через коленку. Правда, Митя относительно неплохо ладил с окружающей действительностью, о чем опять-таки говорила Татьяна, но – размышлял он, сидя на скамейке автобусной остановки, – бесследно это все равно не проходит. Тем более, что на долю его и его современников

выпали такие повороты, изгибы и перегибы, которые могли разрушить самую устойчивую и тренированную психику. Брежнев, Горбачев, Ельцин, группа украинских президентов, Израиль. Это не просто фамилии, должности, названия - ему пришлось жить не только в разных странах, но и в различных политических и даже исторических формациях. И при этом оставаться журналистом. Сколько можно приспособливаться, сколько человек может выдержать?

И к сожалению, когнитивный диссонанс имеет отношение не только к работе.

Мите себя стало жалко.

Все это безусловно так, но ведь у других крыша не поехала. Живут же люди и чувствуют себя нормально. Впрочем... кто его знает. Если судить по тому, что вокруг творится, это в том или ином виде касается всех. Хоть какое-то утешение, ухмыльнулся он.

Но все-таки стоило бы прежде всего заняться собой. Если еще не поздно. Но что можно сделать? Любой в такой ситуации предложил бы обязательно обратиться к психиатру или на худой конец к психологу. И как можно быстрее, очередной приступ – Митю покорило и напугало это определение, но сейчас было не до сантиментов – может случиться в любой момент.

И все-таки от помощи медицины он мысленно решительно отказался. Во-первых, прекрасно помнил советы покойного отца, отличного специалиста и очень добросердечного человека. Тот вообще старался по возможности психотропные и им подобные препараты в своей практике не применять. Говорил, что помогают они далеко не всегда, зато всегда – без исключения – делают человека не совсем таким, каким он был раньше. Что-то в нем необратимо меняют и, как правило, не в лучшую сторону. Ну, если уже совсем нет иного выхода, тогда и только тогда...

Но дело даже не в этом. Если упомянуть о суициде в любой форме, то врач должен – обязан! – официально занести его в особую группу. Врач должен под большим секретом - ха-ха, знаем мы эти секреты! – поставить в известность всех тех, кто поможет оберегать его – ха-ха! – от попыток покончить с собой. Фактически человек якобы негласно – ха-ха! - становится не таким, как все. Изгоем. Поднадзорным. Занесенным в компьютеры. А уж Нине и боссу доложат наверняка. Нет, все это исключено, и тайна должна умереть вместе с ним.

Митя невольно вздрогнул. «Умереть» - опять Фрейд. Нужно запретить себе всеу поминать смерть...

И что следует из всех этих размышлений?

Это удача, счастливый случай, что он узнал о своих проблемах до того, как мечта его подсознания осуществилась. Предупрежден, значит вооружен. Такое везение может не повториться. Нужно проанализировать все всерьез по принципу сам себе психиатр. Сегодня была только пристрелка, первая попытка выяснить причины и следствия. И прежде всего нужно понять, как он дошел до жизни такой. «Будущее логичное завершение прошлого» – это изречение он тоже засчитал себе как афоризм и взял на вооружение. Только так можно найти выход. Будем разбираться в прошлом!

Но пока... пока нужно использовать известную американскую традицию «Смайл» - улыбайся, делай вид, что все хорошо. И людям приятно, и, глядишь, войдет в привычку.

Он решительно встал и, улыбаясь, отправился домой. Смайл! Хорошо, что по дороге не было зеркала, и он не мог увидеть свою улыбку.

Нина конечно уже спала. Он не должен был ходить на цыпочках, стараться не шуметь. У нее был детский безгрешный и крепкий сон, предмет его черной зависти. Когда он вздыхал по этому поводу, Нина ему отвечала: «Чистую совесть нужно иметь, тогда и сон будет крепкий».

Митя в дискуссию не вступал.

Сегодня он решил выпить на ночь снотворное, хоть в сочетании со спиртным этого бы делать не следовало. Как и многие, он был предубежден против снотворного и принимал его только тогда, когда бессонница зашкаливала. Но сегодня нужно было отоспаться и постараться хоть на время избавиться от тяжелых мыслей, одна мрачнее другой. Пока оптимизм твердо принятых решений слабо помогал. Может, завтра с утра начнется новая жизнь. Жаль, что завтра пятница, в понедельник с утра – говорит народ – было бы самое то... Чувство юмора его еще не оставило.

Он зашел в спальню, ночник в головах Нина не выключила – она любила засыпать при свете, Митя и в темноте-то засыпал с трудом. Она лежала на спине, раскинувшись на всю кровать и негромко похрапывала. Что поделаешь, годы свое берут. Но говорить ей об этом не стоило – обида, обида, еще раз обида. И обвинение в злопыхательстве.

Митя давно пришел к мысли, что постель лучше всего помогает выяснить отношения в семье. Нет, он не это имел в виду. Он вот о чем.

О том, что последние годы совершал один и тот же ритуал, если укладывался спать после нее. Вот и сейчас он привычно и осторожно повернул ее на бок, от себя, потом, тихонько подталкивая в спину и пониже, стал отодвигать ближе к краю кровати, освобождая себе место. Нина - и тоже привычно не просыпаясь - как могла помогала ему.

А в Одессе она засыпала то ли лицом к нему, то ли спиной, но всегда на боку и тактично прижималась ближе к краю.

Это и только это он имел в виду.

Митя проснулся поздно, около одиннадцати. Разбудил телефонный звонок – вчера ночью он забыл в спальне отключить телефон. Нина в салоне взяла трубку. Он прислушался. Звонил, кажется, Марк. Да, точно Марк. Нина вчера всех приглашала на завтрак доедать остатки пиршества. Татьяна с Шуриком скорей всего не придет. Кстати, они так и говорили – Татьяна с Шуриком и в единственном числе - «не придет». А одинокий Марк с удовольствием составит им компанию. Завтрак Нина назначила на час дня. Значит, у него еще есть время поваляться.

Он с удовольствием отметил, что проснулся без привычной мысли: «Ах, опять этот бесконечный и бессмысленный день». Смысл появился, хоть печальный и неприятный, но необходимый. Мобилизация – почувствовал он – все-таки произошла. Не откладывая, нужно серьезно заняться психоанализом. Поиск причин в настоящем и прошлом. Потом самовнушением. Потом взбадриванием, пусть даже искусственным. Спорт не бросать, добавить пешую прогулку, которую он не очень любит. И все сопровождать активным «Смайл»!

«Смайл» он пока не включил – не было свидетелей. Удобно устроился на спине, уставился в потолок. Нужно поискать истоки в прошлом. Хотя бы в тех моментах жизни, которые ему кажутся важными или даже судьбоносными.

Это огромное преимущество автора, который может вместе с героем не просто вспомнить прошлое, но реально туда возвратиться. Еще раз все увидеть, прочувствовать, оценить. Время от времени мы с вами будем пользоваться этой замечательной возможностью. Машина времени всегда к нашим услугам.

*Марк, Дима и газета.
(Машина времени)*

После окончания института Митя устроился – не без помощи отца – в научно-исследовательский институт пищевой промышленности, в конструкторский отдел. Это была небольшая и не очень престижная организация, где народ готовил, а некоторые даже защищали диссертацию, следствием которой была приличная добавка к зарплате. Митя в это число не входил, душа его к пищевой промышленности не лежала. А к чему она лежала? Над этим он пока даже не задумывался. Пользовался тем, что работа была не хлопотная и львиную долю рабочего времени можно было уделять своему хобби – он сочинял тексты для очередной встречи одного из городских клубов КВН. Это увлечение началось еще на последнем курсе института и пока ему не надоедало.

Хорошо, что у него есть увлечение. Время было серое, бесцветное, а главное бесперспективное, хотя многие до сих пор вспоминают о нем с ностальгией. Никому даже в голову не могло прийти, что в обозримом будущем что-то изменится. Разве что в худшую сторону – меньше станет товаров, продуктов, меньше порядка, а вранья больше. Мечта парижских коммунаров сбылась только частично – братства и свободы пока не получалось, зато было равенство. Все – кроме воров и власти – жили и получали примерно одинаково, это не зависело ни от способностей, ни от старания. А раз так, то главным лозунгом населения было – как бы ни работать, лишь бы не работать, или другой вариант – они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем. Еще не вымерли отдельные энтузиасты, скажем в науке или технике, но ей богу, это у них было хобби такое. Увлечение. То, что происходило в стране, работой нельзя было назвать.

Те, кто ностальгируют, вспоминают, что тогда было все проще, да и все были проще. Не было вопиющих контрастов, которые душевному покою не способствуют. Вокруг было полным полно такой же полунищей советской интеллигенции, как и ты сам. Нетрудно было найти свою нишу.

Да, Митя увлекался КВН-ом. Партия и правительство закрыло передачи КВН по всесоюзному телевидению, но на местах клубы, встречи, соревнования – все продолжалось с прежним, а может даже с большим энтузиазмом. Оттепель давно закончилась, перестройка еще не начиналась, был абсолютный застой, кислород перекрывали во всех средствах массовой информации и в искусстве. КВН оставался почти единственной отдушиной для молодежи.

Если бы не хорошие отношения симпатичного и общительного человека Михаила Краснова с сотрудниками и начальством, его бы скорей всего выгнали из организации, потому что даже на фоне массового институтского безделья он выделялся своей недисциплинированностью и прогулами, оформленными и неоформленными. То комсомол, партия или горсовет просили дирекцию института освободить Краснова на день, два и так далее для важной кавезновской встречи между городами, а то он исчезал без «объявления войны». Лист ватмана с десятком линий, приколотый на его кульмане, пожелтел от времени.

А сам конструктор – если был на рабочем месте – обычно что-то чиркал в тетрадке, время от времени задумчиво глядя в пространство. Сочинял.

В городской команде КВН подобрался постоянный коллектив, неглупые ребята и симпатичные девочки. Собирались по вечерам, два-три раза в неделю, а перед встречей даже днем. Митя в качестве актера не подвизался, у него была распространенная проблема – не знал, куда девать руки. На сцену его выпускали в массовках или когда нужно было за минуту родить остроту, как, например, в разминке.

Законное место его было среди авторов, которые делились на две, иногда три группы – по принципу совместимости. Иногда – не часто – они объединялись. Митина группа была в неизменном составе уже больше года. Туда входили известный вам Марк и пока неизвестный Дима. И у каждого была своя роль. Главной фигурой был Дима, все признавали, что он очень способный. У него – как говорили – талант от бога. В эстраде в те годы было модным понятие «реприза», которое не совсем соответствовало его толкованию в словарях. Имелась в виду емкая и остроумная фраза, рассчитанная на бурную реакцию зрителей. Такие репризы имели большую цену, в том числе и материальную, за ними охотились любители и профессионалы. Дима мог – как ему это удавалось! – писать тексты миниатюр и монологов, сплошь состоящие из реприз. Каким-то непонятным образом слова в его предложениях были подобраны и расставлены так, что даже обычное содержание искрилось юмором. Юмор, особенно эстрадный – а КВН по сути та же эстрада, но притворяющаяся самодеятельностью – требовал своего, присущего только ему языка. У Димы он был. Тексты его можно было сразу распознать, и – что не часто в эстраде бывает – они не звучали пошло и не использовали темы ниже пояса.

Уже несколько лет спустя Митя от нечего делать написал рассказ, там была довольно смешная ситуация, и текст был вполне литературный, и язык хороший – тоже кстати природное Митино свойство. Он отдал его в юмористический журнал. Редактор рассказ опубликовал, но автору сказал: «Хороший, приятный рассказ. Но это не юмор. Это не Дима».

Дима был на год старше своих соавторов, работал технологом на машиностроительном заводе. А Марк «служил»- так он говорил – в отделе стандартизации на маленьком заводе «Ветинструмент».

Митя признавал, что в этой группе авторов был подмастерьем. Он придумывал фабулу; если удавалось, то смешной и неожиданный поворот, и писал – как они острили – либретто. Если Дима принимал сюжет – а решение оставалось за ним, – то садился за стол, нервно стучал ногой и переписывал текст. В это время ни мешать, ни помогать ему не рекомендовалось. Часть либретто в тексте оставалась, но после обработки миниатюра или монолог звучали совершенно иначе. Это была огранка, сделанная мастером. Иногда Дима писал и по своему сценарию, но они оба потом доводили написанное до кондиции, обсуждали, что-то изменяли, добавляли, убирали. Я точно не знаю, как работали Ильф и Петров или Кукрыниксы, но Дима и Митя работали так.

А Марк у них в группе играл роль слушателя. Он прекрасно понимал юмор, был очень смешлив, искренне влюблен в творчество Димы. Иногда пытался вставить реплику или остроту, но она, как правило, оказывалась заимствованной. Как шутил Дима, Марк для автора был слишком начитанным. Но все-таки время от времени его советы как актера-исполнителя приносили пользу, особенно в части сокращений. Марк зрителя чувствовал нутром и знал, что вовремя остановиться – святое дело. Дима – должны же быть у автора

недостатки – это не всегда понимал. И все-таки Марк не был постоянным участником творческого процесса.

Это было ко всему прочему и любвеобильное время. Деньги тогда еще не очень котировались, у большинства их не было, а престиж участников КВН был достаточно высок. И в Советском Союзе гораздо раньше, чем перестройка, началась активная фаза сексуальной революции. Все оказалось намного проще, чем считалось раньше, поэтому на отсутствие возможностей жаловаться не приходилось. Тем более, что к этому времени Митя стал хозяином неплохой двухкомнатной квартиры в центре города – у его отца, кандидата медицинских наук и известного в городе невропатолога было достаточно денег для покупки кооператива на Пролетарском – бывшем и будущем Французском - бульваре, тогда входившем в моду. Дом был прямо над спуском к морю, отличное место.

Митя проявлял здравый смысл и у себя пьянки-гулянки не устраивал, хотя время от времени приводил к себе избранных знакомых подруг для беседы тет-а-тет. Но для Димы, Марка и само собой для самого близкого Митино друга Шурика делалось исключение, в квартиру они были вхожи. Тем более, что там авторы довольно часто писали. Пустая квартира, тишина, никто не мешает, это было удобно. Чаще работали вдвоем, Митя и Дима. Постепенно они сошлись, даже, пожалуй, сдружились, насколько это было возможно для Димы. У ребят было много общего, они даже были не то, чтобы похожи, а скорее одного типа. Светлые волосы, круглолицые, более-менее плотные, Митя был повыше ростом.

Дима в коллективе КВН являлся одним из несомненных лидеров. Талант, энергичность, целеустремленность внушали уважение. Он знал, чего хочет и, как правило, добивался своего. И еще одно свойство, которое на практике вызывает уважение – он всегда поступал, как считал нужным, не очень считался с чужим мнением. Кошка, которая гуляет сама по себе.

Нет, пожалуй, все-таки не кошка. Кот. Ходок из ходоков, но тайный, который свои похождения не афиширует. Даже Мите он никогда не рассказывал о своих победах, но время от времени что-то всплывало. И постепенно у Мити стало возникать мистическое опасение, что любая девушка из коллектива, за которой он было решил поухаживать, уже прошла через Диму. И увы, это нередко оказывалось правдой. Он даже придумал тест, своеобразный устный полиграф, который позволял выяснять истину. Если проверяемая краснела, то становилось понятно – Дима здесь уже побывал.

Но впрочем, Мите тоже не стоило жаловаться. Это не значило, что он мог завоевать или приручить любую, конечно нет. Но и в одиночестве оставался не часто. И скорее проблема была не в том, чтобы найти, а в том, как потерять, если возникнет такое желание. У Мити был хороший, бескомплексный характер, он не напрягал тех, с кем общался – а такое свойство не так уж часто встречается в жизни. Словом, у его подруг, как правило, не было причин прекращать с ним тет-а-тет, от добра не ищут. А с тех пор, как у него появилась собственная квартира – высшее достижение молодого «человека и гражданина» в те годы, – отношение подруг к нему стало приобретать опасный стратегический характер. Но пока он держался стойко.

А Марк к этому времени был уже женат, как и следовало ожидать.

Как у каждого человека были у Мити и неудачи и то, что он считал душевными терзаниями. Так на пятом курсе он серьезно увлекся одной стервой – простите за резкость, но в институте ее многие так величали. И многие же ею увлекались. Эту загадку – успех женщин с таким условным названием – по сей день никто объяснить не может, но сам факт

общеизвестен, почитайте интернет. Митя вопреки своему желанию ею так увлекся, что отказывался прислушиваться к своему внутреннему голосу и советам друзей. А оба эти источника дружно предупреждали, что более ненадежного человека, чем жгучая брюнетка Клара, сыскать трудно. Но его к ней тянуло, тет-а-тет с Кларой был таким же темпераментно-мексиканским, как ее внешность. Митя переживал, давал себе слово прекратить эти отношения, но в конце концов оказался в шаге от того, что бы предложить ей руку и ключи от квартиры. Казалось, судьба его предрешена, но она – судьба – вовремя вспомнила, что Митя - везунчик.

Наш герой – как вы уже поняли – был не слишком принципиальным и волевым человеком, хотя и безвольным его тоже нельзя было назвать. Обычный среднестатистический. Скорее просто здравый, не желающий пробивать стену головой. Но один железный принцип, причем не сознательный, не от ума, а скорее от тела, инстинктивный у него был. В отношениях с женщинами – имеются в виду близкие отношения - его не интересовало все, что происходило до него, оно просто не существовало. Было за кадром. Но если он узнавал, что уже встречаясь с ним подруга изменила, с кем-то переспала – все, она больше для него не существовала как женщина. И в основе скорей всего была чисто физическая брезгливость, которую он не мог преодолеть. Плюс живое воображение. А может, так было проще и удобней? Во всяком случае, в течение многих лет ему не удавалось – даже при желании – перешагнуть через это своеобразное табу. Хотя спустя годы все-таки пришлось...

И вот когда Митя уже готов был безоговорочно сдаться на милость победительницы, он случайно узнал, что все-таки какой-то приезжий музыкант «у Клары украл кораллы». Она думала, что гастролер уедет и таким образом заметет за собой следы. Но не учла, что не случайно одесситы называют свой город большой деревней. Гастролер успел до отъезда поделиться с кем-то своим успехом, даже продемонстрировал фотодокументы, дальнейшее в Одессе было делом техники. Факт измены сомнений не вызывал, его признал бы даже самый пристрастный суд. Да собственно и преступница не отпиралась под тяжестью улик. А Митя только удивился, насколько легко и почти мгновенно он избавился от чувства, которое иначе чем наваждением прежде не называл. С тех пор уже больше года Митя избегал постоянных связей, но – как я уже упоминал – от одиночества не страдал. Все было очень хорошо, даже великолепно, разве что его научно-исследовательский институт своими претензиями портил время от времени настроение. Но что делать, в этой жизни все хорошо не бывает.

Да, Митя вспомнил, что летом, через год после окончания института чуть было не произошло еще одно романтическое приключение. Он на этот пикантный случай тогда не обратил серьезного внимания. А зря.

Дело было так. Репетиции КВН перед очередными соревнованиями проходили всегда в обстановке большой секретности. Опасения, что их идеи могут стать известны соперникам, временами становились манией. Посторонних в зал категорически не пускали. Но вот однажды в приветствии, написанном Димой со товарищи, на сцене должна была появиться группа статистов, «поселяне и поселянки». Пригласили несколько девочек, взяв с них клятву молчать об увиденном и услышанном даже под пытками.

Так случилось, что режиссер в этот день прийти не мог, и репетицию вел Митя – артисты еще не выучили текст. Наверно, он был в ударе, потому что одна из «поселянок», молодая – судя по лицу, – но довольно зрелая по всем остальным параметрам смуглая черноволосая, не сводила с него больших удивленных глаз. Смотрела она на него во все глаза и на следующей

репетиции, когда он уже скромно сидел в зале. Это заметил Марк и сказал, что он бы шанс не упустил. Митя так и поступил. В перерыве подсел к ней, девочка смущалась, краснела и ей это шло. Оказалось, что она из Полтавы, а в Одессу приехала к тетке на каникулы. Словом, после репетиции они посидели в соседнем парке на скамеечке, Митя ее немного пообнимал, даже поцеловал. Она не сопротивлялась, но все делала как-то неумело. Он решил пригласить ее к себе в гости, и с удивлением услышал согласие. Чем бы все это кончилось один бог знает, если бы его новая знакомая Нина не предупредила, что позже десяти часов ей тетя гулять не разрешает. А иначе отправит домой.

- С какой стати? Ты же взрослый человек...

Неловкая пауза... и Митя интуитивно понял, что не совсем взрослый. Под нажимом Нина призналась, что ей уже вот-вот будет... шестнадцать.

Митя тут же скороспелку отправил домой, а Марку потом сказал, что по его совету оказался в шаге от соращения малолетней. Они оба сошлись на том, что у него есть оправдание – на вид «поселянке» было не меньше двадцати. В крайнем случае восемнадцать. Девочка в соку.

А Нина позже, когда они уже были вместе, рассказала, что в тот приезд в Одессу, увидев Митю, сразу поняла - он у нее будет первым. В это время даже в Полтаве возраст 16 лет уже не был препятствием для таких решений. И – самое время сказать – все так и произошло, просто на несколько лет позже.

Митя вспомнил, какой Нина была уже... сколько?... тридцать... да, тридцать два года тому назад, и мечтательно улыбнулся. Впрочем, она и сейчас в отличной форме.

Вообще два-три года после окончания института были, наверно, самыми приятными и беспроблемными в его жизни. Их писанина - так соавторы скромно называли свои тексты – пользовалась все большим успехом. Энергичный Дима получил несколько заказов у местных профессиональных эстрадных юмористов. Гонорар поначалу был небольшой, но он был. Появились деньги, и молодые люди – иногда с молодыми девушками - могли позволить себе время от времени обедать и даже ужинать в ресторане. Иногда они брали с собой и Марка. Митя чувствовал себя на седьмом небе - питание было ахиллесовой пятой удобной холостяцкой жизни. Каждый раз, когда он становился к плите, невольно возникали опасные матримониальные планы. Он начал понимать, что деньги многое решают, раньше это было только теорией, не подтвержденной практикой. Соавторы постепенно входили во вкус, стали писать монологи и миниатюры про запас. Теперь Дима выходил на рынок с готовым товаром, и цены возросли.

Митя чувствовал ответственность, так как понимал, что основная заслуга в этих успехах принадлежит Диме. Он старался, как мог. Идеи били из него фонтаном. Либретто становились все более многочисленными и – ему казалось – более качественными. Но Дима принимал в лучшем случае один вариант из десяти предложенных. Постепенно Митя заподозрил, что его соавтор ревнив.

Это было неожиданно. Сам Митя не испытывал никакой зависти, ни черной, ни белой к способностям Димы, только восхищение и уважение. Кто у них лидер в тандеме ни для кого не было секретом, и Митя об этом везде говорил. А кстати, сам Дима – нужно отдать ему справедливость - никогда и нигде не подчеркивал своей особой роли в их совместной работе. Но поди ж ты, он все-таки был тщеславен, и в такой форме это проявлялось.

Митя отнесся к открытию с пониманием, он считал, что такой недостаток вполне простителен талантливому человеку. Тщеславие дополнительный и мощный источник

энергии. И с некоторых пор старался повернуть обсуждение так, как будто идея пришла в голову Диме, а сам он только ее развивает. Помогало.

Митя с сожалением признавал, что ему самому немного честолюбия бы не помешало. Но, судя по всему, чего нет, того нет. Прежде у него – как и у многих в юности – иногда появлялось желание стать писателем. В школе и институте Митя кропал вирши – в основном юмористического содержания, писал кое-что для капустников. Имел местный успех. А еще учительница литературы очень хвалила его сочинения. Но в совместной работе с Димой он понял, чем отличаются настоящие способности от любительства, и это отвратило его от слишком серьезного отношения к своим перспективам стать профессиональным писателем-юмористом. Дима помог ему осознать, что нужно протягивать ножки по одежке.

Правда, Марк, когда они однажды с Митей выпивали в ресторане вдвоем – бывало и такое, – то ли в утешение, то ли всерьез сказал:

- Жалко, что Дима отбил у тебя охоту искать свой путь в литературе. Тебе бы работать с кем-нибудь попроще. А так, конечно, с таким зубром... Но мне нравятся твои либретто. У тебя хороший литературный язык, я-то знаю, что это мало кому дается, – он печально вздохнул. - И воображение есть. На монологах и миниатюрах свет клином не сошелся. Тут специфика...

Сегодня угощал Митя, стол был хорошим, и сочувствие было им принято как форма благодарности. Но истина дороже.

- Способности и талант, если они есть, обязательно проявляются. А раз не проявились до сих пор, значит их нет. Ремесленник в искусстве - это ужасно. Так что я должен быть Диме благодарен за трезвое отношение к себе. Кстати, о трезвом отношении, давай за него выпьем.

Они выпили.

...А вскоре произошли изменения, о которых в Хайфе с белой или серо-буро-малиновой завистью вспоминал Марк, когда доказывал, что Митя везунчик.

В Одессе все сведения распространяются быстро, успехи новых способных авторов не остались незамеченными. И однажды количество перешло в новое качество. На этот раз инициативу проявил Митя, что не так уж часто бывало.

У них был монолог, написанный обычным для авторов способом - Митина тема и Димина аранжировка. Речь шла о реальном очередном примере советского бардака. Все уже привыкли к тому, что не успеет одна организация положить новое покрытие дороги, как другая вспоминает, что надо менять канализацию под ней. А третья решает проложить кабели не раньше, чем полностью все восстановят. И так до бесконечности. Был в то время хороший мультфильм, в котором предлагали сделать дорогу на змейке.

Но в южном пригороде Одессы решили установить рекорд. Одна организация вела широкую дорогу к большому поселку с трамвайной линией, столбами, троллеями – все по высшему разряду. Под дорогой трубы, кабели и прочее по мелочам. Другая тоже ударными темпами строила железнодорожное полотно и тоже модерн – со всеми причинами для электропоезда - к новому современному литейному заводу. Планов наших громадь, как писал Маяковский. Название монолога таким и было: «Я планов наших люблю громадь».

Как вы догадываетесь, неожиданно для себя они встретились, пересеклись. Ну была бы просто дорога, сделали бы переезд и шлагбаум. А тут трамвай. Кто пройдет сверху, кто снизу и как это сделать? Ни в проекте, ни в смете ничего подобного не было. Уже год они чешут затылки, все вокруг разрыто...

Монолог получился острый и ядовитый, Дима постарался. И смелый. В тексте даже был прозрачный намек на старый анекдот, мол не кровати нужно менять, а...девочек. Конферансье его не покупали – ссориться с городскими властями никто не хотел, тем более было не ясно какие «девочки» имелись в виду. Может, совсем вышестоящие, или точнее вышележащие...

И тогда Митя по своей инициативе отнес монолог в редакцию областной газеты, которая не на живот, а на смерть боролась за читателя с другим солидным изданием. Новый молодой редактор газеты рискнул, дописал подзаголовок «Фельетон» и опубликовал. Эффект был большой, на место встречи двух дорог даже стали приезжать туристы из других районов. А соавторы получили гонорар, правда почти символический, но все же... Но главное подписи под фельетоном в газете - Дмитрий Ланской и Михаил Краснов. Как говорят – они проснулись знаменитыми, правда, пока еще в узких кругах.

Вдохновленный успехом Митя – на этот раз с согласия Димы – подсуетился и отнес еще один завалившийся монолог на местную тему. На этот раз он сам вписал «Фельетон» и фамилии реальных действующих лиц. И его тоже напечатали!

А еще через неделю редактор пригласил – через курьера! – Диму в редакцию и предложил ему работу в отделе фельетонов с испытательным месячным сроком. Почему Диме? Одесса – я уже говорил - большая деревня, и редактор знал «ху из ху» в авторском коллективе. Дима благородно без партнера наниматься отказался. Тогда редактор предложил те же условия и Мите. Один из соавторов был более талантливым, а другой более практичным. Более практичный отказался от испытательного срока, справедливо считая себя слабым звеном – куда в случае чего возвращаться? Как потом выяснилось, их фельетоны подняли продажу и – самое главное – подписку на какие-то солидные проценты. Читателям во главе с их престарелым Брежневым было скучно. Юмор нужно было вводить. Короче, соавторов взяли в штат. Зарплата небольшая, но зато за каждую статью солидная добавка.

Начиналась новая жизнь.

Глава 3. Улям

После того, как Митя в ночь под еврейский Новый год обнаружил в себе признаки суицидального синдрома, его настроение по несколько раз в день резко менялось. И он в этой нестабильности увидел – к сожалению – подтверждение своего диагноза. В пятницу утром он проснулся полный решительности и оптимизма, а в субботу - мрачный и не верящий ни во что хорошее. Традиционная поездка на шашлыки в этот день была отменена из-за ожидавшегося вечером пышного празднования юбилея, на который Мите и раньше идти не хотелось, а после обнаружения синдрома тем более. А тут еще Нина добавила с утра отрицательных эмоций. Запинаясь и с бесконечными реверансами, она рассказала, что... оказалось... я не знала... узнала только в четверг... да если бы я знала, то...

- Ну, говори уже.

- Оказалось, что рядом с нами, буквально за соседним столом будет сидеть Гила из моего отдела, ты ее видел. Она всем расскажет про наш юбилей. Так что я была вынуждена... извини... а что мне оставалось... пригласить к нам Пнину и Авиталь с мужьями. Они бы мне не простили... все-таки подруги...

Митя молча проглотил это сообщение. Оно настроение не улучшило.

Во время бритья он внимательно изучал свои глаза. Если он сошел с ума или на пути к этому, то глаза должны измениться, это общеизвестно. Глаза зеркало души, больной или здоровой. Пока – кажется – изменений он не увидел. Впрочем, судить должны со стороны. Потом ему в голову пришла спасительная мысль, что этот синдром не сумасшествие. Сумасшедший теряет разум. А в данном случае картина обратная – ум одерживает верх над инстинктами. В инстинкте заложен страх смерти, а разум логично говорит, что бессмысленное и безрадостное существование может быть значительно хуже.

Он попытался в зеркало не криво, а оптимистически улыбнуться. Смайл. Нет, не получается пока, придется воздержаться до лучших времен.

В этот день все как-то не клеилось и не способствовало возвращению решительности и оптимизма. Сразу после завтрака Нина потащила его на пляж. Митя Средиземное море не любил. Летом оно напоминало теплую мутную ванну – до тридцати градусов температура, плавать было практически невозможно, потому что вечный прибой уносил от берега, а Митя плавал неплохо, но медленно. Чуть зазеваешься – и нужно максимально выкладываться, до изнеможения. Было с ним такое в начале этого сезона, пришли на помощь спасатели, а Нину в позапрошлом году вытаскивала из моря группа товарищей, русских туристов, которые, к счастью, загорали тогда на пляже. Они с Ниной купались в тот день вечером, когда спасателей не было. Кстати, спасатели уходили со своего поста не то в четыре, не то в пять часов, то есть тогда, когда в израильскую жару только можно купаться. Охрана труда спасателей не совпадала с охраной жизни отдыхающих. Grimасы западной демократии.

Каждый год море собирает свою жатву, особенно незнакомых с его коварством приезжих.

По дороге Митю ожидала дополнительная нагрузка на психику – Нина для поддержания своей спортивной формы решила на пляж идти пешком, а значит через заправку, проезд и площадку, на которой разыгралась битва с молодыми марокканцами. Одно к одному...

- Митя, идем. Что с тобой? Какой-то ты сегодня странный...

- Только сегодня? Если бы только сегодня...

А на море он сделал еще одно неприятное открытие – вспомнил, что когда его спасатели вытаскивали на этом самом пляже из «заплыва», в начале сезона, он подумал: «Какого черта меня так далеко от берега занесло? Я же знал, что этого делать нельзя». Теперь он понял, какого черта. Вот еще пример в копилку доказательств.

Так как Митя теперь внимательно следил за каждым своим шагом, старался оградить себя от искушений, то зашел в море только по пояс, затем ухнув, по-женски, присел в теплую воду. И громко рассмеялся – чувство юмора его еще не оставило. А выйдя на берег, принялся корректировать планы оздоровления. Он решил, что очень важно не заикливаться на мыслях о суициде, так можно окончательно сдвинуться, а наоборот, нужно заставить себя расслабиться. Стоп, так «заставить» или «расслабиться»? Эти понятия друг другу противоречат. Конечно же, расслабиться и попытаться получить удовольствие – хоть какое-нибудь удовольствие - от жизни. Ну, хотя бы полюбоваться красивыми женскими фигурами на пляже, раньше это у него неплохо получалось. Он окинул взглядом ближайшие окрестности, но подходящего объекта не нашел. В основном контингент был немолодой, да и вообще с этим в Израиле проблемы; скажем, до одесских пляжей им, вынужден был признать Митя, далеко. Единственной соблазнительной фигурой была выходящая на берег Нина. Рубенсовская женщина, выходящая из морской пены. Ну что ж, и это неплохо.

К счастью, они на море задержались ненадолго – нужно было отдохнуть перед предстоящим гуляньем. Но идти назад пешком, «по местам своей боевой славы», Митя наотрез отказался, поехали автобусом.

Дома Митя в нарушение всех правил и обетов днем выпил снотворное, зато неплохо поспал и отправился на юбилей в довольно-таки бодром состоянии. Он относительно удачно пристроил на лице «Смайл» и удостоился комплимента от Нины:

- Другое дело. Теперь можно объявить, что тебе пятьдесят. Что мы просто ошиблись.

Митя понял - эту шутку Нина заготовила для гостей, и решил, что постарается ее не подвести. Он и в такси не переставал улыбаться, тренировался.

Зал «уляма» был большой, высокие потолки, приятное мягкое освещение. Вокруг арены, размером с хоккейное поле, каскадом располагались столы – всем должно было быть видно, что там происходит, представление входило в меню и в цену.

Когда Митя с Ниной вошли в зал, народ только начинал собираться, было довольно спокойно, играла не очень громкая музыка. Две-три наиболее смелых – или уже выпивших - пары на арене танцевали. «Улям» был вотчиной русскоязычных эмигрантов, коренные израильтяне могли оказаться за столом только в качестве приглашенных на торжество, скажем так, как сотрудники Нины. И молодежи тоже почти не было. Поэтому звучали в записи в основном русские песни а ля Любовь Успенская, Стас Михайлов и с заходом в шансон – все рассчитано на вкусы массового посетителя. Не секрет, что среди русскоязычных репатриантов в Израиле немного жителей крупных культурных центров, в основном народ эмигрировал из небольших провинциальных городков... с соответствующими последствиями. Я не говорю, что это плохо, не хочу никого обидеть, но такой факт имеет место, и я не делаю открытия. Это давало злым языкам основание именовать Израиль большим местечком.

Кстати сказать, русскоязычные тоже довольно условное определение, языков – не говоря уже об акцентах – в зале хватало. В израильскую семью русскоязычных народов входили эмигранты с Кавказа, из средней Азии, из степей Украины. И все-таки основным языком общения был русский – правильный, или ломанный, или с акцентом – как у кого получалось. Иврита было мало, те, кто акклиматизировался и хорошо обосновался в стране, в этот «улям» уже не ходили.

Стол у них оказался довольно длинный, «солидный», было двадцать шесть человек, в большинстве Нинины знакомые. (Митя даже не помнил, как некоторых из них зовут.) В том числе русскоговорящие подружки по бассейну, парикмахерша, двое соседок, уже указанные Пнина и Авиталь с работы, все с мужьями. И одна безмужняя, тоже из бассейна, сюрприз для Марка. То, что по мнению Нины, ему было нужно. Лет на семь его моложе, в весовой категории Нины, муж умер несколько лет тому назад, дети жили отдельно, вдова была симпатична, романтична и жаждала кого-то холить и нежить. Предыдущий альянс Марка распался из-за холодного нрава его подружки Лили, а нынешний кандидат Марина была, по мнению Нины, олицетворением женской нежности - при довольно-таки представительной фигуре голос у нее был очень приятный, мягкий и выражение лица улыбочиво-доброе.

Кое-кто из гостей вместе с поздравлением сказал пару дежурных комплиментов имениннику, как журналисту. Мол, читают, крепко он этим арабам дает жару. Митя старался

не морщиться, хотя такое желание было. Особой славы работа в газете ему не принесла, удовлетворения тем более.

Нина энергично рассадилась гостей. Юбиляр с женой были во главе стола, затем Розенберги с одной стороны, с другой Марк. Рядом с ним Нина расстаралась и посадила Марину. Пнина и Авиталь с мужьями оказались на дальнем конце, что вполне устраивало Митю, но беспокоило Нину. Все гости собрались почти одновременно, что не так часто случается на подобных торжествах, поэтому, не затягивая процедуру, приступили к тостам и закускам. Благо в зале пока было относительно тихо.

Первым речь держал привычный к этому Шурик. Выпили за юбиляра. Потом Марк с чувством предложил выпить за замечательную жену, великолепную женщину и так далее и так далее – за Нину. С небольшим перерывом кто-то из гостей вспомнил о Новом годе и предложил выпить за то, чтобы у всех была хорошая подпись всевышнего, «хатиматова». То есть чтобы все получили разрешение жить в новом году. Это в переводе в принципе означает - «за здоровье присутствующих», но с национально-новогодним колоритом. После третьего тоста – как обычно и бывает, третий тост поворотный - все почувствовали себя свободнее, и на участках стола завязалась беседа. К этому времени оживились соседние коллективы, немного громче зазвучала музыка, пришлось для поддержания разговора повышать голос – словом началось ресторанное веселье.

Митя в основном помалкивал, но старался время от времени улыбаться. Нина ему что-то сообщала, но ответы запаздывали. Слева Розенберги о чем-то беседовали с соседями, Шурик, правда, пытался пару раз его взбодрить, а Татьяна, как обычно, была внимательна, но сдержано-суховата. Справа Марк заигрывал с Мариной, Марина заигрывала с Марком. У них намечался консенсус. Время от времени Марина посматривала в его сторону, и Митя понял, что ему тоже в разговоре уделено внимание.

Нина очень переживала, что ее сотрудницы и их мужья, которые ни слова не понимают по-русски, чувствуют себя чужими на этом празднике жизни, поэтому через несколько минут она извинилась и «на секундочку» ушла к ним. Митя не очень отреагировал... Он сидел молча, слушал разговоры и... улыбался.

Потом Марина куда-то отошла, а Марк воспользовался моментом, пересел на место так и не вернувшейся – пока – Нины и заговорщически прошептал:

- Митя, ты не поверишь – она читатель. Настоящий читатель, не женских романов, а всерьез. И закончила какой-то литературный институт. Представляешь? Она меня на почве Оскара Уайльда перепарадоксила! Представляешь?!

Парадоксы Уайльда были слабостью Марка, и он ими в разговоре частенько злоупотреблял.

- Интеллигентный человек, хоть, между прочим, и женщина!

В это время вернулся интеллигентный человек, и Марк ее встретил с рюмкой в руке. Кажется, намечался брудершафт.

Ненадолго пришла Нина, предложила тост за дочь именинника и его внуков, потом опять упорхнула. Внизу на арене танцы стали почти массовыми.

Прошло еще немного времени и – как и следовало ожидать - малознакомые люди за столом нашли общую тему для беседы. Само собой это была политика, без которой в Израиле никакой разговор не обходится. Бытие израильтян определяет политизированность, часто заменяющая им сознание - сказал бы в наше время Карл Маркс, если бы был

репатриантом. Хотя – к слову – ему бы израильское гражданство не дали, выкрестов в Израиле не принимают.

Но вернемся к разговорам за столом. Митя последнее время расстраивался, встречаясь с любой агрессивностью, включая политическую, А сейчас у него были все основания считать, что он слишком болезненно (снова по Фрейдю) относится к этому все усиливающемуся в мире явлению. Русскоязычные репатрианты в проявлении политической агрессии могли дать фору многим израильским общинам. Агрессивность эта имела свою специфику – люди не повышали голос, не бранились, не скрипели зубами, но относительно мягко - по форме - говорили ужасные вещи по содержанию. Как это совмещалось, Митя не мог понять. Между нами говоря, я этого тоже не понимаю. Объяснение, наверно, только одно - западная корректность пыталась смягчить вьезшуюся в кровь советскую нетерпимость, но безуспешно. Правда, это касалось только того, что они считали враждебным, но и такого было немало.

Первой темой был инцидент с правозащитной флотилией, которая хотела прорвать блокаду Газы, это произошло относительно недавно. Там израильские коммандос на пароходе «Мави Мармура» убили 9 человек, ранили, кажется, 35. Но и израильских не то 10, не то 15 солдат было ранено. Своих правозащитникам простить не могли. Все единодушно признали, что наши слишком миндальничали, надо было сбросить на пароход бомбу и потопить.

А романтичная Марина пошла дальше, и добавила нежным голосом – он у нее действительно был нежным:

- Нужно было все пароходы потопить, чтоб неповадно было. Правда, Михаил?

Митя не согласился быть арбитром и промолчал. Зато либеральный Марк был явно озадачен и сказал:

- Но ведь там было 700 человек из разных стран. Без оружия. Правозащитники...

- Эти правозащитники защитники арабов, то есть такие же бандиты. Правда, Михаил?

Раздались дружные голоса поддержки со всех сторон стола. Насколько Мите удалось разобрать, топить всех большинство присутствующих все-таки не предлагало, разве что десяток-другой, но искупать пособников арабов, а значит антисемитов, стоило. Пусть бы охладились.

- Эта Европа всегда их поддерживает. И ООН всегда против нас. Правда, Михаил? Вы правильно об этом писали на прошлой неделе. Все против нас.

- Писал, - вынужден был признать Михаил, хотя гадости о Европе в статью добавил лично редактор.

Опять раздался всеобщий ропот поддержки. Оказалось, несколько человек статью все-таки читали, и особого одобрения удостоился личный вклад редактора.

Потом перешли непосредственно к арабам. С ними не церемонились. Больше всего народ расстраивало, что прошедшая в прошлом году операция «Литой свинец» в Газе не закончилась полным разгромом палестинцев. Сопрано Марины солировало в общем хоре:

- Нужно было сравнять все с землей, а не слушать этого Хусейна Абаму, - интеллигентный человек знала все о президенте Америки, даже его второе имя, - все они один за одного. Правда, Михаил?

Митя опять уклонился от ответа, но подумал, что кажется имелся в виду цвет кожи, а это уже недалеко от расизма.

На Марка было жалко смотреть. Его разочарование проступило на лице красными пятнами. К счастью, появилась Нина, и он, с облегчением вздохнув, пригласил ее танцевать, даже не извинившись для вежливости перед читательницей. Марина вроде бы не огорчилась, она с увлечением участвовала в следующем этапе - разгроме пятой колонны, наших израильских либералов, которых так же мало и которые столь же нелюбимы народом, как в матушке России. Это слово – либерал – тоже ругательное. И так же, как в России, здесь многие считали – и писали, - что они за деньги госдепа или Европы продают родину. Это была официальная позиция правящего национального лагеря, а значит и Митина, иногда с помощью главного редактора, расставляющего правильные акценты. Вполне естественно, Марина вместе с коллективом не забыла напомнить об иудиних тридцати серебряниках этих левых – в Израиле «левые» и есть презренные либералы. Время от времени она прерывала свои сентенции уже привычным:

- Правда, Михаил?

Татьяна не выдержала и увела Шурика танцевать. Но перед уходом негромко сказала Мите:

- Вот пародия на твоё творчество.

Он так и не научился на нее сердиться или обижаться, поэтому стал привычно оправдываться.

- Это мнение большинства. Я его поддерживаю...

- Доставлять удовольствие клиенту - это другая профессия. Ты знаешь какая.

Митя знал, она уже это ему говорила.

Таня с Шуриком ушли танцевать, а расстроенный Митя попытался оправдать – по возможности – себя и коллектив.

С народом получалось довольно убедительно. Люди в Израиле живут не только в ожидании, но даже в обстановке почти непрерывной войны и враждебности. Не буду – решил Митя – разбираться, кто в этом виноват, возможно, евреи не меньше всех остальных. Но сам факт такой жизни не может не оказывать воздействия на людей, живущих в этом боевом регионе. Трудно требовать, чтобы при этом человек оставался терпимым, доброжелательным, всепрощающим. Даже такой интеллигентный, каким кажется Марина. Ей богу, все могло бы быть намного хуже. Бытие определяет, безусловно, определяет...

Но в глубине души Митя понимал, что все эти объяснения могут относиться к коллективу. С него, журналиста, все-таки другой спрос. Попутно он засчитал себе афоризм: «Успешность страны – в основном заслуга СМИ, а неуспех – их вина». И напрасно журналисты притворяются, что они такие же, как все. Нет, не такие. У обычного человека обман - просто обман, у журналиста – это смертный грех.

Пришлось выпить еще рюмку. Не то четвертую, не то пятую.

В этот момент он получил подтверждение своим объяснениям с места. Какая-то гостя, кажется парикмахер, рассказала, что ее сестра живет на юге, возле Газы. Нет, не живет, это жизнью назвать нельзя. Они все время в напряжении, все время ждут, ночью и днем, из года в год, что упадет ракета. И ракеты время от времени падают. Взрослые становятся зайками, не говоря уже о детях. А переехать невозможно – купили квартиру, ее там не продашь.

Тут уже хором все пожелали стереть с лица земли эту проклятую Газу... А Марина добавила:

- Камня на камне. Правда, Михаил?

Почему она все время ссылается на него? Встретив удивленный взгляд Мити, Марина решила объясниться. Она подошла к все еще свободному стулу Нины и спросила:

- Можно?

- Конечно, пожалуйста, - он поискал глазами чистую рюмку. – Может, вам налить?

- Мне достаточно, - игриво ответила Марина. И это было похоже на правду. Она покраснелась, а в глазах мелькали чертики. – Я хочу объяснить, почему все время на вас ссылаюсь. Дело в том, что я ваша давняя поклонница, как журналиста. В основном, как журналиста. – Это тоже прозвучало довольно игриво.

- Спасибо, такое всегда приятно слышать, ласковое слово и кошке приятно.

Кажется, он улыбнулся по-настоящему.

Марина постаралась быть серьезной, у нее почти получилось. Хотя чертики из глаза в глаз все время перескакивали.

- Я в Израиль приехала раньше вас. Муж в Киеве заболел, и мы решили, что израильская медицина поможет. Не помогла. Но я не об этом.

В зале было шумно, громко говорить Марина не хотела, тема ей казалась сугубо личной. Поэтому она придвинулась к Мите вплотную. Это выглядело немного угрожающе, но ему понравилось – кажется, рюмок было все-таки пять, не меньше. И почему он весь вечер сидит один, а Нина где-то болтается?..

Марина продолжала, постепенно придвигаясь и понижая голос.

- Моя профессия... к сожалению, бывшая, и не только профессия, а даже я бы сказала страсть, это литература.

Митя откровенно перепугался – не только журналисты, но все нормальные люди боятся самодельных авторов, которые сейчас буквально размножаются делением. Марина это заметила и успокоила:

- Нет, чукча не писатель, чукча только читатель. Я очень люблю то, что сейчас встречается очень редко – хороший русский язык. Это даже стало пунктиком. Я вам признаюсь...

- Признавайтесь, - тоже игриво вступил Митя.

- Я с трудом читаю великого Достоевского, потому что у него не совсем русский язык.

Митя почувствовал уважение – для такого эпатажного заявления нужна смелость. И уверенность. Марк прав, она, кажется, читатель и интеллигентный человек - он внимательно присмотрелся к ней – хоть и женщина...

Марина увлеклась.

- Только кажется, что проза это просто. В хорошей прозе обязательно есть мелодия текста. И у каждого автора она своя. Вот, скажем, читаешь предложение и чувствуешь – в этом месте должно быть трехсложное слово, без него мелодии не получится. Будет как на ухабах. А с ним предложение читается легко, как песня.

Она остановилась.

- Стоп. Села на своего конька. Вернемся к нашим баранам, - она заулыбалась, - кажется получается острота, потому что я имею в виду русскоязычные газеты. Я их читать не могу, хотя вынуждена. Они безграмотны. В основном.

Митя пытался что-то сказать в защиту.

- Подождите. Я говорю свое мнение. Но потом я нашла вас, ваши статьи. И стала вас читать. У вас, да будет вам известно, хороший русский язык.

Это было сказано очень безапелляционно, но форма раздражения у Мити не вызвала, а содержание понравилось.

- А вот теперь самое интересное, - Марина сделала интригующую паузу. - Когда я приехала в Израиль, то была... левой, - Митя удивленно посмотрел на нее. - Да, представьте себе. Два государства для двух народов, нельзя аннексировать чужие территории и прочее. А теперь приготовьтесь к признанию.

Митя поддержал:

- Не робейте, признавайтесь.

- Вода камень точит. Я читала ваши статьи, в основном ваши, я уже объяснила почему, и на собственном примере лишней раз убедилась в силе пропаганды. Хочу сделать комплимент – качественной пропаганды. И я постепенно перешла на ваши ультра национальные позиции. Вы писали хорошо и убедительно, жизнь вокруг доказывала вашу правоту. Теперь мы единомышленники, а вы - наш рупор.

Лицо у Мити вытянулось. Удовольствия от этого признания он не получил, скорее почувствовал огорчение и стыд. И почему-то подумал: «Слава богу, что это не слышит Татьяна».

А Марина дотянулась до своей рюмки – благо было недалеко – и предложила:

- Давайте выпьем за то, что вы в ответе за тех, кого приручили.

Был определенный намек в этом тосте, Марина его подчеркнула, слегка подмигнув. А чертей в ее глазах было видимо-невидимо.

- Женщины любят талантливых мужчин, тут уж ничего не поделаешь. Я видела вас вместе с Ниной пару раз и давно хотела познакомиться.

Мите тоже захотелось выпить, но по другому поводу. Он напрасно закрывал глаза на реальность, на его совести тоже есть «прирученные». Много их или мало – не суть. Если бы он сам думал, как писал, было бы другое дело. Но по Владимиру Ильичу Ленину и по Татьяне Розенберг он воистину «политическая проститутка», причем за деньги, за полтора минимальных оклада.

Он налил в рюмки водки, чокнулись, выпили. Марина перемены настроения не заметила. И к счастью в этот момент вернулись Нина с Марком. Марина ретировалась на свое место, Марк, надувшись, занял свое, Митя был не прочь сорвать свое огорчение на Нине:

- Где ты весь вечер бродишь?..

В это время за столом добрались и до ортодоксов. Их, нужно сказать, светские репатрианты тоже дружно не любили. Уже кто-то сказал «не служат в армии», кто-то добавил «дармоеды». Но тут по цепочке передали, что дочь юбиляра «харидим», и тема была закрыта.

Всех примирило искусство. Начался концерт такой громкий и сверкающий, что никакие разговоры практически стали невозможны. В лучшем случае можно было обменяться крикливыми репликами, если было невтерпех. Митя сидел вполборота к арене, иногда краем глаза смотрел на выступления, иногда не смотрел, но не слушать было невозможно. Мода последних десятилетий - все больше и больше усиливать громкость исполнения - докатилась и до репатриантов Израиля. Впрочем, это было в принципе неплохо для Марка с Мариной, да и для Мити с Ниной, пожалуй, тоже. Хотя – кажется – представление веселья им не добавило. Митя, опять-таки краем глаза, но на этот раз другим краем, заметил, что скучающая Марина пару раз добавила горячительного. Он тоже последовал ее примеру.

На арене было много выступающего народа. Обязательные герлз, примерно дюжина, регулярно переодевались, стараясь свести покрытие до минимума. Они сами танцевали, участвовали в подтанцовках солистам, им отрезал голову фокусник – девочки свой хлеб отрабатывали. Фигурки у них были неплохие, жаль, что техника танца немного хромала. Но не страшно, не балет Большого театра! Солисты пели под фанеру, поодиночке и ансамблями. Был небольшой, но довольно неплохой оркестр, оснащенный самой современной музыкальной техникой. Словом, концерт был похож на любой подобный, может немного провинциальный, как впрочем и большинство столичных телевизионных концертов. Одно выгодно отличало его от других – не было, слава богу, эстрадных юмористов.

Пару раз казалось, что наступил апофеоз и финал концерта. Зритель радостно и облегченно хлопал, но не тут то было... И все-таки на очередном апофеозе представление действительно закончилось. Зрители оживились, за всеми столами наскоро сообразили тосты, выпили и ринулись танцевать. Засиделись.

Митя пошел танцевать с Ниной, а вежливый Марк с Мариной. После этого Нину пригласил один из израильских мужей, кажется муж Авиталь. Марк исчез. Потом Нину пригласил кто-еще, она пользовалась успехом. И Марину тоже пригласили. Митя не мог заставить себя последовать их примеру, хотя сидеть одному за почти пустым столом было глупо и неловко. И вдруг он услышал ангельский голос:

- Объявляется дамский танец.

Он оглянулся – за его спиной стояла и улыбалась Марина.

Митя с удовольствием галантно поклонился в знак согласия. Она была основательно «веселой», это было заметно. Но все в пределах приличия.

Когда они начали танцевать, Марина сказала:

- Чувствую крепкую мужскую руку, – и прижалась к Мите. А он почувствовал мягкую женскую грудь, но об этом не объявил.

- С вашим голосом можно работать сиреной.

Марина засмеялась, а смех у нее тоже был... колокольчиком. И она это знала.

- Значит, я работаю не по специальности. В туристическом бюро. Продаю путевки, авиабилеты и прочее. Ну, вы знаете... Хотя там тоже приходится соблазнять клиентов, чтоб что-то купили.

Она очень активно подчеркнула слово «тоже». И положила в карман его рубашки визитную карточку, наверно заготовленную заранее.

Он вынул, посмотрел, повертел – визитка туристической фирмы. Но на обратной стороне ручкой дописан адрес и телефон. Марина покраснела, но объяснять ничего не стала.

- Улица Царфат? Это близко от нас.

- Может, позвоните или зайдете как-нибудь.

Они протанцевали еще два танца. Марина рассказала ему то, что он и так знал от Нины. Что дети живут отдельно, что в Израиле тяжело найти человека, с которым можно поговорить об искусстве, литературе...

- И вообще, в нашем возрасте, да еще в эмиграции...

Короче, все было понятно, люди взрослые, не дети.

Марина была довольно симпатичной, в привычных для Мити габаритах Нины, но в основном за счет полноты. И все-таки он должен был признать, что ее полнота была скорей соблазнительной, чем чрезмерной, – думаю, каждому из нас знаком такой тип женщин.

Арена была большая, но Митя заметил, что Нина танцует на этот раз с мужем Пнины, Марк с парикмахершей, Шурик неумоимо вертелся вокруг Татьяны.

Когда они с Мариной вернулись за стол, Нины по-прежнему не было. Партнершу у него сразу же увели – кто-то из-за соседнего стола, она, как и Нина, тоже пользовалась успехом. Митя снова оказался в одиночестве и всерьез рассердился на жену. Налил в рюмку водки, выпил, поискал глазами закуски – ничего подходящего не нашел. Все подчистили.

Наконец вернулась Нина, увидела помрачневшего супруга и стала делать все возможное, чтобы объяснить, исправить, развеселить. Пригласила танцевать.

Танцы продолжались недолго. Народ был в основном не очень молодой, но еще важнее было другое – завтра утром на работу. Словом, зал пустел на глазах.

Марина исчезла внезапно. По-английски. Наших друзей должна была везти Татьяна, которая сегодня не пила. Они попрощались с теми, кто еще оставался, забрали с собой букеты, которые кое-кто – немногие – дарили юбиляру вместе с конвертами, и поехали домой. Митя был мрачен, Нина слегка перед ним лебезила. Марк уже явно справился с разочарованием и вернул себе философское настроение.

Было еще довольно далеко от дома, когда Митя сказал:

- Татьяна, выбрось меня здесь.

Никто не удивился, все знали, что после застолья он должен прогуляться. Только Нина забеспокоилась:

- Почему так далеко? Это же больше часу ходьбы. И будь осторожен, уже полдвенадцатого...

Они уехали.

Митя был огорчен. Немного пьян. Обижен на Нину. И вообще, нужно как-то спастись, сейчас не до сантиментов. Только радости жизни могут ему помочь. Он уже хороший десяток лет, как какой-нибудь ортодокс, ведет праведный образ жизни. Ага, вот и улица Царфат. Она слева, очень удачно. Нина через десять минут уже будет спать беспробудным сном до утра.

Ноги понесли его налево, по улице Царфат, а мысли вернулись в прошлое. Мы, конечно, последуем за ним в прошлое, назло тем любопытным, которые бы хотели посмотреть, что произойдет там, налево...

Восемьдесят третий год

(Машина времени)

Одесская областная газета, в которой почти пять лет с успехом трудился Митя, в предпраздничном номере сообщила, что страна встречает новый 1983 год на подъеме, несмотря на невосполнимую потерю - смерть Генерального секретаря и прочее, и прочее, и прочее Леонида Ильича Брежнева. Это было вранье. Страна встречала новый год на затыжном спуске, а точнее с ускорением катилась под откос. Вся европейская часть Союза ездил в Москву за колбасой, а остальные края и области добирались туда с той же целью самолетами. Сам автор летал за колбасой из Алма-Аты на мощном красавце ИЛ-62. Что можно добавить к этой картинке?

Вместо Брежнева встал, точнее, как вскоре оказалось, прилег у руля Антропов. Но он успел прославиться вкладом, который мы до сих пор как следует не оценили. Испокон веков

ловили беглых рабов, наказывали, что-то им отрезали, возвращали хозяевам. Но ловить с милицией на улицах прогульщиков, устраивать на них облавы до него никому даже в голову не приходило. Принято считать, что Антропов был самым умным среди наших генсеков. Представляете себе, какими были все остальные?

Проблемы в стране распределялись на всех, это ощущалось как природное явление, нечто посланное свыше. Но личная судьба Мити в этот период складывалась очень удачно. За время работы в газете он из новичка превратился в кадрового журналиста. Когда редактор говорил свое излюбленное: «Костяк нашего коллектива...», то имел в виду в том числе и Митю, который за эти годы успел поработать во всех журналистских жанрах, от заметки, репортажа и до аналитических статей. В редакции его ценили. И дело не только в способности ладить с сотрудниками, в его общительности, хотя и это важно. Были и вполне объективные причины. Прежде всего хороший язык, о чем я уже упоминал. Далеко не все опытные сотрудники могли этим похвастаться. Кроме того, что его тексты легко читались, они и легко писались. Строчки появлялись сами собой, над ними не нужно было мучительно трудиться. За то время, что другой журналист, вымарывая, вставляя, изменяя, мог с трудом напечатать один лист статьи, Митя без напряжения и почти без помарок выдавал нагора два. А ведь это и была производительность труда...

И кстати, умение находить с людьми общий язык тоже оказалось профессиональным качеством. Для интервью со сложным, проблемным клиентом, в первую очередь высокопоставленным, который нередко оказывался обычным хамом, посылали Митю. Как эти перемены произошли, ведь Митя с Димой нанимались писать фельетоны?

К сожалению, Дима ушел из редакции, он не продержался и года. Оказалось, что журналистика это в первую очередь работа, а уже потом – и то если получится – творчество. Они предполагали писать по фельетону в каждый пятничный номер. Это оказалось непросто. Найти тему, написать фельетон, со всеми – включая пострадавших – согласовать... Потом нужно было пройти редакторскую жесткую цензуру – неприятностей начальству, хоть молодому и прогрессивному, не хотелось. Постепенно выяснилось, что выше завхоза и мелкого чиновника никого трогать не рекомендуется. И писать нужно не о том, что хочется, и не тогда, когда ты – как говорил Жванецкий – не писать, как не пий сать, не можешь, а к сроку и по команде.

Какое-то время они выдерживали темп, потом поняли, что каждую неделю не получается. И все равно это был поток, а в потоке качество падает на глазах. Не только Диме, но и куда более конформистскому Мите временами неловко было читать их банальную стряпню.

Но еще больше – если это возможно – Дима переживал от необходимости врать, лакировать, добиваться в статье «уравновешивания положительного и отрицательного». И обязательно, чтобы был оптимизм, иначе припишут очернительство. «Какой к черту оптимизм в этом сплошном бардаке!» – Дима был вполне созревшим антисоветчиком. Ему казалось – и не без оснований, – что в этой несвободной, нетворческой и неискренней атмосфере он «проедает» свой талант.

А тут еще редактор нашел дополнительное занятие для Мити. В это время ушла в декрет одна журналистка, которая специализировалась на интервью с партийными и советскими начальниками разного уровня. Она ездила с ними по полям, по лесам, по заводам и фабрикам и все это описывала в больших статьях. Журналистка тоже была общительна и легка на руку – в смысле написания текста.

И когда она ушла в декретный отпуск, редактор однажды внимательно посмотрел на улыбчивого жизнерадостного Митю и задумчиво сказал:

- Слушай, ты - Краснов, Михаил Аркадьевич, звучит вполне прилично. И на еврея практически не похож.

Митя не знал, радоваться этому или огорчаться. Редактор продолжал:

- Не в службу, а в дружбу. Мы договорились с Хамом Хамовичем - в редакции все так называли секретаря обкома по сельскому хозяйству - об интервью перед посевной. С поездкой по селам и весям. Инна ушла в декрет, ты знаешь. Попробуй, а? Представлю к медали за оборону Одессы. Выручишь? – попросил он, хотя мог бы приказать.

Митя не решился отказать. Ушел в командировку на неделю. Ездил по области, заполнял своими каракулями – почерк у него был ужасный - записную книжку, пил-гулял с секретарем, действительно хамом из хамов, молча кивал, когда тот ругал евреев. Записывал его речи на магнитофон, хотя это в основном был бред. Кстати, иногда появлялись и девочки. А по возвращении нашел практичный и остроумный – как ему казалось – выход. Он описал весь нетрезвый балаган и самого героя в восторженном стиле, как рыцаря без страха и упрека, борца за народное счастье. Контраст с реальностью – по мнению Мити – выглядел очевидной издевкой. Но мудрый редактор излишества убрал, и получилась очень даже хвалебная статья. Митя прочитал ее в газете, покраснел и сказал Диме:

- Все так пишут. И все, кто читает, знают, что это вранье, так что я никого не обманываю. Все понимают – просто у нас такая работа.

Так он сформулировал свою позицию на многие годы вперед.

Самое удивительное – примерно так в те времена по существу и было. Из всех источников информации лилась даже не неправда, а откровенная околесица об успехах, достижениях, изобилии. Но общество выработало иммунитет против средств массовой информации, ложь не заражала общество агрессией. Ложь была сама по себе, а общество само по себе, они не смешивались и жили параллельно. Панацеей от озлобления тогда была ирония и смех, которые по неизвестной причине впоследствии куда-то подевались.

Брежневские времена вызывали насмешку, анекдоты, а не взаимное противостояние, и еще было чувство соучастия – мы все в равной степени жертвы этого идиотизма, называемого Союзом Советских Социалистических Республик.

Но Дима переживал. Статья в духе социалистического реализма, которую написал Митя, переполнила чашу терпения. С этого все началось. А для Димы закончилось. Он решил уехать в Москву и профессионально заняться юмором и эстрадой. Получилось же у другого одессита, у Жванецкого? Может, и ему повезет.

Но одному ехать было страшно. Он предложил Мите разделить с ним будущую славу. Не напомнил, что когда-то отказался уйти в газету без соавтора, но эта мысль без слов витала в воздухе.

Кроме того, если Митя не поедет, возникнет этическая проблема. Дима насколько возможно подготовился к поездке. Он предварительно заключил договор с московским клубом «Пищевик», не бедной организацией. За эстрадную программу в двух отделениях он должен был получить три тысячи рублей – это примерно годовая зарплата инженера, а кстати, и журналиста. На эти деньги в Москве можно прожить в ожидании других доходов. В будущую программу Дима собирался вставить все, что они с Митей написали для КВН плюс непроданные монологи и миниатюры. Материала хватало. Но писали ведь вместе, хоть удельный вес был, как вы знаете, не одинаков. И если Дима окажется в Москве в

одиночестве, без напарника, то справедливо будет ему взять на себя все – синяки и шишки, а если появятся, то и пироги и пышки. И в таком случае фамилия автора должна быть одна. Вроде бы логично.

Разговор был нелегкий. Митя ему ответил откровенно:

- Дима, если бы я был таким способным, как ты, был бы другой разговор. А так мы оба понимаем, что силы не равны, и через полгода я буду за тобой носить портфель. Я на это не гожусь. Найдешь кого-нибудь помоложе. А насчет авторства – ерунда. Это твой путь, твоя работа и жизнь. И в ней ты должен один за все отвечать. А если оказалось, что я могу помочь тебе в начале этой дороги – так на то мы и друзья. Ты мне тоже помог – не забыл?

Неожиданно Дима сказал:

- Ты прав. Но знаешь, чего я не понимаю – как можно жить в таком сплошном газетном вранье?

- Все так живут.

- Нет, не все. Инженер выматерит советскую власть и забудет. Но он гайку называет гайкой, болт болтом. А в газете нет ни слова правды, даже прогноз погоды.

- Ну почему, бывает...

- Случайно. По недосмотру...

Дима уехал, спустя какое-то время он пошел в гору. Они перезванивались, изредка встречались. Продолжали дружить на расстоянии.

В личной жизни Мити все оставалось почти без изменений. Раз в неделю традиционный ужин у родителей, в графе «семейное положение» по-прежнему стояло «холост». Но кое-что все-таки произошло. У него уже больше года была постоянная, почти официальная подруга, чего раньше не наблюдалось.

Нина за прошедшие с их встречи годы у себя в Полтаве закончила педучилище и получила право преподавать в младших классах. Но ее мать Серафима Исаевна решила, что для дочери директора школы это не престижно, и отправила доучиваться в Одесский педагогический институт. Нина не горела желанием повышать свой престиж, но волевой и настойчивой Серафиме Исаевне противостоять не могла. В Одессе она с трудом, но все-таки прошла на исторический факультет – семейная традиция. Интересно, что евреи очень любили эту и близкие ей специальности. Почему? Не знаю. У меня в школе и институте все преподаватели истории, марксизма-ленинизма, краткого курса КПСС и политэкономии были евреями. Естественно Серафима Исаевна не только преподавала историю, но и во втором браке была замужем за историком той же национальности из соседней школы. Нина его называла папой, он ее удочерил и – на взгляд Мити – слишком баловал. Своих детей с Серафимой Исаевной у него не было. А говорю я об этих подробностях потому, что Нина была записана еврейкой, в те времена такую графу в документах еще не аннулировали. И это при славянском отце! Редчайший случай на территории Союза, где, как известно, все нации равны! Я во всяком случае не знаю ни одного подобного примера, включая мою собственную семью. Ай да Серафима Исаевна!

Своего родного отца, здорового чернобривого парубка Степана Нина не помнила, но была на него похожа, знающие люди говорили – один к одному. И эти же люди намекали, что, может, даже к лучшему, потому что Серафиму Исаевну все считали женщиной умной, приятной, но красавицей не называли. К тому же ее национальность – извините за неудачную попытку каламбура – была налицо. Удлиненный овал, традиционный нос, почти курчавые с легкой рыжкой темные волосы, и не слишком веселые - почему? - черные

глаза, худощавая фигура. Зачем столь подробное описание? Потому что с последствиями этого нам еще предстоит столкнуться в будущем.

Итак, Нина переехала в Одессу к тетке, начала учебу в институте и, не тратя понапрасну времени, разыскала Митю. Это было нетрудно. Он уже нерегулярно, но все-таки по старой памяти посещал клуб КВН, помогал с текстами в меру своих сил, иной раз использовал служебное положение в корыстных целях и писал что-то хвалебное о клубе в газете. Ребята последних пару лет образовали нечто вроде эстрадной бригады и время от времени ездили с концертами. Тексты до сих пор в основном были старые, Димы и Мити.

Звездой этого коллектива по-прежнему являлся Марк. Он и встретил однажды Митю у входа в клуб.

- А тебя ждет сюрприз.

Когда они вошли в зал, первое, что увидел Митя – широко распахнутые навстречу ему удивленные большие черные глаза. Несмотря на незначительность давно забытого эпизода, он их узнал. Красивые глаза. Но и все остальное тоже производило впечатление.

Ушли из клуба в этот вечер они вместе.

Нина вела себя скромно, даже в какой-то мере застенчиво, молчаливо. Но ей немного времени понадобилось, чтобы отправить в отставку свою предшественницу – была и такая. А вскоре случилось и то, что Нина задумала еще в прошлый приезд, когда ей вот-вот должно было исполниться шестнадцать. И как честный человек, призналась Мите в своем многолетнем коварном замысле.

Митя был умилен тем, что девушка его так долго ждала, тем более понимал, как это было непросто. Встречные мужчины не обходили ее вниманием, некоторые оборачивались вслед, плюс все разгорающаяся на местности сексуальная революция. Это умиление было первым кирпичом, заложенным в строительство нового здания. Таких кирпичей хватало. У Нины оказалось много достоинств, которые имели большое значение для привыкшего жить на свободе уже довольно-таки закоренелого холостяка.

Она быстро и как-то незаметно наводила в Митиной квартире порядок, неплохо – удивительно для современных девиц – готовила и не ленилась это делать. Покончив с работой, тихо усаживалась на диван или в кресло. Митя в это время, как правило, стучал на пишущей машинке – что вы хотите, профи! А Нина что-то читала, смотрела телевизор, тактично уменьшив громкость до минимума. Короче не сидела на голове, не тормозила, не приставала с вопросами типа «ты меня любишь», не гундела, не свиристела, не требовала ее развеселить. Словом выпадала из привычного ряда девиц.

Что еще Митю обрадовало – спокойная, иногда слишком спокойная Нина преображалась в любви - в смысле секса. Она становилась очень даже темпераментной, довольно смелой и чувственной. То ли потому что долго ждала Митю, то ли таково было природное свойство ее натуры. Он про себя называл ее энергично-флегматичной. Вслух повторять не решался, потому что Нина была обидчива. Чуть что не так – в глазах появлялось огорчение и даже слезы. Митя старался ее не расстраивать по пустякам и у него это получалось. Она и тогда была единством противоположностей, просто, как я уже говорил, по молодости лет не так явно.

Но самое ценное ее достоинство я оставил напоследок – тетка по-прежнему категорически не позволяла ей ночевать вне дома. Мужчины, привыкшие спать со всеми удобствами в одиночестве, знают, насколько это ценно! Мало того, провожать Нину не нужно было – Митя усаживал ее в автобус возле своего дома, а ее остановка на Черемушках

была прямо напротив теткингого парадного. Нарочно не придумаешь! Настолько все хорошо, что никакие мысли о будущем в голове Мити даже не появлялись, ни в каком формате. Зачем, если в настоящем все так удобно и спокойно?

Митя почти сразу же ввел ее во все свои компании, конечно, познакомил с Шуриком, с которым она быстро сдружилась. Нина везде вела себя скромно, даже застенчиво, но Мите это нравилось – он недолюбливал разбитных и слишком эмансипированных. С тех пор они часто проводили вечера втроем – подруги у Шурика давно не было. Иногда к ним присоединялись и Марк с женой Ритой, темпераментная пара, время от времени высекающая искры.

Но в жизни, к сожалению, все идеально не бывает, и что-то Митю смущало. Он долго не мог понять, в чем дело, но потом сообразил. С Ниной было скорее удобно, чем интересно. Они не слишком много общались, а сложные философские вопросы о смысле жизни, где начинается и на чем заканчивается порядочность, почему именно Омар Хайям так мудро говорит о простых вещах – подобные темы он предпочитал обсуждать с Шуриком и Марком. Но это и не обязательно делать с женщиной, там любовь должна быть на первом месте, ведь так? Может, именно ее немного не хватало? Может быть. А возможно, Митя только на такое чувство и способен, не всем дано пылать. Спокойное тепло, если разобраться, несколько не хуже пожара и надежнее с точки зрения техники безопасности. Наверно – самокритично признавал Митя, – его уравновешенному характеру катаклизмы не очень подходят. Только одна история с темпераментной Кларой, едва не кончившаяся печально, чего стоила! Но там был секс, а не любовь...

Так без существенных перемен продолжалось до начала восьмидесят третьего года, признаки катаклизмов не просматривались даже на горизонте. Сюрпризы начались тогда, когда Шурик, который все время находился где-то поблизости, стал время от времени пропадать. Он приобрел иностранную красивую теплую куртку, которая ему шла, туфли мокасины, новые джинсы и даже стал напоминать плейбоя из заграничного журнала. В сочетании с ростом 194 сантиметра это впечатляло. Раньше он не очень обращал внимания на свою прическу – тогда еще лысым не был – и вдруг стал стричься раза два в месяц. Несмотря на то, что он уклонялся от объяснений, друзья пришли к очевидному выводу – шерше ля фам.

Это был очень хороший признак. Дело в том, что у Шурика в прошлом была романтическая история, которая закончилась печально и банально – его бросили. Историю эту Митя отлично знал, он вообще о своем друге знал больше, чем кто бы то ни было. Даже больше, чем родители, что впрочем не удивительно. Родители, как мужья и жены, многое либо узнают последними, либо вообще никогда не узнают. Шурик жил с мамой и бабушкой в двухкомнатной коммунальной квартире, отец то ли был, то ли его вообще не было. Своих женщин единственный мужчина в доме жалел, поэтому для их же блага пользовался старым добрым правилом – меньше знаешь, крепче спишь. А с Митей они с третьего класса сидели за одной партой, часто делали вместе уроки, к экзаменам всегда готовились вдвоем. Не разлей вода.

Шурик был твердым четверочником, в классе считался толковым и надежным парнем. Ему занятия с отличником Митей шли только на пользу. И так было до девятого класса, пока Шурик не познакомился в юношеской спортивной школе с баскетболисткой Людой. Как и многие добрые люди, он был склонен поддаваться влиянию более сильной натуры. В дружбе

с Митей все было нормально, тот тоже не склонен был доминировать, а девочка оказалась очень волевой и при этом любила спорт и развлечения гораздо больше, чем учебу.

За два последних самых ответственных класса Шурик умудрился съехать до позиции нетвердого троечника, и Митя ничего не мог с этим поделать. Поэтому перворазряднику по баскетболу пришлось смирить гордыню и поступать на факультет физкультуры и спорта в Педин, где и конкурс был поменьше, и льготы для спортсменов посolidнее. Там Шурику обещали золотые горы и, кстати сказать, сдержали слово. Все годы учебы он как сыр в масле катался. Сначала вошел в основной состав юношеской сборной Украины по баскетболу, облетел пол-Европы и солидную часть остального мира. Когда перестал по международным спортивным правилам считаться юношей, то вошел во второй состав первой сборной. Большую часть времени был на сборах, даже на экзаменах в институте не часто появлялся. Попутно стал мастером спорта, попутно получил диплом об окончании института. А в свободное время их заставляли штудировать английский, чтобы не опозорить честь советского спортсмена в глазах международной общественности. В результате английский он знал лучше, чем анатомию.

Шурик привозил маме с бабушкой кое-какие товары из-за границы – так было принято, это служило серьезным подспорьем в их небогатой семье. Конечно, подарки перепали и Люде. Но не помогло – через какое-то время сначала тайно, потом и официально она ушла к тому, кто был под рукой, а не болтался черт знает где. Шурик очень переживал и долго не мог простить всему женскому полу эту несправедливость.

Его спортивная карьера продолжалась и после окончания института еще почти год, пока однажды что-то случилось с мениском. Травма оказалась серьезная, и играть в полную силу Шурик больше не мог. Но что удивительно – он искренне обрадовался этому, казалось бы трагическому повороту своей судьбы. Ему до смерти надоел кочевой образ жизни, бесконечные тренировки, постоянная компания спортсменов с их не слишком разнообразными шутками.

Шурик решительно изменил образ жизни. Устроился преподавателем физкультуры в солидную школу-интернат, считая это постоянной и уважаемой работой, а для дополнительного заработка и для души стал тренировать две женские студенческие команды. И потихоньку собирал деньги на кооператив. Он стал серьезным и солидным человеком, впрочем, по натуре и был таким, пока его не сбивали с толку.

Но вернемся к шерше ля фам. Долго скрывать истину Шурику не удалось. Его компания заметила – и это было нетрудно, – что он слишком часто стал говорить об отличной команде университета, а фамилия защитницы Нееловой – он почему-то говорил «эта Неёлова» – всплывала по поводу и без повода. Так как Шурик признаваться отказался наотрез, Митя с Ниной однажды пошли инкогнито на матч этой самой команды. В спортивном зале вдоль стен было несколько рядов стульев, они пристроились за спиной тренера. Еще одно разоблачение – Шурик был в дорогом и эффектном тренировочном костюме фирмы «Адидас», покупку которого скрыл от друзей.

- Любовь ему дорого стоит. А вот стоит ли она того, – немного туманно скаламбурил Митя.

Но несколько минут спустя, когда игра началась, сразу же решил, что стоит. Кто такая Неелова было нетрудно догадаться – Шурик в основном только эту фамилию и выкрикивал. «Неелова пас, Неелова назад, Неелова вперед...» и так далее.

Татьяна в движении, в тонусе да к тому же в спортивной форме была с точки зрения Мити очень хороша. Стройная фигурка, светлые волосы перехвачены лентой – тогда прическа была у нее немного длиннее – быстрая и пластичная в одно и то же время.

- Ну, Шурик молодец, ничего не скажешь. Высший класс.

- Симпатичная, но не красавица. Девочка, как девочка, - неожиданно возразила Нина.

- Не скажи. В ней определенно что-то есть.

- В нем тоже что-то есть, - обиделась она за Шурика.

Митя засмеялся:

- Вот и я говорю, в обоих что-то есть – значит, пара. Спортивный дуэт.

С этих пор они стали ходить вчетвером, или вшестером, если появлялись Марк с женой Ритой. Татьяна, безусловно, была умничка. С ней можно было говорить даже об Омаре Хайяме. И хотя она сама не очень активничала, но всех вокруг оживляла, может быть потому, что в ней чувствовалось понимание и внимание. Удивительное свойство, его она сохранила и до описываемого периода в эмиграции. Нина, которая привыкла быть на особом положении, вначале ее ревновала к мужчинам, потом смирилась. И даже говорила: «Шурик, ты почему Татьяну не взял? С ней интересней».

Татьяна приехала из Крыма, там ее отец был каким-то начальником какого-то курортного управления – золотое дно. Но она не щеголяла в шубах и драгоценностях, одета была неплохо, и не больше. Жила – как и Нина - у одинокой родственницы, родной сестры ее покойной бабушки. Татьяна называла ее бабушка Тоня и очень обижалась, если кто-то говорил - твоя бабка.

- Не бабка, а бабушка. Какая она тебе бабка?!

Бабе Тоне было за семьдесят, но она была еще хоть куда. Худая, шустрая. Участница обороны Одессы, муж погиб на фронте, а сын – к сожалению – спился. Так случилось... Татьяну она любила, но в отличие от Нининой тетки давала ей полную свободу. Прогрессивная была бабка, то есть бабушка. И Шурик у них чувствовал себя, как дома, чем - судя по всему - все-таки воспользовался. Впрочем, наверняка с согласия Татьяны, он без ее разрешения и подумать бы ни о чем таком не посмел. Влюблен был так отчаянно, выглядел таким счастливым, что вызывал у окружающих невольное умиление. И добрую улыбку – бывают же люди, у которых все не просто отлично, а изумительно! Татьяна тоже к нему хорошо относилась, может уже тогда немного покровительственно. Ей определенно льстило, что мастер спорта, видный парень, который нравился всей ее баскетбольной команде, при росте метр девяносто четыре смотрит на нее снизу вверх. Я лично не вижу в этом ничего плохого, все от людей зависит. Уже тогда было понятно, что Татьяна не будет использовать свое преимущество Шурику во вред. Может, и к лучшему, что им не придется выяснять, кто в семье главный, обойдется без лишней крови.

Шурика никакие сомнения не мучили. У него была основная цель, которую он ни от кого не скрывал, – свадьба, как только Татьяна подаст сигнал. Они с собой в компанию всегда приносили оптимизм и хорошее настроение. И никаких колебаний! Как-то так получалось, что в их присутствии и спорить не о чем было, даже о политике. Советская власть говно, и нечего о ней толковать. Этим полуцензурным определением женщины, как правило, не пользовались, но для власти делали исключение.

А Митя заметил еще одну особенность – он нередко заранее знал, что скажет Татьяна. Скажем, они обсуждают последние песни Пугачевой. И вдруг Митя думает: «Сейчас она скажет, что в Пугачихе ей больше всего нравится независимость».

И точно:

- Вот молодец баба! Совершенно независимая. Никого не боится.

Татьяна определенно становилась близким другом.

Митя был рад, что у Шурика теперь так же все хорошо, как у него самого. Если разобраться, то у него не было никаких оснований кому-то даже по-хорошему завидовать. У Мити было все, что душа пожелает. Отличная работа, отдельная квартира, хорошая подруга, вместо одного близкого друга он с чистой совестью теперь мог засчитать двоих, Марк с женой Ритой тоже больше, чем просто приятели. И это только ближний круг, хотя, конечно, были еще и средний, и дальний.

Наступила весна. Компания повалилась теплыми вечерами гулять вдоль моря в районе Отрады. Что-то обсуждали, менялись местами, толкались. Этой весной даже Марк с Ритой затихли и перестали искрить.

И совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба выступила Нина. Это произошло однажды вечером, на автобусной остановке, когда Митя как обычно провожал ее домой. Когда подошел автобус, Нина резко повернулась к нему и непривычно громко и грубо сказала:

- Ты перестанешь пялиться на Таньку как кот на сало? Смотреть противно!

Он очумело уставился на нее.

- Закрой рот, ворона влетит, - и не дожидаясь ответа, села в автобус.

Автобус тронулся.

Сначала его удивила непривычная грубость – пялишься, Танька, ворона влетит, злое выражение лица. Потом дело дошло и до содержания. Какой кот? Какое сало? Что за бред? Как можно было такое подумать? Его лучший друг... Он наконец закрыл рот и опустил на скамейку. Как видите, привычка обдумывать свои проблемы на автобусной остановке появилась у него еще в Одессе.

Он заглянул в себя и пришел к выводу, что ничего похожего на вздор, который несла глупая ревнивая баба, нет и в помине. Ну, нравится ему Татьяна, хороший симпатичный человек, хоть и девушка. И что из этого? Мало ли кто кому нравится. Но даже тени желания отбить ее у своего друга никогда не было и быть не могло. А именно в этом суть.

На мгновенье Митю отвлекла от рассуждений неожиданная мысль: если бы Татьяна не была девушкой Шурика, изменилось бы что-нибудь? Но он сразу же отбросил ее как неактуальную – если бы да кабы, да грибы, да во рту...

Нет, определенно у него к себе никаких претензий не было. Зато они были к Нине. Оказалось, она ревнива, это нарушало привычный спокойный образ жизни последнего года, почти идилию. И судя по накалу, ревность находится в энергичной части ее темперамента, а не в флегматичной. Голос, выражение лица, словарный состав – все изменилось. В принципе ревность сама по себе дело обычное, простительное, главное в каких формах она проявляется. А формы были из рук вон. И это, заметьте, на ровном месте. Что же будет, если он подаст повод? А такое не исключено, Митя не считал себя святым и правильно делал. Были основания серьезно задуматься. Оказалось, что он не строил никаких планов на общее будущее не случайно, сработала интуиция холостяка со стажем. Все было слишком хорошо, а так не бывает.

- Да-а, - Митя невольно вздохнул, - все-таки жалко будет, если придется... Впрочем, сейчас мяч на ее стороне, утро вечера мудренее.

Он не был любителем излишнего самокопания. Но один вывод все-таки сделал – нужно вести себя осмотрительнее, сохранять некоторую дистанцию, чтобы никто не смог углядеть в нормальном хорошем отношении к девушке своего друга чего-нибудь предосудительного.

На следующий день, когда он возвратился с работы, то обнаружил сидящую в кресле Нину (у нее был свой ключ от квартиры). Она смотрела на него... да, правильно, удивленными глазами. Ее первые слова Митю вполне устроили:

- Я дура.

- Дура, - охотно согласился он.

- Не знаю, что на меня нашло. Я просто тебя... - и замолчала. О любви у них говорить было не принято. – Ты меня прости.

Вы уже достаточно знакомы с характером Мити, чтобы догадаться – экзекуцию он продолжать не собирался.

- Считаем, что ничего не было.

Но про себя вынес ей первое серьезное предупреждение.

Глава 4. Маша Манаса

Я вынужден повторяться, но после юбилея в улье у Мити снова изменилось настроение. К сожалению, нормальная картина для такого заболевания – он уже не стеснялся применять по отношению к себе это определение. Надежда и оптимизм неизбежно будут сменяться унынием и – не исключено – кризисами. К этому нужно быть готовым и не впадать в панику.

На этот раз он решил, что перемены к лучшему. Кстати, я с ним согласен. Главное, что произошло: Митя наконец осознал - он не пуп земли, и его жалостливые и бесконечные размышления только о себе, любимом, это и есть болезнь. Может быть, стоит подумать о чем-нибудь – или о ком-нибудь - другом? Скажем, о тех, кого он в той или иной степени приручил, за кого несет хотя бы моральную ответственность? А он все «я да я». И если – черный юмор – ему действительно в этом году не выдадут «хатимутову», то стоит предстать перед всевышним по возможности с чистой совестью. Вот чем нужно заняться.

Очень кстати с воскресенья начались три рабочих – для Мити рабочих – дня. Нужно было собирать материалы, связываться с авторами и газетами, редактировать, согласовывать изменения в текстах с корреспондентами – не со всеми, только с обидчивыми. Пришлось сделать несколько выездов, словом это была привычная рабочая обстановка и для изучения собственного анамнеза времени оставалось мало. Тем более, что параллельно Митя по-прежнему мысленно искал новые подходы взамен привычных взглядов на себя, на свое прошлое и настоящее, на страну, в которой он живет, на работу в газете и на будущее – свое и страны.

«Не многовато ли для одного человека? Но ведь именно такие масштабные мысли должны быть у правоверного – и не очень – еврея в «дни трепета» и накануне Йом Кипура», - не то с иронией не то всерьез думал Митя.

Обобщил свои долги перед всевышним он примерно так – слишком со многим последние годы и, увы, не только последние, он уживается, в том числе и с вещами, с которыми порядочный человек мириться не должен.

Он усмехнулся, чувство юмора его не оставило - патетики в этих рассуждениях было больше, чем достаточно, плюс некоторая истеричность самобичевания, что, впрочем, понятно в его состоянии. Но может, болезнь обострила сознание и помогла понять наконец очевидное? Тогда он должен благодарить свой синдром, а не жаловаться на него.

Он решил сугубо личные дела оставить на потом, в них трудно было представить какие-нибудь перемены. Поэтому начал с дел общественных. С тридцати серебряников.

И прежде всего он подумал о Марине, которая не очень любит читать великого Достоевского, потому что у него не идеальный русский язык. Вина Мити перед ней не в том, в чем его подозревает читатель, в конце концов, он никого не соблазнял и не совращал, как я уже говорил, – люди взрослые. Вина в другом, куда более существенном. Он убеждал ее – и не ее одну - в том, во что сам не верил, что считал неправдой. Убеждал, используя свой доступ к СМИ, за деньги. И переубедил. Даже если правда объективно на стороне главного редактора и иже с ними – возможно и такое, - это не меняет дела. Главное - он лицемерил, проповедовал то, что считал ложью. Встретив конкретного человека, не какую-нибудь абстрактную статистическую единицу, а человека из плоти и крови, посмотрев ей в глаза, он понял - тридцать серебряников Иуды имеют к нему прямое отношение.

Но прежде всего нужно хотя бы для себя разобраться, в чем с его точки зрения заключается правда. Проблема непростая. Но зато теперь, кроме несколько абстрактных задач вроде самолечения, смайл и тому подобного, у него появилась вполне конкретная и интересная работа – составить свое, повторяю, свое собственное объективное мнение о том, что происходит в Израиле, независимое от мнения большинства. Это – вы знаете не хуже меня - нелегко. Особенно в странах с тоталитарным режимом, таких как, например, Россия, либо в стране с тоталитарным общественным мнением – такой как Израиль. Вы помните разговоры за столом в «Уляме» на Митином юбилее? Там разногласий не было, а если бы Марк не удержался и возразил, то его тут же стерли бы в порошок, припечатали бы так, как это умеют делать патриотически настроенные наши бывшие соотечественники. И поверьте автору, такая ситуация для Израиля в основном типична для всех групп еврейского населения. На последних выборах остатки либералов – партия МЕРЕЦ - с трудом переползли электоральный барьер.

Митя давно про себя считал сомнительными многие идеи национального лагеря. В первую очередь те, в основе которых лежит твердая убежденность, что оккупационный режим на палестинских территориях не только справедлив, но единственно возможен для существования Израиля. Многомиллионный народ не имеет гражданства, никаких узаконенных прав. Их официальный статус – жители, и только. Им разрешено – если будут себя хорошо вести – жить на этой земле. Где такое сейчас можно услышать или увидеть?

Неужели патриотически настроенное еврейское большинство, думал он, даже в глубине души не сомневается в своем праве хозяйничать поселенцами и армией в Иудее и Самарии? Трудно поверить, что может быть такая степень самообмана у целого народа. Или черствости. Не лучшая его характеристика. «Патриотизм - это государственная форма эгоизма» - засчитал он себе еще один афоризм.

Но и он, нужно признаться, тоже глубину своей души не демонстрировал ни читателям, ни самому себе...

Митя и до своего кризиса понимал, что в двадцать первом веке все это не может быть оправдано ничем. Даже тем, что арабы от природы очень плохие люди, просто ужасные,

кровожадные и неисправимые, только и мечтают сбросить евреев в море. Но высказывать вслух эти сомнения он себе не позволял. Так было легче.

Он пользовался очень удобными рассуждениями, которыми оправдывает в подобных случаях свое поведение здравомыслящее большинство: если я буду говорить то, что думаю, то это ничего не изменит, а мне будет хуже. Мне будет плохо без пользы для других. Какой в этом смысл? Где логика? И многие искренне считают, что поступать иначе может только человек с нездоровой психикой, или герои – тоже люди не совсем нормальные.

- Ну что ж, - усмехнулся Митя, - значит, мне самое время поменять свои подходы.

Что он знал о территориях? В мире их чаще называют Западным берегом реки Иордан, Иудеей и Самарией, в Израиле просто территориями, пропуская определение «оккупированные», с которым категорически не согласны. Я буду называть то так, то эдак. Итак, Митя знал о них больше, чем обычный израильтянин, все-таки он был журналистом и часто туда ездил. Но он смотрел на все привычным, замыленным взглядом постороннего, привилегированного человека. Конечно, знал, что там расположены войска Израиля, что там кусок за куском, никого не спрашивая, отрезают земли поселенцы – граждане соседнего государства. А для кого это было секретом? Знал, что в составе Израиля Западный берег до сих пор административно числится Центральным военным(!) округом. Практические решения по нему -кроме политических - принимает командующий этим округом. Проще говоря, это известная нам, старшему поколению, комендатура. На строительство или расширение поселения, например, достаточно разрешения командующего.

Ему говорили – но Митя не очень верил в это, – что без разрешения израильских «компетентных органов» «местные жители» не могут пересечь границу, которую им назначил Израиль. Что у них много «невъездных». Вряд ли такое, думал он, возможно в наше время. А то, что территории разделены войсками на зоны, что переход из одной в другую – в гости, по делу, к врачу, да мало ли что, только через пропускные пункты, с осмотром вещей, вопросами, нередко обыском – это он знал. Очереди «местных жителей» возле пропускных пунктов видел, но так как его это не касалось, постепенно замечать перестал.

Начинать формировать новый взгляд на палестино-израильский конфликт следовало бы с ближнего круга, я имею в виду отношения с израильскими арабами. Лично у Мити они были неплохие, но вот лидер «русской» партии «Наш дом Израиль» Либерман не так давно заявил – может, в пылу предвыборной пропаганды, - что они первый враг Израиля. Опасней палестинцев. Стоило бы вернуться к этому вопросу. Тем более, что у Мити могла быть информация из первых рук. Был повод поехать к Маше Манаса, которая себя называла его младшим компаньоном. Впрочем, она им и была. А также одновременно была другом и человеком, с которым Митя делился даже больше, чем с женой и друзьями. Так получилось. Это не такой уж редкий случай, как вам кажется. Женщина по природе склонна к тому, чтобы быть наперсницей, у мужчины даже названия такого не существует – наперсник. Только у Лермонтова, и то во множественном числе... Но шутки шутками, а Митя ездил в Назарет не только по делу, но и просто так, повидаться, потрепаться, поделиться. Он даже время от времени ей жаловался на депрессию. Словом, сейчас был прямой повод поехать к Маше с очередным деловым и дружеским визитом, что он и сделал, разумеется, предварительно позвонив и получив в ответ привычное: «Всегда тебе рада».

Пока Митя добирается до Назарета – примерно час пути, - я немного подробнее расскажу о Маше Манаса. Митя знал, что в Газе есть русские жены палестинцев, есть они – и немало – на Западном берегу, а Маша была едва ли не единственной женой израильского араба, вывезенной из России, во всяком случае, о других Митя ничего не слышал. Странно, но, кажется, в более благополучные палестинские семьи Израиля едет меньше «русских» жен различных национальностей, чем в Газу и Западный берег. Интересно, почему? У меня на это нет ответа.

Итак, о Маше. Ей больше подходила ее девичья фамилия Стрелкова. Муж Зияд увез ее из Подмосковья пятнадцать лет тому назад. Они в один год закончили московские институты и сразу переехали в Назарет. Зияд был из довольно обеспеченной семьи израильских арабов-христиан, отец его, авторитетный хирург, работал в солидной больничной кассе Маккаби.

Древний Назарет расположен внизу, в ложбине и на окружающих ее склонах, а выше по соседству относительно недавно появился еврейский город Назарет-Иллит. И вот наиболее зажиточные арабские семьи стали подниматься в еврейские районы, более благоустроенные, чем старый город, покупали там квартиры, строили виллы. Это вообще достаточно типичная для Израиля картина – наиболее успешная часть арабов старается перебраться в светские районы еврейских городов. Должен по своему опыту сказать, что спустя какое-то время ненаметанному репатриантскому глазу их уже трудно отличить от так называемых сефардов, восточных евреев. Но различие все-таки есть, и не в пользу евреев – арабские семьи в этих районах достаточно обеспеченные и, как правило, образованные, чего нельзя сказать о многих сефардах.

Семья Маши жила в районе вилл между Назаретом и Назаретом-Иллит, два двухэтажных коттеджа Манаса, отца и сына (чуть не написал и святого духа) стояли рядом.

Из всего сказанного понятно, что Зияд – кстати, он был юристом – вполне мог прилично содержать жену с двумя детьми, и соответственно Маша в работе с финансовой точки зрения не нуждалась. Мало того, в арабской ментальности заложено, что жена должна сидеть дома и быть хранительницей домашнего очага. А Зияд, современный и симпатичный человек, все-таки имел хоть в несколько ослабленном виде два арабских атавизма – он был собственником и к тому же ревнивым. А может, это один и тот же атавизм?

Маша окончила факультет журналистики МГУ – фирма! – но в Москве поработать не успела, пришлось срочно выходить замуж, в арабских семьях с этим очень строго. Родила одного ребенка, с небольшим перерывом – второго. Стажа работы не было, особого желания пробиваться в русскоязычную прессу тоже. Но шло время, дети росли, энергичная русская репатриантка, нанятая в качестве уборщицы, постепенно перешла на роль домохозяйки и освободила Машу от всех домашних обязанностей. Бассейн, массажи и телевизор хозяйке надоели, кажется даже немного стал надоедать и сам Зияд, который находил возражения против любой работы, какую ей предлагали.

Дело могло кончиться разводом, такого позора Зияд бы не пережил, и не дал бы его пережить Маше. Он был высокий, здоровый, очень смуглый даже для араба, и жена его то в шутку, то всерьез называла Отелло.

Сама Маша вполне могла претендовать на роль Дездемоны. Хотя только внешне. Даже не блондинка - белокурая, правда крашенная, голубые глаза и миловидное лицо. Высокая – выше Мити, стройная, но не тростиночка, женских прелестей в фигуре было вполне достаточно. Словом, восточные мужчины при взгляде на нее таяли и сгорали одновременно. А арабы, кстати, и есть восточные мужчины...

Почему я сказал «только внешне» при сравнении с Дездемоной? Нет, Маша на роль безропотной жертвы не подходила. Она была хорошей, умной женщиной, но, как и многие девицы, воспитанные в «лихие девяностые», практичной и даже немного – самую малость – циничной. Приехала она в столицу из Подмосковья, родители простые и бедные люди, пробились в МГУ, жила в общеаге. О жизни пришлось узнать много всего и со всех сторон... Короче говоря, идеалисткой не стала.

В разговоре с Митей она могла сказать, что если бы в те годы не было так круто, то еще подумала бы, стоит ли сюда ехать. Или с преувеличенно серьезным видом объясняла, что ей слишком часто приходилось свысока смотреть на мужчин, кроме Зияда подходящих по габаритам не было, пришлось выйти за него замуж. При этом вставала и смотрела на Митю сверху вниз.

При первом же знакомстве Митя оценил ее здравый ум, немного резкое чувство юмора и умение, не подлаживаясь, находить с любым собеседником общий язык, особенно с мужчинами. Все остальные ее таланты журналиста были следствием перечисленных.

Митя в это время искал желающих сделать бесплатно или почти бесплатно за него часть работы. Этому он научился еще в Украине. Ему пришла в голову идея открыть в «Новостях севера» колонку «Арабский север». Он предложил вести эту колонку Маше под его чутким руководством. Это предложение всех устраивало, а заодно решало и семейные проблемы Манаса. Маша была рада работе по специальности; Зияд был рад, что ей не нужно ходить на работу, и она по-прежнему будет под контролем; Митя был доволен результатом – эта колонка имела самый высокий рейтинг. Для русских репатриантов то, что происходит с живущими рядом израильскими арабами, было тайной за семью печатями. Все они считали себя специалистами по России, по Америке, по Европе. А рядом, под носом – как на Луне.

Маша была вхожа во все слои арабского общества. Она писала о партиях, о скандалах, о привычках, о традициях – там было много нового и интересного. Как и положено настоящему корреспонденту, она умела находить изюминку. Единственное, что с интересом читал Митя в своей газете – столбец, со временем два, «Арабского севера». И сверху колонки в виньетке ее фото – личная заслуга старшего компаньона, он пробил это через ханжество главного редактора. Потом появились восемьсот шекелей в месяц зарплаты, не столько деньги, сколько факт признания сотрудником. Между компаньонами постепенно возникла надежная дружба, хоть и не единомыслие. Маша патриотическим выкрутасам Мити не верила, но как практик и – я уже говорил – самую малость циник, считала, что работа есть работа, а мораль только для домашнего пользования.

В конце концов, все оставались более-менее довольны. Менее относилось к Зияду, который постепенно стал ревновать. Нужно признать не без оснований. Компаньоны симпатизировали друг другу. И адюльтер мог произойти, если бы не внезапные набеги Зияда и его устрашающе выпученные глаза. А однажды, когда Митя с Машей были на самом краю пропасти, один из них сказал:

- Маша, а ведь твой Отелло убьет сначала тебя, потом себя, а потом меня. Впрочем, меня, кажется, не получается...

Кто из них это сказал, вы уже поняли. Они спохватились. Вот что значит великое произведение, оно до сих пор влияет даже на частную жизнь.

Кстати сказать, у Зияда был союзник. Нина категорически возражала против приглашения супругов Манаса на Митин юбилей. Он не стал спорить, а Маша восприняла этот демарш как свою моральную победу.

Через минут пятнадцать после его приезда с выпученными глазами ворвался Зияд. Вот интуиция! Но Митя нашел ему применение. Он предложил откровенно, без экивоков обсудить щекотливую тему – как израильские арабы относятся к евреям? «Любят, не любят, плюнут, поцелуют»... К черту пошлют, если представится такая возможность? Митя успокоил Зияда, сказал, что как журналист он с политикой покончил, и разговор будет в полном смысле «не для печати». Но лично ему все-таки хотелось бы иметь примерное понятие. А для затравки напомнил, что главный русскоязычный депутат Либерман называл израильских арабов врагом номер один для евреев.

Маша и Зияд думали примерно одинаково. Конечно, о любви говорить не стоило, против этого была кровавая история народов, желающих жить на одной территории. Но одно несомненно - арабы не хотят уезжать из Израиля, разве что в Европу и Америку, и то не сильно. Но не в Палестину. В Палестину не стремятся. Оттуда пытаются пробиться в Израиль правдами и неправдами, обратного не происходит, хотя здесь никто никого не держит. Это достоверный показатель. Да, арабов в Израиле обижают, такое бывает, с евреями вообще жить нелегко, факт подтвержденный историей – не обвиняйте меня в антисемитизме, это слова не мои, а обоих Манаса. Но объективно тут лучше и спокойней, чем в любых соседних арабских странах, даже с учетом войн. И главное – арабы являются такими же гражданами, как любые жители Израиля. Короче говоря, если бы евреи не вели себя так безобразно и бессовестно с палестинцами на территориях, было бы вообще все... «съедобно» - такой итог подвела Маша. А Зияд политкорректно промолчал, хотя выражением лица изобразил полное с ней согласие. Митя отметил про себя, что определение отношения Израиля к палестинцам дала русская Маша, если бы это сделал Зияд, его было бы легче обвинить в необъективности...

Но средняя температура по больнице это фикция. Арабское общество очень неоднородно. Успешная и образованная часть его практически смирилась с Израилем, менее успешная ворчит, а неуспешные идут в исламисты и дружно отмечают «день земли», отнятой у них евреями. И неуспешных, конечно, больше. Но общий вывод, к которому они пришли, – тех, кто не любит евреев, больше, а тех, кто не хочет здесь жить, практически нет. Вот такой баланс.

Конечно, это слишком упрощенные для такой сложной темы анализы и выводы, и все-таки зерно истины в них было. Обиды, особенно исторические так быстро не исчезают, но юридическое, гражданское равноправие очень сильный козырь в отношениях народов, живущих в одном государстве. Права одни, суд один – это немало. Особенно если это государство по своему внутреннему устройству демократично. Это видно и по общению арабов с евреями в транспорте, в магазинах, в больнице, особенно в крупных городах. Не просто вежливое, а доброжелательное. Или добрососедское, если угодно. И вообще непросто отличить араба от еврея, пока он не заговорит.

В результате на вопрос об отношениях израильских арабов и евреев Митя себе в первом приближении дал ответ: противоречия есть, но нет непреодолимых. Это внушает оптимизм. Либерман – ты не прав.

Когда Митя закончил политическое интервью, отвлекшийся на какое-то время Зияд снова начал свирепо вращать глазами. Пора было прощаться. Маша демонстративно поцеловала Митю в щеку – она одновременно играла роль Яго и Дездемоны. Зияд пошел провожать гостя до машины, вежливо пожал руку и неразборчиво что-то добавил на арабском.

Словарный запас арабского у Мити содержал только одно слово – ялла, но ему почудилось, что в переводе звучало бы: «Все-таки придется мне тебя убить».

*Незабываемый восемьдесят третий
(Машина времени)*

Никаких особых коррективов в поведении по отношению к Нине и Татьяне после неожиданного скандала «глупой ревнивой бабы» делать не пришлось. Как нередко случалось с Везунчиком Митей, обстоятельства пришли на помощь. Его вызвал главный редактор и как обычно приказал в форме просьбы:

- Не в службу, а в дружбу. Ты знаешь, что Инна ушла в декрет?

- Значит, посевная в разгаре. Верная примета.

- И Пятаков заболел,

- Тоже декрет?

- Почти. А тут Хам Хамыч, да и кроме него проблем хватает. Выручи, а я твой портрет при входе повешу.

- Уж лучше медаль за оборону Одессы.

- За мной не заржавеет, ты меня знаешь...

Митя только вздохнул. В том-то и дело, что знал...

Словом, он почти два месяца мотался по селам, колхозам, совхозам, трудился за себя, за Инну и Пятакова, строил коварные планы расплаты с редактором, а заодно время от времени пил-гулял по долгу службы со всяким мелким и крупным начальством. Не брезговал и простыми смертными – такой там был образ жизни, и посевная в этом смысле мало отличалась от других сезонов. Но репортажи отправлял героические, «битва за урожай», в этом «наш корреспондент» поднаторел. В Одессе бывал эпизодически, видел иногда только Нину. Постепенно ее эпатажное поведение совершенно выветрилось из памяти. Хотя одна мыслишка, как результат почти забытой сцены ревности, все-таки иногда появлялась, а именно: если бы Татьяна не была девушкой Шурика, изменилось бы что-нибудь? Но это был вопрос риторический, отвечать на него Митя не собирался – лезет же в голову всякая чушь.

Когда он вернулся, девочки уже сдали сессию. Потом вся компания собралась в Митиной квартире на отвальную. Там Шурик неожиданно основательно захмелел, Митя его нетрезвым видел только один раз, на выпускном вечере в школе, но и тогда он выглядел приличней. Он вообще пил мало и со спиртным не очень ладил. Наверно, скорое первое расставание с Татьяной сыграло свою роль. Шурик, конечно, не буянил, не тот человек и не тот характер, но стал говорить лишнее и не очень связно. Вдруг затеял разговор об отношениях Мити к подругам, которые ему изменили.

Вспомнил Клару и еще парочку... Но особенно Клару.

- Он пристрастился к ней... пристрастился к ней... как наркоман. Жить не мог... Но когда узнал...

Митя пытался его остановить – куда там. Рита помогла:

- Ну, не простил. Я тоже не простила бы.

- Не в этом фокус. Вы не понимаете. Вот вчера он горел, пожар. А как узнал, что она... хвостом махнула. Один раз! И щелк! – и все, – Шурик махнул рукой и уронил рюмку. - Не помнит и в упор не видит. Щелк! И все. Как и не было.

Рита заинтересовалась:

- Это так? Почему?

Мите был разговор неприятен. Еще неприятней Нине. Но он ответил.

- Брезгую, наверно, - его даже немного передернуло.

Шурик не унимался:

- Смотри, Нина, это тебя касается. Митя у нас Железный Феликс. В случае чего – щелк! – и все.

Он опять махнул рукой и уронил бутылку. Все повернулись к Нине, та покраснела. Театральная пауза могла закончиться взрывом. Нужно было спасти ситуацию. Митя поднялся:

- Так, Василиса Прекрасная. Махнула одной рукой – появилось озеро. Пока не появились на озере лебеди, пойдем-ка, друг любезный, на променад.

На улице Шурик оперся о Митино плечо – будет синяк – и что-то полуразборчиво варнякал, так называла пьяные речи Рита.

- А ты знаешь, это заразное. Я от тебя заразился. И тоже чувствую себя Везунчиком. Что мне еще в жизни нужно? Ты и Татьяна. Это условие необходимое и... как там в математике говорят?

- И достаточное.

- Вот. Вполне. Но главное – необходимое. Мне без вас нафиг ничего не надо, вот что я тебе доложу.

Он неожиданно помрачнел.

- Митя, я боюсь. С тобой проще, ты никуда не денешься. А Татьяна, це...целых два месяца. Я не думал, что так от нее за... завишу... Даже страшно. Если вдруг... Как я это выдержу?.. Ради нее я готов на все. На все что угодно...

Митя понял, что о Кларе Шурик вспомнил по аналогии, под влиянием своих страхов.

Но в этот момент - извините за неэстетичную сцену – Шурика стошнило, и тема была закрыта. Митя так и не понял, помнил ли тот впоследствии сказанное, но надеялся, что нет. Плакаться в жилетку у них считалось моветоном, и в трезвом виде такой разговор был бы просто невозможен.

А потом все разъехались. Нина в Полтаву, Татьяна в Ялту, Шурик, как обычно, устроился на лето тренером в спортивный лагерь километрах в шестидесяти от Одессы на берегу моря, чудное место, Марк с Ритой уехали в санаторий куда-то в Карпаты. Митя в городе остался один.

Но он был Везунчиком не только благодаря подаркам судьбы, при необходимости мог и сам прийти ей на помощь. Так случилось и на этот раз.

Поскучав недельку после отъезда друзей, Митя приступил к осуществлению заранее продуманного плана. На одной из летучек он подождал, пока все выйдут из кабинета, и сказал главному редактору:

- Час расплаты настал. Мне была обещана медаль.

- Понимаю. Ты вполне заслужил отпуск.

- Нет, я не такой. Трудовые будни праздники для нас, и не зря говорят, что лучший отдых – это перемена деятельности.

Редактор заподозрил неладное.

- Что ты задумал?

- Вы меня посылали на поля и в свинарники, теперь я хочу поработать среди людей. Сейчас сотни тысяч туристов и одесситов ездят в круизы по крымско-кавказской линии, вся страна этим интересуется. А наша газета как воды в рот набрала. Стыд и срам. Я предлагаю командировать в круиз своего корреспондента на пару рейсов, чтобы он как Марк Твен в «Простаках за границей». Или как Джек Лондон в «Путешествии на Снарке». Или Джером «Трое в лодке»... Репортаж с фронта отдыха. И я даже могу предложить кандидатуру этого журналиста.

- Так уж на два рейса. Ну, ты и нахал...

Опущу подробности торговли, но в очередной рейс «Шота Руставели» вышел с собором областной газеты Михаилом Красновым на борту. Даже удалось выбить отдельную каюту под предлогом, что соседи не станут терпеть стрекот пишущей машинки, без которой журналист не журналист. Правда, машинку Митя «случайно» позабыл взять с собой, но не беда, профессионалу и блокнота достаточно.

Круизный лайнер был особой территорией, и люди при подъеме на трап изменялись до неузнаваемости. Конечно, пили, но иначе, чем в городе и селе. Они не напивались, а раскрепощались – большая разница. Солнце, море, бассейн, кой-какая одежда, вокруг сплошная экзотика. Молодые женщины и девушки, пожалуй, оказались на судне в большинстве, они были очень заметны, симпатичны и приветливы. Вечером бары, концерты, танцы – все, что осталось за бортом, казалось нереальным и унылым. Хотелось взять как можно больше из этого воистину киношного мира, в котором ты на восемь дней стал действующим лицом.

Правда, алкоголь был на лайнере дорог, но в те времена такая проблема решалась просто – на каждой стоянке пассажиры запасались горючим.

Митя не ударил в грязь лицом и не выпадал из ансамбля, Нина была бы им, наверно, недовольна. Первая стоянка после Одессы была в Ялте. Если бы он знал адрес или телефон, то, возможно, повидался бы с Татьяной, тем более что в начале тура еще не успел обзавестись компанией. И прохаживаясь по городу, он даже всматривался в похожих на нее блондинок. Но встреча не состоялась. А на обратном пути в Ялте стояли недолго, предыдущий вечер был очень напряженным, и все утро побаливала голова. К тому же нужно было еще заполнить блокнот названиями и событиями, потом все забудется – журналист в нем серьезно относился к работе даже в периоды «расслабления». Поэтому Митя в город не вышел, сначала поработал, потом поспал, а тут и обед подоспел. А на обеде он встретил... Татьяну, собственной персоной. Она выходила из столовой, и они буквально столкнулись в дверях. Белые брюки, светлые сабо, голубая кофточка, даже сумочки нет, пассажир как пассажир.

Нежданно-негаданно встретив в круизе близкого друга - а вы помните, что она была зачислена в этот ранг, - Митя должен был бы радостно броситься ей навстречу: «Какими судьбами, как ты тут оказалась?» Но вместо этого он вдруг почувствовал, если не тревогу, то какое-то напряжение определено. И даже на мгновение замер на месте. Татьяна тоже застыла – это была немая сцена из «Ревизора» - и улыбнулась скорее удивленно, чем обрадовано. Но все это можно было отнести за счет неожиданности.

Митя спохватился, шагнул к ней, протянул руку и даже чмокнул в щеку, что последнее время у них в компании было принято.

Их толкали входящие и выходящие из столовой.

- Давай отойдем.

Отошли. Сели на стоящий неподалеку диванчик. И наконец Митя спросил:

- Ты как тут оказалась? Только две недели как уехала из Одессы. Возвращаешься? – И неожиданно для себя добавил: – Истосковалась?

Плохо получилось. Неприятно. Завистливо. Ну хотя бы сказал - соскучилась... Татьяна не отреагировала.

- Баба Тоня ногу сломала. Сейчас в больнице. Она там совсем одна. И подружка ее заболела. Я заберу ее из больницы к нам, на лечение. «Петропавловском» через три дня мы с ней назад. А ты что тут делаешь?

- Это длинная история. Обед уже заканчивается, ты меня подожди, я быстро. И так уже там ничего не осталось.

Татьяна понимающе кивнула. Вторая смена. Все знали, что Митя любит поспать.

Митя задумчиво ковырялся в тарелке, не замечая, что он ест. Напряжение не проходило. Он не знал, как отнестись к этой встрече. Просто, с легкой душой не получалось. Скорей это лишнее, несмотря на хорошее отношение к Татьяне. А скорей всего именно поэтому. Он инстинктивно чувствовал, что примерно такие же мысли бродят сейчас и в ее голове.

Оба они все-таки сознавали, что друг к другу относятся равнодушно. Такое бывает, особенно в молодом возрасте. Даже жене может нравиться друг мужа. Но это еще не повод для пошлых, а тем более подлых поступков. Дело житейское. Уверен, у каждого было такое увлечение в той или иной степени. Но и лишняя провокация в таком случае ни к чему, особенно когда подозреваешь, что это не просто равнодушие, а нечто большее. Скорей всего Митя, особенно после скандала с Ниной, просто долго в этом себе не признавался.

«Интересно, - подумал он, – как судьба наворотила все эти странные совпадения. Ей пришлось постараться. Баба Тоня, мой круиз, и все пересеклось в одной точке. «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но и пролила». Не то судьба хочет доказать, что я действительно Везунчик, не то наконец проверить, что я за человек. Скорее второе».

В конце концов он решил не делать из мухи слона, настроился на веселую волну и вышел из столовой. Татьяна сидела там, где он ее оставил, но была в шляпе, в темных очках и с сумочкой – наверно, заходила к себе в каюту. Она тоже – показалось – была немного напряжена.

Громкоговорители объявили об отходе из порта. Они нашли на верхней палубе незанятую скамейку в тени, тут было пусто. Народ и Ялта были по другому борту.

- Ты купил путевку?

- Нет, не все так просто.

И он в лицах и подробно рассказал о своем хитром замысле, о медали за оборону Одессы, о торговле с редактором. Рассказ получился, он снял напряжение, и дальше общение пошло легко и естественно.

- Ты в этой жизни не пропадешь, - трудно было понять, в ее устах это похвала или порицание. – Я иногда читала твои репортажи с полей. Закрома родины. Желтое золото. Битва за хлеб. Атаку возглавил секретарь райкома...

- Ага, - засмеялся Митя, - в нетрезвом виде.

- А зерно покупаем за границей. Все-таки это... - Татьяна подыскивала слово, чтобы его не обидеть.

Митя понял. И повторил то, что когда-то сказал Диме:

- Я никого не обманываю. Все знают, что это вранье. Просто такие условия игры. Это как театр абсурда. Автор говорит одно, а читатель или зритель понимает другое.

- А ты кто? Ионеско?

- Нет, я просто актер.

Они не знали, что это начало их многолетнего спора.

Но в тот момент Митя почувствовал только одно – говорить с ней очень интересно, легко, а главное приятно. Впрочем, приятно скорее сидеть рядом и смотреть на нее. Он предложил выпить кофе и рюмочку коньяка за встречу. Они пересели в бар. Чокнулись.

- Ты Шурику сообщила? Он будет встречать?

- Откуда?! Я и телефона не знаю. И у них на весь большой лагерь один телефон, кто там его будет искать? Вот приеду в Одессу...

Она не сказала, что сделает, когда придет. Вероятно, сама пока не решила.

Тут чуть не произошло ЧП. К ним с радостными улыбками направились две девушки. У первой, симпатичной пухленькой Ларисы определенно было намерение поцеловать Митю по меньшей мере в щеку – возможно, имелись для этого и основания. Но он нашелся. Протянул ей руку и вежливо представил:

- Познакомьтесь, это близкая подруга моей... невесты – Татьяна.

Лариса и близкая подруга ее и ее мужа сразу смекнули, в чем дело, и, перебросившись несколькими словами, ретировались.

Татьяна ухмыльнулась. Впрочем, ей-то что за дело до его поведения?

Потом они поели мороженное... в сопровождении рюмочки ликера «Бенедектин», его любила Татьяна и не могла себе отказать. Лиха беда начало.

Потом был полдник, сидели они за разными столами. Но, как сговорившись, взяли по два яблока. Митя предложил показать свою каюту, это был полулюкс, он произвел впечатление. Татьяна повторила, что он в этом мире не пропадет. У него был запас армянского коньяка пять звездочек – большая ценность. Добавили по чуть-чуть. Закусили принесенными из столовой яблоками. Разговор становился менее содержательным, но более приятным.

У Татьяны была каюта на двоих – это при отце-начальнике.

- На одну ночь, - сказала Татьяна. Она не была избалована.

На ужин пришел разодетый, как на бал, развеселый и готовый ко всему народ. Запах духов и алкоголя чувствовался несмотря на усилия мощных кондиционеров. Последний вечер круиза начинал напоминать вальпургиеву ночь.

В зале был прощальный и шумный концерт, официантки из расположенного в углу бара разносили напитки – почти без закуски. У Мити еще оставались кое-какие деньги... Потом в другом зале были танцы. Митя тогда еще не был плотным, просто мускулистым, и танцевал хорошо. Татьяна вздохнула:

- Шурик танцевать не любит.

- Нина любит, но ты танцуешь лучше.

Несмотря на выпитое, Митя понимал, что они приближаются к опасной черте. Но что еще хуже, он стал осознавать, насколько сильно ему нравится Татьяна. Такой нежности ни к кому в жизни он еще не испытывал. Ничего даже отдаленно похожего. Единственное, что могло успокоить – может, это влияние выпитого? Нет, просто то, что у трезвого в подсознании, у пьяного проявляется... в душе. Это был афоризм, Митя решил его засчитать. Он любил их придумывать.

В час ночи веселье на корабле было в самом разгаре. Народ компаниями распределился по всем верхним палубам и бортам. Митя хотел предложить пойти на нос, но решил, что это рискованно. По периметру народ целовался и обнимался. Это могло оказаться заразным. Пошли опять в зал. Что-то в карманах у Мити еще оставалось, и мимо бара пройти не удалось. Он взял рюмку коньяка, Татьяна отказалась, она и так недостаточно уверенно спускалась по лестницам. Митя отлил ей немного из своей рюмки - за компанию. А когда они в полутемном зале сели рядом и оглядели окружающую обстановку, то оба синхронно поняли, что нужно расходиться, пока не поздно.

- Митя, по-моему, мы наговорились на год вперед. Пора по каютам.

- Пора. Так можно бог знает до чего договориться, - он с сожалением вздохнул.

И Татьяна к его удивлению тоже вздохнула.

Ее каюта была двумя палубами ниже, Митя взял ее за руку, потому что лестница Татьяне давалась с трудом. У двери попрощались. Он вроде бы по привычке поцеловал ее в щеку, но поцелуй оказался более продолжительным, чем обычно.

- Все, все, до завтра.

- Да, пока. Было хорошо, - Митя опять вздохнул.

Когда он вернулся в номер, то обнаружил, что его трясет. Выпил еще грамм сто коньяка. Не помогло. Не отпустило. В голове вертелся журналистский штамп: «Оторвал от сердца». Но это правда, он физически чувствовал, что оторвал ее от своего сердца. Какое счастье, что у нее каюта на двоих, а то бы он не удержался и приперся бы. Здравсьте. Пьяная сцена. Но он понимал, что дело не в выпитом, коньяк только оправдание.

Он стал под душ. Горячий, холодный – никакого впечатления. Трясет по-прежнему, и сердце, от которого ее оторвали, болит. Заставил себя лечь. Несколько раз пытался куда-то бежать, силой – буквально – возвращал себя в койку. Конечно, и хмель играл свою роль, но сердце ныло не из-за этого. Наконец помаленьку утомился. Вспомнил, что не защелкнул дверной замок, но потом догадался, что это неслучайно – тщетная надежда... И в этот момент дверь потихоньку открылась. Татьяна!..

Митя проснулся первый. Радио настойчиво призывало пассажиров к выходу. Завтрак они пропустили. Он спал не более часа, но заснул, как сказал Татьяне, нечеловечески счастливым, никакие угрызения ему даже в голову не приходили. А проснулся протрезвевшим с мыслью – что мы натворили! Голова болела, в висках громко пульсировала кровь, звучало как Шшурик, Шшурик, Шшурик...

И одновременно он понимал – случилось самое главное в его жизни. Возможно, важнее этого и в будущем, даже далеко не будет. Но что с этим делать дальше? И - Шшурик, Шшурик, Шшурик...

Было еще одно обстоятельство, тоже очень важное. Под утро, когда Татьяна уже почти отключилась и еле шевелила губами, Митя сказал:

- Как подумаю, что если бы ты не выпила, то не пришла бы ко мне...

Закончить фразу ему не пришлось. Уже засыпая, Татьяна очень неразборчиво что-то пробормотала. Что-то вроде:

- Я специально перепила, чтобы прийти к тебе.

Во всяком случае, так ему послышалось. А это принципиально меняло дело. То есть не легкомысленный поступок спьяну, а она хотела быть с ним. Это можно считать объяснением

в любви. А может, он выдавал желаемое за действительное? Но напрасно Митя переспрашивал и тормозил Татьяну – она крепко спала. Ему припомнился рассказ «Шуточка» Чехова. «Я люблю вас, Наденька». Сейчас он оказался в роли Наденьки. «Были сказаны те слова или нет? Да или нет? Да или нет?»

Радио настойчиво приглашало всех к трапу. Наконец Татьяна зашевелилась, сначала улыбнулась, потом безмятежно открыла глаза. Увидела озабоченное лицо Мити и сразу помрачнела.

- Бегом. К выходу. Мы уже всюду опоздали. Встретимся на перроне. Где-нибудь позавтракаем.

Теперь Митя уже не хотел, чтобы их видели вместе. Татьяна это поняла. Митя ее поцеловал, но времени было в обрез, и поцелуй не затянулся.

Они сидели за столиком в кафе недалеко от морвокзала. Кушать не хотелось, заказали черный кофе без сахара и по булочке. Митя никогда не «поправлялся» утром, он даже не понимал, как такое возможно, но на этот раз попросил у Татьяны разрешение на рюмку коньяка. Уж очень ответственным был момент, а в мозгах сплошной туман и неразбериха. Разрешение было получено.

Митя выглядел помятым, Татьяна получше – не без помощи макияжа. Сидели молча, ждали пока принесут заказанное. Митя выпил коньяк – противно, но кажется немного прояснилось. Татьяна отхлебнула кофе.

- Ну, Евгений, начинай.

Митя даже автоматически оглянулся.

- Какой Евгений?

- Онегин, Татьяна вот она, перед тобой. Как там:

Но я не создан для блаженства,
Ему чужда душа моя,
Напрасны ваши совершенства...

Митя ее шутливый, точнее саркастический тон не поддержал, и ответил очень серьезно. После коньяка и кофе появились ясность и легкость мысли.

- Напрасно ты так. Я создан именно для этого, и ни для чего другого. Я в этом абсолютно уверен. И если хочешь, - он стал еще более серьезным, - блаженство самое подходящее слово. Это то, что я чувствовал вчера. И сейчас не меньше. Хотя... и этого слова мало.

Татьяна покраснела, смутилась и с улыбкой сказала:

- Остановись. Тебе не нужно было пить.

- Я говорю то, что чувствую сейчас. Хотя ты права, жизнь покажет. Всего один день, тем более одна ночь... А ведь и это тоже не так. Я, если хочешь, сразу все понял, еще в спортзале, когда тебя в том матче увидел. Только признать не хотел. Даже когда мне Нина сказала.

- Нина?

- Да, был скандал, и еще какой. И знаешь, что я еще понял?

- Что?

- Если мы не будем вместе, значит, я до конца дней буду жить чужой жизнью, не той, что мне была предназначена.

Он сам удивлялся своему красноречию. Но оказалось, что это все было правдой.

- И ты, Таня, если вернешься к нему, тоже будешь жить чужой жизнью. Но самое интересное – и он тоже! Тоже не своей!

Внезапно Митя помрачнел, перепады настроения тоже кое-чем объяснялись.

- Таня, мы его убьем. Он сказал, что без нас, без тебя и меня, ему ничего на фиг не надо. Ты, - он мне говорит, – никуда не денешься, а вот Татьяна... Таня, а тут мы оба, под лопатку. Я не знаю, как буду смотреть ему в глаза.

Митя почувствовал, что его немного развезло, и спохватился. Съел булочку, допил кофе. Татьяна – видно было – тоже совсем расстроилась.

- А почему ни слова о Нине?

- Таня, я никогда не собирался жениться на ней. Это все знают, и она тоже. Мы просто встречаемся. А значит, все равно бы с ней разошлись, раньше или позже. Вы другое дело. Если бы не я, вы бы поженились, и все было бы хорошо. Ты его любила? – почему-то он спросил в прошедшем времени и даже этого не заметил.

- Иначе я бы с ним не была. Митя, я считала себя разумным человеком... до вчерашнего дня. Я понимала, что не пылаю. Но если горишь, то можно и обжечься. Он... ты знаешь, какой он хороший и надежный человек. И как ко мне относится...

В Мите опять проснулся пророк:

- И прожили бы вы чужой жизнью!..

Они замолчали, думали, что дальше делать. Молчание затянулось.

Митя ждал, что она скажет, понимая, что решающего голоса в этом тандеме у него скорей всего не будет. Это не Нина... Наконец Татьяна сказала:

- Митя, мы не знаем, построим ли свое здание, а чужое разрушим. И Шурика, ты прав, покалечим. Два таких удара – это ужасно. Давай так. Я приехала на два с половиной дня. Он об этом не знает. Я уеду, будем разбираться.

Митя опять помрачнел. Это не очень обнадеживало.

- А мне ты ничего не скажешь?

- Что говорить? И у меня это с первого дня. Или почти с первого. Разве ты вчера не понял? Я тоже не представляла себе, что людям так хорошо может быть вместе. Неужели так может быть всегда? Даже не верится... Наверно, насчет своей и чужой жизни ты прав. Только бы не обжечься...

Он опять вспомнил «Шуточку» Чехова. Ага, значит, эти слова все-таки были сказаны, были! Ему не почудилось!

Он заулыбался и почувствовал, что его лицо разгладилось. А Татьяна порозовела и похорошела. Еще больше похорошела.

Они договорились, что Митя придет к ним через два дня с утра, проводит на пароход, и они обо всем еще поговорят. Он отвез ее к себе домой. Потом подождал, пока она привела себя в порядок, и они вместе поехали в больницу к бабе Тоне. По дороге купили фрукты. Он тоже зашел в палату, почувствовал себя членом семьи. И уехал домой счастливый.

Перед отъездом сказал:

- Таня, ты помни, тебе решать. Я тебя, - он напрягся, первый раз в жизни говорил серьезно такие слова, это непросто, - люблю и жду. Очень люблю. А решать тебе.

И повторил:

- Тебе решать.

Дома он сразу же улегся спать, даже не поев ничего. Духовная пища влюбленным заменят телесную – нет, на афоризм это не тянет, Митя его не засчитал.

А начиная со следующего дня все пошло наперекосяк.

На работе он делал вид, что пишет статью о поездке, но мысли были далеко. С самого утра у него с новой силой возникло чувство вины перед Шуриком. По всем канонам литературы и даже общепринятой морали, думал он, поступок был безобразный, если не сказать подлый. Он понимал, что прощения ему не будет. А на практике это означало – либо он навсегда потеряет самого близкого друга, либо – если все останется шито крыто – то же самое произойдет с Татьяной. То есть он должен выбрать одно из двух. Правда, это лучший вариант, в худшем ему не простят оба. А если кто-то видел их на корабле? Еще не лучше...

Итак, если признаться в содеянном, то друга он потеряет наверняка, а будущее их с Татьяной – тайна, покрытая мраком, как кто-то сказал в каком-то фильме. Отец в детстве учил – дай возможность времени решить сложную проблему, не форсируй. Не гребь против жизни, она этого не любит. Наверно, он был прав.

Митя благоразумно решил, что есть еще два дня до ее отъезда, там видно будет. Не будем суетиться под клиентом. А вечером перед сном куда-то подевались все его разумные логические выкладки, и он с ужасом подумал, что Татьяна уедет на целых полтора месяца, а он уже сейчас соскучился так, что готов бежать к ней сломя голову.

И как его угораздило не договориться встретиться с ней в эти два дня? Правда, когда они зашли в квартиру, Татьяна ужаснулась – там был хаос и непочатый край работы. Холодильник забит портящимися продуктами, везде запасы, как на случай войны. Это стало общенародной привычкой, потому что в магазинах хоть шаром покати, хватали все, что под руку попадалось в любых количествах. У бабы Тони это вообще было страстью. А стирка? А уборка? А собрать вещи в дорогу? Но все равно, повидаться нужно было. Он вспомнил, Татьяна посмотрела на него удивленно, когда он на прощанье сказал:

- Значит, в субботу в девять я у вас.

Он вертелся всю ночь, а в обед ушел из редакции и все-таки подъехал к Татьяне домой. Не застал. Наверно, поехала забирать бабу Тоню. Вечером он к ним не пошел, хотя очень хотелось – неудобно, старушка только приехала из больницы. Подумает – горит, что ли, до утра не мог дожждаться... Но Митя себе признался – горело. И почему Татьяна не позвонит, неужели трудно? У них с бабой Тоней телефона не было. Он с издевательской улыбкой посмотрел на себя в зеркало и вслух повторил слова, сказанные ему когда-то захмелевшим Шуриком: «Я не думал, что так от нее завишу». Кажется, начинается расплата...

Утром, когда он уже готов был выехать и решал проблему – купить или не покупать цветы, раздался телефонный звонок. Звонила Татьяна.

- Митя, сегодня с утра заявился Шурик. Пришел нас провожать.

Заявился – отметил Митя – значит, не рада...

- Шурик? Откуда он узнал?

- Так совпало. Он просто позвонил в Ялту, а мама сказал, что я здесь. Я звоню из автомата.

- Так я не смогу прийти в порт?

- Наверно, - но уверенности у нее в голосе не было. – Я сказала, что мы на пароходе встретились на выходе, и ты потом отвез меня домой и к бабе Нюре. Он бы все равно узнал, что ты был в круизе. Да и баба Нюра успела...

Таня торопилась предупредить. Детектив начался.

- А как же мы... Черт. Не могу сообразить, - и сообразил: - Постой, Таня, ты меня любишь?

После паузы:

- Кажется, да, - пауза, - да. А ты?

Он засмеялся.

- А мне не кажется. Просто да.

- Ты не хочешь еще что-нибудь узнать? – в ее голосе было удивление.

- Я узнал самое главное.

- Шурик вышел. Пока.

Татьяна повесила трубку.

- Черт, спохватился Митя, - не спросил адрес и телефон.

Так начались страшные, черные месяцы.

Все, что он делал, делал неправильно. Плохо делал.

Он поехал в порт. Видел их издали, но подойти не решился. Следовал правилу - не греби против течения жизни. Казалось бы, можно было подойти и сказать, что они с Татьяной встретились в рейсе, раз Шурик об том знает. Пока без лишних подробностей. Это могло служить прологом к дальнейшему. И она бы это поняла...

Нет, это была бы подлость и низость – делать при Шурике вид, что ничего не произошло. И сказать правду нельзя – имел ли он право принуждать Таню к немедленному объяснению и неизбежному скандалу?

Постоял, постоял... и вернулся домой, подальше от соблазна.

После проводов в порту к нему зашел Шурик, мрачный, напуганный, сказал, что с Татьяной что-то стряслось, она переменялась. Как такое могло случиться? Как ты думаешь? Ты же ее знаешь? И знаешь женщин.

С ножом к горлу...

Митя от него сбежал якобы в редакцию. Смотреть ему в глаза он не мог.

Прошло еще две недели, он за это время понял, что жить без Татьяны не может. Сидел на телефоне, ждал звонка. Злился, что она не звонит, призывал на помощь все свое самолюбие, пытался – мрачно острил - «погасить страсти-мордасти». Не получалось, только время тратил. И еще прошла неделя, ужасная неделя.

Неожиданно Митя изменил точку зрения на весь этот гордиев узел. Давно нужно было это сделать.

Он раньше рассматривал происшедшее как подлый поступок по отношению к другу. А сейчас понял – это обычная, даже банальная история, когда два друга полюбили одну женщину. Оба полюбили сильно, и выбрать должна она. Но Мите нужно помочь ей выбрать именно его, а не мешать. А он мешает.

Татьяна определенно удивилась, что он не предложил встретиться, когда она была в Одессе. Что не узнал адрес и телефон, и этим оборвал связь. Что не пришел в порт. Словом, он дал ей все основания сомневаться в серьезности его намерений. Вполне можно было подумать, что он таким образом вежливо дает задний ход. Поэтому она и не звонит. Не хочет навязываться. Он уже хорошо ее изучил, и знал, что самолюбием Бог девочку не обидел. Черт, почему до него это раньше не дошло?

Он попросил три дня отгула в редакции, чтобы полететь в Ялту. Редактор дал один, пришлось приплюсовать его к субботе и воскресенью. Еще прошло два дня. А в четверг позвонил из аэропорта Шурик, которого он с успехом избегал вот уже почти месяц. Шурик

сказал, что решил не тянуть из себя жилы, что Татьяна по телефону с ним говорит холодно. Он уволился из лагеря и вылетает в Симферополь.

И тогда Митя упустил свой последний шанс – не сказал ему, что тоже любит Татьяну. Он мог бы – и должен был – полететь в пятницу вслед за Шуриком, рвануть против течения жизни. А он сдал билет на самолет... Решил, что Татьяна должна сама выбрать. Что жизнь все расставит по местам... Но хочу быть объективным. Это была не только нерешительность. Он хотел дать возможность – как и говорил – Татьяне самой все решить, без давления. Так было бы честно по отношению к другу.

Неделя была адом. А потом вернулся счастливый Шурик и сказал, что у них все стало, как раньше, они опять вместе. Пришел с бутылкой муската «Массандра» – праздник! Шурик был непривычно разговорчив и откровенен – наверно, счастье его переполняло, плюс вино, с которым он всегда не очень ладил.

Свадьбу наметили в Ялте, и правильно, что в Ялте, там есть все возможности. Они там снимали комнату, Татьяна фактически жила у него, домой только иногда уходила. Со свадьбой решили поторопиться.

- Как у Райкина: шутки шутками, но могут быть и дети.

Митя в этот момент доливал рюмки, он задержал дыхание и на всякий случай осторожно поставил бутылку на стол – от греха подальше.

Дальше он ничего не слышал, в ушах стоял не просто шум, а грохот. Они спали! Татьяна ему изменила. Теперь всем сомнениям пришел конец. Финита. Он с трудом отделался от Шурика.

Вы помните, для него изменившая переставала существовать как женщина. Но это была не обычная женщина, это была Татьяна. Она не просто перестала существовать для него, а ее вырезали, без наркоза, оторвали от сердца. Его предчувствие той ночью, когда он один лежал на койке в своей каюте, оправдалось. Оторвали от сердца. Боялись за Шурика, а это произошло с ним – надолго, а может, и навсегда, он остался без каких-то удаленных органов чувств.

Дальнейшее Митя вспоминал, как гротескный театр абсурда. Он поехал в Полтаву и попросил у Серафимы Исаевны руку ее дочери. Потом были две свадьбы. К счастью, Татьяна с Шуриком переехала жить в Ялту. Ушло немало времени, пока отношения между семьями с безмятежным Шуриком и подозревающей истину Ниной восстановились. А Татьяна на свадьбе сказала в своем тосте, ни к кому не обращаясь:

- Я все время ждала, кто-то же должен был ко мне приехать.

Глава 5. Хеврон

После посещения супругов Манаса Митя решил ковать железо пока горячо. И прежде всего, наконец, нужно серьезно поговорить с Марком. До сих пор он избегал таких дискуссий, потому что они могли серьезно помешать «работе». Прислушавшись к его доводам - Митя это чувствовал – трудно будет садиться за компьютер и громить «левую сволочь», так с легкой руки супер-патриотки Дины Рубиной и подхватившего ее почин бывшего советского интеллигента Виктора Топаллера, правые стали именовать либералов. Кстати, хорошо что буквально на прошлой неделе он написал и сдал в газету последний пассаж, где не щадя живота своего боролся с палестинцами, которые понимают только силу, Европой, предающей за нефть интересы Израиля и собственной продажной пятой колонной

«радикалов из МЕРЕЦа». Мимоходом лягнул и Барака Обаму, липового миротворца. Сейчас этот пасквиль он повторить бы не смог. Но до следующей политической статьи еще почти месяц, будем ждать последствий пересмотра взглядов.

Пока все складывалось наилучшим образом. Митя вспомнил, что Марк в ближайшее время собирался поехать с упорным МЕРЕЦом, никак не желающим признать руководящие указания общественности, в город Хеврон, один из древнейших непрерывно населенных городов мира, может даже самый древний, неформальную столицу Иудеи. Там была запланирована встреча группы либерально настроенных израильтян с русскими женщинами, проживающими на территориях, и их палестинскими мужьями. Большинство этих мужей учились в институтах России, Украины, там познакомились со своей будущей половиной, там и поженились.

Древний город, палестинцы, с которыми к своему стыду журналист Краснов непосредственно ни разу не общался, неизбежные острые темы, откровенные разговоры – все это было очень привлекательно. И там уж наверняка удастся пополнить Митину копилку сомнений. Он позвонил Марку, который снова работал в квартирном бюро, но уже не хозяином, а простым работником, и попросил включить его в делегацию. Марк его успокоил, сказал, что это вполне реально, потому что очередь желающих не стоит. Даже вольнодумцы побаиваются решиться на такую эпатажную поездку. Страшновато там, на территориях, физически, и небезопасно быть заподозренным в нелояльности здесь, в Израиле.

- Есть еще одно препятствие, - признал Марк. – Твой ореол ярого противника арабов, я бы даже сказал, арабоненавистника.

Митя почувствовал, что краснеет. Вот до чего доигрался. И успокоил Марка:

- А ты им скажи, что я уже не он.

- Как это так?

- Провожу ревизию своих взглядов.

- Ну-ну... Знаешь, я лучше пообещаю, что ты о них гадости писать не будешь. Конечно, если ты пообещаешь это мне.

На том и порешили. Поездка была намечена на ближайший четверг. В среду Митя отправил страницу в газету, а на следующее утро в составе полуторадесятков русскоязычных репатриантов пересек блокпост на границе с территориями.

Митя много раз ездил по территории, правда больше в Самарии, северной части, где жила Света. Но сейчас он смотрел на все другими глазами. И Марк как почувствовал, заговорил о том, о чем думал Митя. О том, как тесно перемешаны арабские села и еврейские поселения.

- Как тут можно отделить мух от котлет?

- Кто здесь мухи, а кто котлеты?

Марк не задумываясь ответил:

- Еврейские поселения – мухи. Меньше по размерам, чем арабские села, тем более города, но их больше по количеству. И потом они налетели, а котлеты давно тут лежат...

Марк не скрывал своей нелюбви к поселенцам. Впрочем, честно говоря, сам Митя их тоже не жаловал. Он до сих пор не мог примириться с тем, что Света – харидим (так в Израиле называют ультраортодоксов) и поселенка, то есть ее почти официальный статус - «соль земли еврейской».

Марк вынул из сумки карту, развернул ее и показал Мите.

- Смотри, вот Иудея и Самария. Все капочки и черточки - это еврейские поселения. И еще не все сюда попали. Их – я читал – 246. И форпосты, которые на высотах самовольно

занимают молодые религиозные энтузиасты. Где тут устраивать палестинское государство? А вывезти отсюда полмиллиона боевых поселенцев – в это даже Барак Обама, уж на что оптимист, и тот не верит. Их только тронь – разнесут весь Израиль, и Иран останется без работы.

Митя в дискуссию не вступал, хотя карта выглядела убедительно. На первый взгляд идея освободить место для создания палестинского государства действительно выглядела бредовой, свободной территории на какое-нибудь Монако и то не хватит. А палестинцев на Западном берегу между прочим три с половиной миллиона, вместе с ними хозяйства, оливковые рощи, виноградники, плантации фруктов и овощей, без чего обходится Монако.

- Ладно, Марк, давай отложим это на потом. Я действительно хотел бы во всем разобраться, я имею в виду вашу точку зрения на политику в отношении палестинцев. Но после Хеврона.

Марк удивленно хмыкнул:

- Ты, кажется, в самом деле делаешь ревизию. А с редактором согласовал? Или тебе подыскивать место шофера?

- Лучше охранника в супермаркете. А вообще, может, эти права и гражданство не очень важны? Живут себе люди...

Водитель часто петлял, как объяснил Марк, он дорогу знал и старался объехать израильские блокпосты. Но пару раз все-таки избежать объяснений и осмотра не удалось. Было не очень приятно. Солдаты с автоматами, в основном не очень доброжелательные – подозрительно, евреи едут в гости к врагам. Кто-то даже назвал их пятой колонной. Осматривали салон, всех поднимали с места, хоть вещи не перетряхивали – и то хорошо.

- Да, они не очень корректны.

- А ты думаешь с палестинцами более вежливы? А местные все время через это проходят. Сорок лет, – и саркастически добавил: – Кто-то сказал «живут же люди, без этих прав и гражданства».

Мите отвечать было нечего.

Они уже поднимались в горы, приближались к Хеврону. Может быть, причиной был душевный кризис, но Митя без восторга смотрел на окружающую местность. Он подумал, что Господь мог бы выделить избранному народу землю обетованную более пригодную для жизни. Слишком часто места, которые они проезжали, напоминали лунный ландшафт, а все живое, зеленое, разноцветное в основном было делом рук человеческих. И горы вокруг – могли бы они быть похожи на Кавказ, с его пышной растительностью и голубым небом? Здесь небо было раскаленное и с каким-то сероватым оттенком.

Под стать его настроениям был въезд в город, только рва и подъемного моста не хватало, а все остальное имело место. Солидный израильский КПП, вооруженные солдаты, снова вопросы и опросы, неодобрительный осмотр пассажиров и автобуса. Колочая проволока. Проволоки они увидят достаточно. Между Хевроном и еврейским поселением Кирьят-Арба, прижавшимся к городу, два ряда проволоки с небольшой нейтральной полосой между ними. Проволока, отделяющая еврейскую зону Хеврона, проволока вокруг еврейского поселения, расположенного в центре города. Будут еще солдаты с автоматами у парапета пропускного пункта, автоматы направлены прямо против входящих, такова инструкция, но впечатление не из приятных. И в каждом таком случае остроумный Марк ехидно говорил:

- Кто-то сказал «живут же люди, без этих прав и гражданства».

Но не все выглядело так невесело, и Митя решил, что это его личный пессимизм придает всему безрадостный оттенок. Он приободрился и постарался отличать светлое от мрачного. А было намешано всего. Древний Хеврон выглядел, к его удивлению, довольно-таки современным, белым и ухоженным, во всяком случае центр. На окраины их не возили, там – видно было издалека – все выглядело похуже, серее, беднее, но тоже относительно неплохо. Правда, зелени было мало, это недостаток арабской ментальности, они растительным миром не увлекаются. И кстати, собак не терпят – мне кажется, это из одной серии. А жаль.

Митя ожидал худшего. И население выглядело неплохо, лица нормальные, приветливые. Одеты вполне прилично, мужчины в цивильном, а женщины чаще в чем-то с национальным колоритом. Марк обратил внимание, что женщин, особенно молодых, на улице очень мало. Он откуда-то выяснил, что традиция не рекомендует молодым, а особенно незамужним появляться в общественных местах без родственника или парочки дуэний. Не знаю, так ли это, но Марк объявил, что в Хевроне не останется. Словом восточный колорит был, но далеко не Саудовская Аравия. Больше похоже на израильский Назарет. Шла обычная, немного по-levantийски неторопливая жизнь. И сопровождавший группу руководитель русско-палестинской общины, отличный парень, юрист, окончивший юрфак Московского университета (!) с классическим именем Сулейман говорил, что местное население не фанатично верующее, хорошо относится ко всем туристам, это один из важнейших источников дохода... но не к израильским. Слишком кровавой была история их отношений в Хевроне, который называли пороховой бочкой Израиля.

Удивительно, но и израильтяне и палестинцы скорей всего привыкли и жили вроде бы обычной жизнью в коротких перерывах между военными действиями – а как эти ситуации еще можно назвать? Скажем, юг Израиля воевал с Газой, там падали ракеты, а на севере люди ходили на работу, отдыхали, ездили на природу жарить шашлыки, отмечали праздники, сидели в кафе. Безразличными не были, но жили приближенной к нормальной жизнью. Разговоров о войне между людьми было меньше, чем по телевизору. Когда была Ливанская война на севере – все было зеркально. А иначе в этом районе просто существовать было бы невозможно. Но человек при этом все-таки менялся, не мог не измениться. Хотя бы в том, что черствел по отношению к чужой беде.

Нет, абсолютно мирным и нормальным состояние людей, живущих в этом районе вне зависимости от национальности и взглядов, нельзя было назвать. Конечно, была агрессия, по отношению к «другим», к противникам, тем более врагам, а таких у всех хватало. Большую часть времени эта агрессия не проявлялась внешне, иначе можно было сойти с ума, но запасов раздражения, готовности взорваться хватало на всех.

Само собой не был исключением и Хеврон, с его нелегкой историей конфликтов с Израилем. Это стало понятно сразу же на въезде в город. Руководитель местной общины юрист Сулейман, о котором говорилось выше, сразу предупредил, что для всех они туристы из России, и чтобы не говорили – не дай Бог - на иврите, во избежание эксцессов. Впереди нашего автобуса и позади шли машины с полицией – а значит эксцесс был действительно возможен, в чем, кстати Митя убедился на своем опыте.

Здесь небольшое отступление. Когда я сказал «нас встречал», я не оговорился, а проговорился. Я тогда действительно тоже был в составе этой делегации. Поэтому все, о чем будет рассказано, происходило в действительности, и я тому пока еще живой свидетель. Разве что какие-то несущественные мелочи я мог забыть или перепутать, все-таки с тех пор прошло пять лет, срок немалый. Но все что будет описано происходило в действительности,

о некоторых эпизодах можно прочитать в старых израильских газетах – я расскажу позже, о чем именно.

Вернемся в Хеврон. Оказалось неожиданности могли быть не только со стороны палестинцев.

Прежде всего всех отвезли в мэрию. Но глава Хеврона задерживался, были, естественно, у него и другие дела. Пришлось подождать в кабинете у его заместителя. Неожиданно внизу раздался шум, топот ног, с треском распахнулась дверь и энергично вошла группа израильских солдат с автоматами...наперевес – будет правильно сказано? Думаю, да.

Последовало резкая перепалка между свободолюбивым руководителем от МЕРЕЦа и командиром отряда. Местные придерживались нейтралитета и не вмешивались. Помалкивали. Оказалось, что на КПП при въезде кто-то проявил бдительность и сообщил куда следует, что появилась в Хевроне пятая колонна. Мало ли что?! Солдаты проверили у всех документы, начальство еще поскандалило между собой, потыкало пальцами, и группа ушла. Но послекусие осталось. Пришедший после инцидента мэр не удивился и сказал, что такое время от времени происходит по разным поводам и без предупреждения. Могут кого-то увести, не объяснив, в чем дело.

Мэр, интеллигентный человек, лет пятидесяти, с английским престижным образованием, был приветлив и демократичен. Он подошел к карте, висевшей на стене, показал, что непосредственно под контролем ЦАХАЛа – армии Израиля - остался только еврейский квартал в центре Хеврона. И часть города – сектор со смешанным палестинским и еврейским населением – тоже осталась под юрисдикцией Израиля. Но все эти участки расположены так, что местным жителям часто нужно проходить через израильские пропускные пункты со всеми вытекающими отсюда последствиями и соответствующей реакцией. Это, конечно, создает напряжение. Израиль вроде бы от Хеврона далеко, а в действительности на каждом шагу.

Кто-то из израильтян спросил:

- А если убрать солдат, поселенцы... будут в безопасности?

Мэр улыбнулся.

- Сомневаюсь. Но даже если будет спокойно, то они сами обеспечат себе неприятности. Для вас не секрет, что вокруг Хеврона и внутри его собрались самые фанатичные верующие ультра-ультра-ультраортодоксы. Они не могут жить спокойно. Сами не живут и другим не дают.

- А какой же выход? Вы его видите?

Мэр грустно покачал головой.

- Честно говоря, но это не для печати, в ближайшие годы выхода не вижу. - Потом еще подумал и добавил: – Во всяком случае, мирного...

Все поняли, что он хотел сказать, и не уточняли...

Спросили о другом:

- А если будет – каким-то образом - мир, смогут арабы на нас не таить зла?

Тут мэр не задумываясь и твердо сказал:

- Смогут. С евреями мы можем договориться. Но не с поселенцами, - он скрипнул зубами, - с ними никогда. Если бы не поселения, о нас в мире давно забыли бы.

Все снова поняли, что он хотел сказать, и не уточняли.

Потом группу повезли на экскурсию по городу, немного попетляли и вскоре оказались в центре, недалеко от еврейского квартала и израильской зоны. Вышли из автобуса не только, чтобы пройтись по узким и запутанным восточным улицам старого города, а потому что дальше транспорту был въезд запрещен. Кроме известной ничейной зоны вокруг еврейского поселения в центре Хеврона, оказалось, есть еще и дополнительная, куда на любом транспорте въезжать нельзя. Запрещено. На таких условиях было заключено мирное соглашение. И абсолютно все, включая материалы для ремонта и строительства в этот район завозятся на тележках и ослax. Тоже не способствует умиротворению.

Потом через турникет и солдата с автоматом прошли в израильскую зону. Руководитель не повел группу в еврейский квартал, там бы нас, сказал он, уж точно побили камнями, если бы узнали, что мы, левые сволочи, были в гостях у врагов. Народ в поселении боевой и принципиальный. Митя промолчал, не возразил, не сказал, что он пока еще не левая сволочь.

Показали гробницу праотцов, на верхнем – еврейском – этаже неясно были видны силуэты в черном. Мусульманам было отведено место внизу. Разделили гробницу после того, как врач (!) Барух Гольдштейн расстрелял там 29 молящихся арабов и 150 ранил. Он, конечно, был сумасшедшим фанатиком, такие могут быть в любой религии, но его могила до сих пор является местом паломничества поклонников его и его деяний. А вот это действительно ужасно.

На границе еврейского квартала по-прежнему «тучи ходят хмуро». То вылазки, то камнеметание. Вдоль колючей проволоки протянулся рынок, арабы провели группу вдоль рядов специально, чтобы показать, что рынок сверху закрыт листами жести – поселенцы время от времени забрасывают их мусором. Не хотят почему-то мириться с рынком по соседству, а арабы не хотят его переносить – у обеих сторон это дело принципа. Вражда приводит не только к агрессии, но и к обоюдному идиотизму.

Группа с облегчением ушла из зоны конфликта. Атмосфера взаимной ненависти действовала угнетающе. Как можно годы и годы жить в такой обстановке? И оставаться человеком? Впрочем, в последнем появились сомнения...

На обратном пути стало повеселее. Показали район, выделенный для бедных слоев населения. Здесь не платили за жилье. Но этот район бедноты был чистеньким и ухоженным, тоже наверняка объект, который показывают туристам. Ну и пусть реклама, главное, что этот район есть и людям там неплохо. Посредине большая детская площадка, забитая малышней. Интересно, то ли на востоке семьи бедные, потому что многодетные, то ли они всегда многодетные, потому что бедные? Несмотря на туманность этого изречения, смысл в нем есть.

А вскоре произошло ЧП. Показывали древние помещения, восстановленные добровольцами. Комнаты, залы, очень красивые, тоже для себя и для туристов. Мрамор, поделки, прекрасная облицовка. И все это привозилось и приносилось без транспорта, вы, надеюсь, не забыли, что в эту зону был въезд воспрещен.

Перед одним из этих зданий прибывших встретила большая группа подростков, которая – судя по всему – не знала чем себя занять. Палестинский юрист стал объяснять, что с ним русские туристы. Дети это поняли и отнеслись к «туристам» миролюбиво, хотя кое-кто и просил подачку и даже дергал за рукав. Все зашли в помещение, повосторгались, вышли на улицу, помахали подросткам ручкой и завернули за угол.

А Митя там задержался – то ли засмотрелся, то ли задумался. Вообще все увиденное произвело на него тяжелое впечатление. Он понял, что его психика бунтует и пытался взять

себя в руки. Когда он вышел, остальных в зоне видимости уже не было. Зато были маленькие и довольно-таки великовозрастные детишки. Они загалдели, я думаю, хотели помочь, сказать, что все ушли, что повернули за угол. Митя почувствовал, что-то у него перемкнуло. И резко, громко, четко сказал:

- Ма атем роцим мемени, аравим?

На иврите это означает: «Что вам нужно от меня, арабы?»

Молодежь, выросшая в прифронтовой полосе, услышала знакомую ненавистную ивритскую речь, напряглась, в глазах появился боевой блеск. Загалдели. Митя уловил, что они в арабском варианте повторяют «еврей», «Израиль» и довольно быстро раскаляются. Стали угрожающе надвигаться, сначала младшие, потом те, кто постарше. Кто-то поднимал камни, кто-то планки, дощечки – у стены были остатки стройматериалов после ремонта. Надо было что-то предпринимать. То ли попытаться уйти, а может позвать на помощь, но его опять – как и на берегу моря – застопорило. Наконец кто-то сзади подобрался и огрел его по голове. Не камнем, потому что удар был звонкий. Но не слабый. Шум в ушах, все завертелось, потом он услышал, крик, точнее вопль: «Помогите!» И отключился от настоящего.

*Семья Красновых
(Машина времени)*

Первым в Израиль еще в конце 89 года эмигрировал Марк, который был не то чтобы большим сионистом, а скорее антисоветчиком. Кстати, для него протестные настроения всегда играли большую роль и часто определяли политическую позицию. Кроме того он в то время оказался в начале большого пути – разошелся с первой женой, оставив ей квартиру и пятилетнюю дочь. Инициатором развода была Рита. Она объяснила свое решение примерно так:

- Марк хороший человек и неплохой отец. Но от него очень много беспокойства. Идеи, разговоры. Даже во сне вертится и что-то обсуждает. Я устаю.

Словом Марк отправился в эмиграцию, решив по дороге в Израиль свернуть в Америку. Но вмешался куда больший сионист, чем он, Анатолий Щаранский, и для еврейских эмигрантов Америка была закрыта. Пришлось ехать на историческую родину.

Время от времени Митя и Марк переписывались, иногда общались по телефону – в то время контакты с эмигрантами уже были вполне безопасны.

Года два спустя неожиданно для всех – как гром среди ясного неба – приняли решение эмигрировать Розенберги. Это было странно. Их дети, Толя и Витя Нееловы (по благоразумной привычке советских граждан на всякий случай у них была фамилия и национальность матери), могли себя чувствовать вполне комфортно и в Советском Союзе. Скорей всего это была инициатива Татьяны, которая, кстати, Розенберг стала в Израиле. Ни для кого не было секретом, кто у них «в лавке хозяин». Любимая острота в компании была: «Как такой большой Шурик мог залезть под такой маленький каблук», – Татьяна всегда ходила в туфлях на шпильках.

Марк жил в это время в Хайфе и был уже сравнительно опытным израильянином. Он заранее нашел Розенбергам квартиру в том же районе и взял их под свое крыло.

А Красновы остались в Одессе.

Света родилась через год после свадьбы, даже немножко раньше - Митя за собою сжигал мосты. Девочка была домашняя, ласковая, умненькая. Может быть, не такая шустрая, как большинство ее подружек и одноклассниц, но родителям это нравилось. Плохо, считали они, что у девочки нет близкой подруги, наперсницы, но видно, такой характер. Нина говорила, что у нее тоже в детстве не было своего Шурика, и ничего страшного. Действительно, Света была со многими в классе в хороших отношениях. Ее уважали за ровный характер и за то, что она не зазнавалась, хотя была с первого класса круглой отличницей. Она знала, что папа был золотым медалистом, имел диплом с отличием, и старалась поддерживать традицию. А к пятому классу Света прочитала больше – между нами говоря – книг, чем ее мама за всю жизнь. Отец говорил, что она наполовину современная – в смысле увлечения компьютером, и наполовину отсталая – в смысле любви к книгам. Приходилось ее останавливать.

- Иди, погуляй, сколько можно дома сидеть.

Летом на каникулы Света ездила к бабе Симе и деду Лева в Полтаву, в лагерь идти отказывалась категорически, впрочем, никто из родителей на этом и не настаивал. Время было смутное до перестройки и не легче после. Родителям, особенно Мите, доставалось в хвост и гриву, дома не всегда был необходимый минимум миниморум. В Полтаве жилось полегче. И Света даже осталась там однажды на целый год, училась в школе, возглавляемой Серафимой Исаевной, потому что в Одессе был сильный всплеск бандитизма. Дальше квадрата Дерибасовская - Пушкинская – Ласточкина – Советской армии с наступлением темноты заходить было опасно. Между прочим, коммунист и директор школы Серафима Исаевна оказалась скрытой сионисткой и подпитывала во внучке национальное еврейское самосознание. Митя к этому относился с иронической улыбкой, ему тоже иногда доставалось от антисемитизма, в частности при получении золотой медали, но если честно признаться, в не слишком больших дозах. Так, скорее общий фон. Он старался эту проблему – как говорят одесситы – не брать в голову и не заикливаться. Может, ему меньше доставалось, чем остальным, потому что внешность, особенно в молодости, у него была славянская: светлые волосы, серые глаза (не печальные), высокий лоб, нос умеренных размеров. В детстве он был совсем белокурым, и мама его называла Абрам царевич. С возрастом – как и у многих евреев – у него стали больше проступать национальные черты. Но пока он в Израиль не собирался. Да и Нина, я уже об этом говорил, если и слышала антисемитские речи, то только в адрес кого-нибудь другого. Кстати, она долго не могла избавиться от украинского полтавского акцента, и это добавляло «щирой украинке» дополнительный колорит.

Девочка комфортно себя чувствовала и у бабушки с дедушкой – даже не знала, что дедушка не совсем настоящий, - и дома. В общем, несмотря на нелегкий период в стране, Красновы жили относительно прилично, точнее сносно. Глава семьи подтвердил свою способность находить с различными людьми и различными обстоятельствами общий язык, при этом сохраняя минимально допустимое чувство собственного достоинства, что в те – да и нынешние – времена не каждому дано. И хотя дельцом по натуре не был, но при необходимости мог подсуетиться и в конъюнктуре разбирался. Когда в 89 году народ массово повалил за границу, он за гроши продал свою двухкомнатную квартиру и за такие же гроши купил отличную, после ремонта четырехкомнатную, недалеко от родителей, прямо над морем, на обрыве. И над дверью – правда, изнутри – прикрепил плакат с цитатой из Жванецкого: «Как же надо ненавидеть эту страну, чтобы бросить квартиру после такого ремонта».

В семье Красновых была спокойная и доброжелательная атмосфера. Чистота и порядок казалось без всякого напряжения поддерживались Ниной, которая не очень была занята на работе, причем не по своей воле. В школе от предмета, который она преподавала, от истории была только одна головная боль, поэтому дирекция старалась сокращать часы насколько возможно. С началом перестройки выяснилось: все, чему Нина училась в институте, неправда. Пожалуй все, кроме победы над Гитлером, который тоже неожиданно оказался бывшим нашим соратником по захвату Европы, а это в институте не проходили.

Нина получала сверху какие-то не стыкующиеся инструкции, покупала различные учебники истории всех размеров и цветов, издаваемые во многом из финансовых побуждений, в том числе из фонда Сороса. Все они на каждой странице противоречили друг другу. Нина ездила в Полтаву на консультацию к своим личным историкам, и с их помощью уже запутывалась окончательно и бесповоротно. Но две существенные причины помогали ей относиться к этому без паники. Первая – спокойный далеко-далеко не экзальтированный характер. И вторая причина – никому не было дела до того, что она рассказывает ученикам на своих уроках.

В этот период особой тяги молодежи к знаниям не было заметно, плюс очевидное общее падение нравов. Поэтому справляться с буйными школьниками было непросто. Внешние проявления темперамента Нины впечатления не производили, но тем не менее дисциплина в ее классе поддерживалась на приличном уровне. Ученики знали, что она бывает спокойной и даже флегматичной, пока кто-нибудь не перейдет границы. И тогда Нина неожиданно взрывалась. Она как электрон могла внезапно перескочить с одного энергетического уровня на другой. Любого зарвавшегося хулигана вне зависимости от веса и возраста она могла без видимого усилия приподнять за грудки и с грохотом обрушить на место. Легенда утверждала, что одного такого нахала потом вытаскивали из-под обломков парты. Затем учительница возвращалась на прежний энергетический уровень и как ни в чем не бывало продолжала урок. Когда эта вспышка произойдет, никто не знал, поэтому старались не перегибать палку.

С годами она выглядела все более и более сексуальной – хотя казалось, куда уже больше, не красилась, одевалась скромно, но цветущий вид и отменные формы ни в каких ухищрениях не нуждались. Нина добросовестно следила за собой, не полнела, и все-таки любая одежда почему-то казалась на ней тесной, это было свойство ее фигуры. Многие пытались за ней ухаживать, но вскоре забрасывали это дело, как бесперспективное. Один из Митиных сотрудников, Толя Симаков, говорил: «Она у тебя всегда, как из холодильника», - имея в виду свежий вид и абсолютное отсутствие реакции на внимание мужчин.

Общее мнение, к которому с сожалением пришли многие соискатели: Нина при всех внешних экзотических данных фригидна и бесчувственна. Митя, выслушивая это, только улыбался и думал, что бы они сказали, зная ее бурный темперамент в определенные периоды. Единство противоположностей!

Общее мнение было, что у Мити все хорошо. Марк перед отъездом в Израиль сделал окончательный вывод – Везунчику, как всегда, везет. Спокойная, аккуратная, скромная, верная жена, которая вообще кроме него никого не видит, воспитанная умная дочка, порядок в доме, а сам глава семьи неплохо держится на плаву в сплошных штормах и водоворотях, обрушившихся на Украину последние годы.

А что считал сам глава семьи Михаил Краснов? Он убедился в том, что был прав на все сто процентов и после свадьбы, вызванной отчаянием, действительно стал жить чужой

жизнью. Он даже частенько смотрел на эту жизнь как бы со стороны. Но с удивлением признавал, что она, эта чужая жизнь, оказалась не такой уж плохой. Могла быть гораздо хуже. Дома у него был покой и надежный тыл, что в принципе не так уж мало. Он и до свадьбы знал, что не любит Нину, а уж после того, как Татьяна продемонстрировала ему, чем любовь, настоящая любовь отличается от всяких других человеческих чувств, сомнений никаких не осталось. Но он относился к жене тепло и... хорошо относился, как к родному человеку. Старался помочь, утешал, если она приходила домой с работы расстроенная, хотя это происходило не часто – ровное спокойное настроение было ее фирменным знаком. Он пришел к выводу, что в семье пылкие чувства не обязательны, вполне можно обходиться и без них. Правда, общения могло бы быть побольше, иногда хочется поделиться, даже поплакаться в жилетку... И понимал, что не чувствует себя счастливым. Но нельзя же требовать от жизни всего сразу.

Митя в общем-то был доволен, хотя иногда, неожиданно даже с какой-то яростью набрасывались на него воспоминания о ночи на «Шота Руставели», душили за горло, терзали сердце. Но с годами эти приступы случались все реже и становились менее болезненными. Он иронизировал, что такими темпами годам к ста удастся избавиться от этой напасти. Спокойствие и невозмутимость его жены были неплохим противоводием.

Был у Нины и недостаток, тоже уже известный Мите, – ревность, которая возникала не часто, зато принимала бурные формы. Но он старался не давать видимых поводов, а подозрительностью Нина, к счастью, не страдала, скорее была доверчива. Их обоих устраивали такие отношения; ее, вероятно, в соответствии с темпераментом, а Митя с каждым годом все больше и больше убеждался, что после измены – как он считал – Татьяны ему удалили ту часть мозга, которая отвечает за любовь.

В чем-то Мите повезло – оказалось, что секс и любовь управляются разными долями, и часть мозга, отвечающую за секс, к счастью не тронули. Он при соответствующих обстоятельствах без особого зазрения совести мог изменить Нине – любовь не стояла на страже морали, но старался, чтобы это не выплыло наружу.

Да, вы, наверно, помните, что Нина была обидчива, но с этим Митя легко справлялся, он всегда хорошо ладил с людьми, а уж если специально старался, то и подавно.

Словом, дома было спокойно, и это помогало Мите бороться с внешними неприятностями, которых в лихие девяностые хватало на всех.

Все советские семьи мало отличались друг от друга, но при перестройке каждая семья выкручивалась по-своему. Вы уже догадались, что это ремейк известной первой фразы из «Анны Карениной».

Как выкручивался Митя?

Перестройка началась – как обычно в таких случаях - с надеждами на светлое будущее, но довольно быстро многим журналистам пришлось продать душу дьяволу и даже иногда расписываться кровью, своей или чужой. Вспомним дело Гонгадзе, но оно было громким, а сколько таких дел прошло в тишине и неизвестности? На рынок выплыло море печатной продукции, чаще невысокого пошиба; заработать деньги, учитывая хаос в стране и страшную девальвацию, было практически невозможно, приходилось любым способом их «добывать». И журналистам продаваться пришлось даже не дьяволу, а спонсору. Этот спонсор чаще всего оказывался не рыцарем на белом коне, а малограмотным и хватким выходцем из полукриминальной или полностью криминальной среды. За свои деньги он требовал плевать на мораль и приличия, и приходилось плевать, если кушать хочешь. Не все могли быть

героями, и пресса в довольно короткие сроки приобрела желтый оттенок, даже лучшие ее издания.

К сожалению, в это смутное время большинству работников СМИ гордиться было нечем, детям и внукам рассказывать о славных прошлых днях не стоит. Лучше постараться забыть сумятицу перестроенного горячего бреда. Так пытался впоследствии поступать и Митя. Нужно признать многое ему удалось стереть из памяти, на помощь пришли защитные силы организма, но все-таки наиболее важные и судьбоносные события – а такие были – время от времени всплывали.

Не стоит пугаться, Митя никого не убивал и не предавал, просто он умело лавировал на грани журналисткой и человеческой порядочности, а иногда и немного за ее гранью. Возможность переходить эту черту чаще всего предоставлял другим. Вот конкретный пример, как это выглядело.

Почти все время, меняя газеты и издания, которые прогорали, он занимал четкую позицию – был выпускающим редактором. То есть решение о публикации грязного материала принимал главный редактор, а фамилию под статьей ставил написавший ее журналист. Митя формально был не причем. Он даже в компаньоны вступать отказывался, только оклад, никакой доли. Я работник – и не больше! Конечно, чаще всего это было просто чистоплюйством, только формой, а по сути он был внутри каждой клеветы, которыми кишмя кишели материалы газет. Но это чистоплюйство помогало сохранить видимость приличия и было более безопасно, хотя и менее выгодно, чем формальное участие. Из двух поговорок – «кто не рискует, тот шампанского не пьет» и «кто не рискует, тот в тюрьме не сидит» - он выбрал второй вариант.

Долгое время потоки оскорблений и обвинений были главным оружием «свободной» прессы. Печатались и говорились вещи, от которых волосы дыбом становились, назывались факты страшной коррупции и даже кровавых преступлений. Если это была ужасная ложь, виновных в клевете нужно было сажать, если правда – стрелять преступников без сожалений. Но не происходило ничего, закон безмолвствовал. Наказание было вне юрисдикции, по «бандитским понятиям», которое есть не что иное, чем право сильного.

В этот период Митя сблизился с редактором газеты Сергеем Сергеевичем и молодым журналистом, о котором я уже упоминал, Анатолием Симаковым. Толя был холостой, отчаянный правдолюбец и увлекался журналистскими расследованиями, материалов для которых вокруг было хоть пруд пруди. Сергей Сергеевич взял ссуду, заложил квартиру, организовал свою фирму, куда вошла газета и какие-то занимательные полуприличные – чтобы можно было их продать – журналы. Митя от компаньонства категорически отказался, стал выпускающим редактором, но работал много и добросовестно. Уж на ту тысячу долларов, что ему платили, зарабатывал с лихвой. А Толя Симаков продолжал расследования, хотя уже пару раз к тому времени был бит. Пик их известности и даже популярности был связан с одним громким делом, в котором у Серея Сергеевича и Симакова журналистское тщеславие победило осторожность. Соблазн был слишком велик, возможность повторить Уотергейт на украинской почве не каждый день представляется.

Праздновался день рождения большого руководителя Украины, которого я условно назову Президентом. Чисто условно, не хочу обвинений в клевете. Один из важных лиц в одесской администрации, которого я по тем же причинам буду именовать Председатель, отправился на эти именины с оригинальным почти литературным подарком – двенадцать стульев, миниатюрная копия гарнитура работы мастера Гамбса, и в один из этих стульев был

вложен бриллиант по слухам три карата ценой 100 тысяч долларов. И Толя Симаков стал раскапывать, откуда наш Председатель достал 100 тысяч. Одолжил? Как отдавать будет? Толя добыл фотографию стульев, на одном из них была видна аккуратненькая змейка, отдельно прилагалась фотография алмаза. Даже опубликовал статью, где все действующие лица выступали пока инкогнито. Все это происходило до Гонгадзе, и результаты были помягче. У Сергея Сергеича отняли фирму, нашли подлоги в налогах, сгорела новенькая ауди – видимо, самовозгорание, квартиру они с семьей стали снимать. А Толя после статьи стал хромать и даже оформил инвалидность второй группы. С Митей тоже побеседовали, но он сказал, что просто работник, разрешение на публикацию дает редактор, статья не его, потом порылся в архивах и отдал оставшиеся материалы по этой теме, а папку сжег. На него Сергей Сергеевич и Толя не обижались, потому что несколько зубов Мите тоже пришлось вставить. Но сам Митя к себе отнесся не столь снисходительно.

Этот бурный период закончился тем, что он, поменяв еще два издания, в конце концов пристроился в газету городского совета, в сущности принадлежащую мэру города, человеку бестолковому (кроме личных интересов), но хотя бы не кровожадному. И на всякий случай тоже выпускающим редактором. Содержание газеты сводилось к славословию начальства и унижению противников. Дело обычное. Там и перезимовал до отъезда в Израиль.

Драма, связанная двенадцатью стульями мастера Гамбса, стоила Мите седины в висках, благо из-за светлых волос это было не очень заметно. Но беда – и каждый это знает на своем личном опыте – одна не приходит. Одновременно с уже описанными произошли события еще более значительные и важные для семейства Красновых. Их спокойная, надежная и уравновешенная семья неожиданно взорвалась изнутри. Для такого кризиса одного какого-нибудь повода было бы недостаточно, и судьба позаботилась, чтобы несколько существенных и неприятных историй совпали по времени.

Конечно, начинать нужно со Светы, которая была – опять попытка каламбура – светом в окошке для трех семей. Ее любила мама, любил папа, уж никак не меньше мамы, души не чаяли старшие Красновы, которые жили по соседству и баловали, как могли. Девочка ходила к ним кушать, когда мама была занята, и баба Валя Краснова, которая уже не работала, специально готовила для нее любимые блюда. В это не очень нормальное время хороший невропатолог ценился на вес золота, поэтому кандидат наук Аркадий Борисович, который не был ханжой и не чурался благодарности пациентов, мог позволить себе, к примеру, купить девочке компьютер, которым тайно пользовался и его сын. А полтавские бабушка и дедушка надыхаться на нее не могли, только и ждали, когда внучка приедет на каникулы. Но эта любовь не портила от природы хороший характер девочки, она оставалась скромной, не разбалованной и воспитанной. Все то, что я говорил о ней прежде.

В 1999 году ей исполнилось 15 лет, переломный возраст, когда девочка превращается в девушку. Очень ответственный момент.

Но может быть, вы уже обратили внимание, что я, описывая Свету, пока ни слова не сказал о ее внешности? К сожалению, многие считали, что она не была, красавицей, и – опять – таки по общему мнению – с годами это становилось все более очевидным. Я с этим не очень согласен, на мой взгляд, в ней была какая-то изюминка, и потом миллионы примерно таких же женщин живут и не слишком страдают, но... с общим мнением не поспоришь.

У нее было много вариантов для наследственности. Симпатичный папа, мама образцовая Наталка-Полтавка, дедушка Аркадий хоть немного носатый, но вполне импозантный

мужчина, бабушка Валя в молодости была похожа на актрису Аллу Ларионову и - по мнению дедушки Аркадия – ни в чем ей не уступала. Наконец исчезнувший дед Степан, в прошлом здоровый чернобрывый парубок. Но генетика выбрала какую-то ей одной известную комбинацию из доминантных и рецессивных признаков, и к пятнадцати годам стало окончательно ясно, что Света будет точной копией бабы Симы. Один к одному.

Общее мнение, о котором я упоминал, возникло не на пустом месте - отношение окружающих к внешности очень зависит от обстановки на местности, какой тип признается своим, какой в моде, какой отторгается. Нужно сказать прямо, что ярко семитская внешность была в том месте и в то время не слишком популярна и стала редко встречаться, особенно когда из Украины выехало множество евреев в разные страны мира.

Внешность Светы я даже не буду описывать, просто повторю то, что раньше говорил о Серафиме Исаевне: «Ее национальность была налицо. Удлиненный овал, традиционный нос, волнистые, почти курчавые с легкой рыжинкой темные волосы, и не слишком веселые - почему? - черные глаза, худощавая фигура». Вынужден добавить, что в отличие от своей бабушки, Света немного картавила. При любой другой внешности это могло бы быть даже пикантным. А так сошлось все одно к одному.

Она, как вы знаете, была неглупой девочкой, поэтому относительно умеренно реагировала на предложения сказать «кукуруза» и на более агрессивные намеки. В этой обстановке родилась, привыкла. Может быть, поэтому с интересом слушала рассказы бабы Симы о славной и трагической истории еврейского народа.

Весна в сочетании с опасным возрастом нарушили это неустойчивое равновесие. Света увлеклась мальчиком на класс старше ее. Парень был симпатичный, в принципе неплохой, но без царя в голове. Когда он понял, что Света имеет на него виды, то не задумываясь сходу сообщил: «Ты девочка хорошая и отличница. Но вот что я тебе скажу – здесь у нас ты не пройдешь. Не та масть. Лучше поезжай к себе в Израиль, там будешь такой, как все».

Это была тяжелейшая травма. Настолько болезненная, что она рассказала об этом Мите. Обратите внимание – Мите. Они вообще были близки.

Митя ее очень любил и почему-то жалел. Была у него одна, совершенно вздорная идея фикс – он чувствовал перед ней какую-то мифическую вину, хотя понимал, что это в высшей степени глупо. Когда-то он прочитал банальную легенду, что красивые дети рождаются только по любви. Света родилась вне любви, скорей любви назло, а значит... Чушь, конечно, но избавиться от этих мыслей он не мог. Тогда он еще не знал, что вина его вскоре будет вполне реальная, не надуманная.

Постепенно в голову Свете запаала мысль, что ее место действительно в Израиле, там она будет среди своих.

Она объявила, что сразу же как только закончит школу, поедет на историческую родину по программе «наале», предусматривающей проживание и обучение еврейской молодежи в Израиле отдельно от родителей. Разумеется, все зависящие от Светы семьи заволновались, но так как предполагалось, что сначала нужно закончить школу, то переживания отложили на потом. И никого даже не расстроило, что она довольно быстро нашла курсы по иудаизму и по изучению иврита при еврейской общине и стала их посещать - демократия конца девяностых сделала это не только легальным, но и поощряемым мероприятием. У Светы установились хорошие отношения с раввином еврейской общины хасидом Ициком. Тот ей объяснил, что никаких сложностей не будет, даже если она захочет ехать сейчас, нужно только до совершеннолетия получить разрешение родителей. Оказалось, что по программе

«наале» можно в Израиле продолжить образование после восьмого класса с полным бесплатным пансионом. Но пока, как я уже сказал, Свете даже в голову не приходило предпринимать что-нибудь до окончания школы. А уж о том, что современная и светская девочка может заинтересоваться ортодоксальной религией, не могло быть и речи.

И тогда все та же судьба, о которой в этой истории я вспоминаю не впервые, еще раз вмешалась. Орудием ее на этот раз стал Митя.

Вы уже знаете, что Митя при случае мог изменить своей супруге. И оправдывал это не тем, что не любит ее, а куда более приличными причинами. Сводилось объяснение к тому, что изменить – это одно, а переспать – совсем другое. Изменить, значит кого-то полюбить или хотя бы увлечься. Но так как он по известной вам причине ни на какие чувства, кроме сексуального влечения, не был способен, то это просто, грубо говоря, физиологический акт, а не измена.

Понятно, все эти пошлости растолковывать Нине он не собирался, но зная ее ревность и не без основания опасаясь масштабов неизбежного скандала, старался даже малейших поводов для подозрений не подавать. Было уже пару раз, что у нее возникали сомнения, и тогда раздавались угрожающие отдаленные раскаты грома. Причем, голос во время скандала у нее становился не визгливым, как у нормальных женщин, а грубым и низким. Поэтому Митя постарался за правило – в этой большой деревне под названием Одесса не грешить. Он в корыстных целях использовал свою профессию, в которой командировки были неизбежны. И либо там находил соучастниц преступления, либо вывозил их из города на пару-тройку дней на волю, в пампасы.

Но сколько веревочке не виться...

Именно весной, о которой я рассказываю, Митя отправился в командировку в Вилково, украинскую Венецию, на своей машине, бензин за счет редакции. Как-то получалось с четверга до вторника – назад в воскресенье дорого возвращаться. В те годы зона действия мобильного телефона до Вилково не доходила. Как видите, все было продумано, даже у секретаря отметился. С тем и уехал.

А в понедельник Нина со школьниками пошли искать катакомбы и следы боевой славы по Новоаркадийскому спуску. Те, кто знает город, понимают, что экскурсия должна была пройти мимо гостиницы «Юность», там одесская киностудия часто бронировала места для приезжих актеров. Только они прошли гостиницу, как возле входа остановилась Митина машина, и из нее выпорхнула входившая в моду молодая актриса кино Балеева, Митя недавно брал у нее интервью, было в газете. «Балеева, Балеева», - загалдели ученики, узнали.

Хорошо, что муж не баловал ее школу посещениями, потому спектакль продолжался. Митя увлекся, по сторонам не смотрел, галантно приобнял Балееву за плечи и подвел ко входу. Но все это было бы полбеды – на ступеньках он игриво шлепнул ее по изящной артистической ягодице. Актриса запротестовала, но смеясь. А Митя еще погладил и даже ущипнул... Вопросов больше не оставалось. Дети шли дальше, Нина за ними.

Я прерываю повествование, до следующего обеда, когда должен был явиться «командировочный». За это время Нина сначала отправила Свету к бабе Вале, отдраила всю квартиру, почистила и без того блестящую посуду, вытрусил ковры, выстирала белье, промыла парадную девятиэтажки сверху донизу. Свете сказала, что болит голова, а усталость помогла немного поспать. К счастью, назавтра у Нины уроков не было.

Она надеялась объясниться с бывшим мужем до возвращения Светы из школы. Не получилось. Митя зашел почти сразу же за ней. И Нина бы сдержалась, она оберегала дочь, но ничего не подозревающий изменник, стал жаловаться, что он очень устал и заработался (!), что вид у него помятый (правда, был помятый) и что он по своим девочкам ужасно истосковался. А в завершение полез к Нине с поцелуями. Сколько мог выдержать человек в такой ситуации?!

Нина размахнулась и вlepила такую затрещину, от которой он не устоял на ногах и свалился на диван. Голосом на две октавы ниже обычного она объяснила, что он подонок, козел, а блядун было одним из наиболее приличных слов, которые я могу опубликовать.

- Мотай в гостиницу «Юность», пусть тебя твоя блядь приютит.

После этих слов Митя побледнел, понял, что дело серьезное. Света стояла в дверях, ни жива, ни мертва.

Нина подняла несопротивляющегося Митю за грудки – отработанный прием – и вышвырнула из квартиры со словами:

- Чтоб твоей ноги (!!!!!) тут больше не было!

Мы с Митей будем заканчивать этот период воспоминаний. Добавить осталось не так уж много. Все последующее было прямым следствием того, что вам уже известно.

Если бы Света жила в нормальной, не слишком благополучной семье, то ссоры, сцены ревности, даже грубость в обычных пределах ее бы не поражали. Приспособилась бы и не слишком реагировала, как пропускала мимо ушей национально ориентированные реплики в школе и транспорте. Но за пятнадцать лет она привыкла к почти идеальной атмосфере любви и взаимоуважения во всех своих трех семействах. Это был оазис, оплот, и он помогал ей справляться с окружающей непростой жизнью. И вот оказалось, что многое, во что она верила, было просто-напросто бутафорией, а ее первая любовь окончилась ужасным разочарованием. И со свойственным юности максимализмом Света ударилась в другую крайность – решила, что в мире есть только притворство и ложь, правду даже искать не стоит. Она не утешала Нину, не плакала вместе с ней. Только в сердцах сказала:

- Глаза бы мои на это все не глядели. Была бы русской, ушла в монастырь.

Это был первый звонок.

Она жалела мать, но неожиданная ее грубость шокировала. Она любила отца, но жалкая роль, в которой он оказался, свела его с пьедестала.

Короче, подумав – недолго, пару дней, – она вежливо, но решительно попросила разрешения после экзаменов уехать в Израиль. Подготовила содержательную речь, где доказывала, что так будет правильно, тем более, что решение принято давно. А при таких обстоятельствах лучше не тянуть и не доламывать до конца то, что уже и без того разрушено. Этот монолог с различными вариациями она произнесла перед плачущей матерью, потерявшим весь свой товарный журналистский вид отцом, перед убитыми бабушками и дедушками. Старшее поколение было в отчаянии. А в сионистке и бывшей коммунистке Серафиме Исаевной произошла борьба взглядов:

- А хорошо ли заманивать несовершеннолетних без родителей в чужую страну и там запудривать им молодые мозги? В других странах вроде это не принято.

Ответа она не нашла.

Первым сдался Митя, но при условии, что он со Светой поедет в Израиль и поможет устроиться. Потом потянулись один за одним побежденные старики. Нина держалась до последнего.

Рав Ицик проявил бурную солидарность и сионизм. Прежде всего он успокоил родителей:

- Это же все бесплатно. Если не понравится – в любой момент она может вернуться. Насильно там никого не держат.

Он не только оформил направление в город Ариэль, расположенный на оккупированных территориях, но и успел уговорить Свету, что истинной еврейке только там, на поселениях, и место. Проповедь упала на благодатную почву – девочка жаждала бурь, штормов и борьбы.

В августе Митя со Светой вылетели в Израиль.

Розенберги были в кризисе. Их встретил Марк и на машине отвез в пансионат.

Поездка по оккупированным территориям особого впечатления на Митю не произвела. Дорога как дорога, то арабские села, то еврейские поселения, вперемешку. Навстречу то машины с желтыми израильскими номерами, то с синими палестинскими. Вроде бы ничего страшного.

Условия в пансионате были хорошие, ребята и девочки в большинстве из Америки, Франции, Аргентины, наших было не слишком много, что в принципе Мите понравилось. Правда, направление этого заведения было скорей всего религиозное, многие ребята были в кипах. А сам пансионат размещался в ультраортодоксальном поселении. Впечатление от жителей было странное. В одежде преобладали черные цвета, бородатые мужчины не были похожи на современных мужчин, а женщин определенно не заботило, как они выглядят. Как будто кадры из какого-то черно-белого исторического фильма. Только детишки – как и везде - были симпатичные и улыбчивые, мальчишки – с длинными косичками перед ушами – пейсами. В общем, на его вкус слишком много странного.

Но что-либо менять было поздно.

А Израиль понравился, насколько мог за сутки разобрать Митя. Марк покатал его по Тель-Авиву и Хайфе. Это была Европа плюс экзотика.

Ночным рейсом Митя улетел в Одессу – в понедельник на работу. Он не хотел афишировать в редакции свои проблемы.

Дальше все было банально и предсказуемо. Сплошная бытовщина. Мите идти было некуда и не к кому – не к папе же с мамой? Да и Нине в четырехкомнатной квартире тоже было одиноко и неуютно. Друзья в Одессе все были Митины, родители – Красновы – тоже его. В конце концов, это было не бог весть какое неожиданное открытие, она и раньше догадывалась, что Митя ее не очень любит, правда, не думала, что до такой степени. К тому же включился еще один мощный катализатор – желание рапортовать Свете, что дома все хорошо, вдруг она возвратится.

И постепенно Нина позволила себя переубедить. Митя вернулся, сначала он спал в бывшей детской. Но потом – дело житейское, зачем добру пропадать – перебрался в спальню. Формально все восстановилось, но шрамы остались, склеить полностью так и не удалось. А самое главное – без Светы все было каким-то совсем пустым и бессмысленным.

Митя в Одессе и ее окрестностях больше не грешил, просто не хотелось.

Глава 6. Ревизия взглядов

Когда наши подбежали, Митя уже поднимался, одной рукой щупал затылок, другой отряхивал одежду, последние из «террористов», самые маленькие, уже скрывались за углом. Все происшедшее было понятно без объяснений.

- «Но не разбился, а рассмеялся», - с облегчением сказал Марк, и на всякий случай уточнил: - «Песня о буреизвестнике».

Рядом с Митей лежала доска, средних размеров. Кто-то ее поднял - не очень тяжелая, сухая.

Юрист Сулейман очень заволновался, это было ЧП, он уже ясно представлял себе заголовки в СМИ: «Очередной теракт против израильских журналистов!». Но в первую очередь, будем справедливы, его волновало здоровье Мити. Он осмотрел затылок – крови не было, но шишка росла на глазах.

- Сядь, посиди, - он оглянулся, но сидеть было негде. - Хорошо постой, главное, чтоб не было сотрясения мозга.

- Да ерунда, ну отключился на пару минут...

Это еще больше напугало гида, а заодно и руководителя от МЕРЕЦа.

- Вызову скорую помощь. Я обязан.

Несмотря на возражения пострадавшего, Сулейман позвонил в скорую.

- А кто позвал на помощь?

- Кто? Ты кричал. Орал. Благим матом. Я с трудом узнал твой голос.

Сулейман совсем расстроился.

- Ты и этого не помнишь? Ай-ай-ай! Как нехорошо, – он посмотрел на часы. - Почему они не едут?

Медицина не приехала, а прибежала – два санитары с каталкой, ведь в эту зону нельзя было заезжать даже скорой помощи. Потом сопротивляющегося Митю уложили и протрясли метров сто до машины – лучше бы он шел. Марк поехал с ним в больницу, там Митю осмотрели, сделали анализы, посветили в глаза.

А он в это время думал о том, что долго ждать рецидива не пришлось – попытка суицида имела место. И способ тот же – провокация. Но с другой стороны, когда до дела дошло, он заорал, как сказал Марк, благим матом. Значит, жить хотелось. Может, не все так безнадежно?

Очередной самоанализ прервала арабская медицина. По их мнению, он отделался легким испугом, но на всякий случай взяли с него подписку. И отпустили. Потом страдальца с забинтованной головой и сопровождающего его Марка отвезли на встречу с русско-палестинской общественностью. При входе в здание Митя снял и выбросил бесполезную повязку. Эксцесс благополучно завершился.

Встретили Митю сочувственными вопросами, он отвечал, что это все мелочи и ерунда, ну шишка выскочила – так, в сущности, и было.

Принимающая сторона тоже была немногочисленна, человек пятнадцать. Хотя нет, точнее шестнадцать, потому что они были парами. Женщины наши, в основном из Москвы, Подмосковья и Петербурга, одна из Киева. Нормальные интеллигентные и симпатичные женщины, возраста примерно от тридцати до сорока. Видно было, что они не бедные, одеты со вкусом, две были в брюках, что свидетельствовало об их независимости. Только одна была, как сказал Марк, в исламском прикиде. Она сразу заявила, с ноткой вызова, что приняла ислам. Хотя это можно было и не объяснять, никто ничего против ислама не имел.

Их мужья тоже выглядели вполне успешными, скорей всего – позавидовал Митя – высшее образование на Западном берегу в цене. У мужчин в основном был неплохой русский. В общем, компания подобралась вполне приличная. Подобный состав, в таком количестве и качестве среди репатриантов в Израиле собрать, конечно, можно, но не так просто...

Их ждал неплохой обед, правда, напрасно Марк с надеждой поглядывал на запотевшие графины – там был какой-то напиток. Во время обеда – по восточному обычаю - серьезных разговоров не было, больше воспоминаний о счастливых днях молодости, проведенных в Советском Союзе. Кое-кто из палестинцев застал и ельцинский период. После еды убрали со стола, и начался обмен мнениями. Больше говорили хозяева.

Встреча эта произвела на Митю большое, очень большое впечатление. Я прежде писал, что с палестинцами он еще не встречался, но это не совсем так. Формально он один раз присутствовал на дискуссии, хотя в разговоры не вступал. Но там основным было не желание понять друг друга, а стремление доказать, что противник не прав. И как в таких случаях и бывает, все сводилось к взаимным обвинениям. Патриотически настроенные израильтяне и агрессивно обиженные палестинцы задавали тон.

Здесь было все иначе. Хозяева к израильтянам отнеслись с явной симпатией, они понимали, что это их единомышленники, во всяком случае, люди, по мере сил борющиеся за справедливое решение палестинской проблемы. А такая позиция при подавляющем примате в Израиле идей национального лагеря – было понятно – требовала определенного мужества. (К счастью, «творчество» Мити им не было знакомо.) В такой атмосфере приязни люди понимают друг друга не только на уровне фактов, но и на уровне чувств, которые могут сказать больше, чем любые цифры, данные и даже телекартинки, которые уже давно приучили нас ни на что всерьез не реагировать.

Митя понял, что главная их боль и проблема не чувство голода, страха, ожидания применения силы и насилия, которое время от времени происходит на Ближнем Востоке. Нет, хозяева встречи с завидным единодушием говорили, что основное, самое болезненное - это унижение, которое испытывает каждый палестинец много лет, с этим чувством они родились, с этим чувством живут без малейшей надежды, что положение когда-нибудь изменится. Унижение человеческого достоинства палестинцев - главная болевая точка арабско-израильского конфликта. Митя (и не он один) никогда не смотрел на ситуацию с такой точки зрения. С главным лозунгом национального лагеря – арабы понимают только силу – такая позиция не вязалась.

Начать стоит с того, во что Митя не верил – палестинцам нужно получить разрешение, чтобы пересечь границы автономии. И все – я обращаю внимание на это – все палестинские члены общины, то есть мужья русских жен, были практически «невыездными», а председатель Сулейман в особенности. При желании выехать хотя бы на время нужно было подавать в «компетентные органы» - у Мити мороз по коже от воспоминаний уже далеких лет - официальную просьбу. И получали ответ – как и мы когда-то - «да» или «нет», без объяснения причин. Как правило, «нет». Возможно, их считали недостаточно лояльными.

А жены с русским паспортом могли пересекать эту нигде ни в одном документе официально не зафиксированную (то есть не существующую по закону) границу. Но бывало, не всякий раз, но бывало, особенно когда в переходе стояли «русские» солдаты, женщины подвергались насмешкам, а иной раз и оскорблениям. Одна из жен, крупная русская

женщина, из тех, кто коня на скаку остановит, рассказала, что, когда ей однажды солдат, очень славянской внешности, сказал: «Арабская подстилка», она ответила ему: «А твоя мать еврейская подстилка». Их с трудом разняли, спасли парня, он был хлипкий, она бы его там прибила.

Сулейман девять раз подавал просьбу о временном выезде – «нет!». Жена его не так давно заболела, случай был не простой, понадобилось лечь в больницу Иерусалима на две недели. Нужно сказать, добавил Сулейман, в медицинской помощи они не отказывают, хотя не бесплатно. Но навестить жену ему разрешения не дали. «Нет».

А бесконечные обыски при переходе из зоны в зону.

Кто-то из израильтян сказал:

- У нас тоже проверяют вещи везде. На входе в магазины, организации... Борьба с террористами.

Видно было, что он хотел сказать – вашими террористами. Удержался.

Сулейман довольно сдержанно ответил:

- У вас это делают свои. А у нас вооруженные солдаты соседнего государства, которые себя чувствуют хозяевами. И, между прочим, хозяевами по существу и являются. Проверка и допрос на блокпосте – куда, зачем, к кому идете, обыск - совсем другое дело. И у нас нет прав протестовать. Так происходит регулярно. Понимаете разницу? А неделю тому ко мне в фирму пришли солдаты, - продолжал он, – потребовали списки общины, перерыли документацию, все разбросали, конечно, назад не положили. «Кто вам платит за антиизраильскую деятельность?» Как на это ответить?

Руководитель из МЕРЕЦа сказал со вздохом:

- У нас тоже недавно была проверка бухгалтерии – а какие деньги и какой стране мы продаем родное еврейское правительство. Мы тоже иностранные агенты.

- У вас были солдаты оккупационной армии, с автоматами и в касках?

- Нет.

- Поверьте, совсем другое поведение и совсем другие чувства.

Сулейман подвел итог:

- Можно привыкнуть ко многому. К бедности, к тому, что нет своей таможни, нет своих границ, что бизнес зависит от того, кого и что пропустит Израиль. Что на оккупированной территории нет и не может быть ни инвестиций, ни серьезного бизнеса. Даже можно свыкнуться с тем, что мы во многом живем на подачки из-за границы. Но к ежедневному унижению привыкнуть нельзя. Не мне вам рассказывать; те, кто постарше, в Советском Союзе через это прошли.

Митя подумал: «Да, прошли. Но мы привыкли, смирились и только чесали языками на кухнях. Нас освободили сверху. Может быть, поэтому многие наши репатрианты не понимают, почему арабы не сидят тихо».

А врач, который был постарше своих сотоварищей, повысил градус:

- Если откровенно сказать, не сдерживаясь, мы живем в большой тюрьме, и это понимаем. На границе стена или солдаты Израиля, Палестина разделена на зоны – камеры, и везде ходят надзиратели с автоматами. Здесь же армия с пушками и танками. И с объяснением, что это не оккупация. Вот данные ООН.

И он прочел с заранее подготовленного листа:

- «На территории Иудеи и Самарии существуют 65 блокпостов, 464 земляные насыпи, блокирующие дороги между палестинскими городами, 58 канав и 95 бетонных

заграждений». И километры колючей проволоки. Не территория, а какой-то полигон. Так и живем мы десятки лет.

Сулейман продолжил:

- Доктор, может быть, нарисовал мрачную картину, но такова действительность. Добавить можно одно – поселенцы тоже живут за колючей проволокой. Вот такая совершенно ненормальная реальность. Как долго это может продолжаться? Вы знаете, что мы входим в блок общественных организаций, поддерживающих ФАТХ и идею государства в границах 48 года?

Митя не знал, но догадывался.

Одна из израильтянок, немолодая женщина, думая, наверно, о своих детях и внуках, не очень уверенно спросила:

- А как тогда бороться с террором?

- Ну да, цель оправдывает средства, - мрачно ответил врач.

Израильтянка немного смутилась, но продолжила:

- А вот другие страны приводят в пример Израиль, когда говорят об успешной борьбе с террором.

- Прежде всего, не все страны, а тоталитарные, которые сами привыкли не церемониться. Запад политику на территориях в пример не ставит. Эта политика и поселения для них камень преткновения в отношениях с Израилем. Все демократии возмущены этим.

- А разве есть другой способ борьбы с террористами?

- Способы могут быть разные. Кроме одного – того, который применяет Израиль. Этот способ недопустим, намного хуже, чем просто недопустим, - он явно хотел сказать что-то вроде «преступный», но в свою очередь тоже сдержался. – Нужно решать проблему, а не пользоваться только силой. Насилие так или иначе рождает насилие. Начнем с самого главного – нельзя держать целый народ в оккупации, – доктор начал горячиться. – Лишать народ гражданских прав. Почти полвека. После распада колоний такого примера нет в современной истории. Миллионы без гражданства, без государства, без своей земли. Где это видано?

Женщина все так же застенчиво продолжала допытываться:

- Почему без земли? И потом, Израиль отрицает оккупацию.

- А это я вам как юрист объясню, - вступил Сулейман. - Вы знаете, как Израиль официально объясняет, что это не оккупация? Тем, что речь идет о спорной территории. Это официальное объяснение: Западный берег реки Иордан - спорная территория, поэтому там присутствие войск и поселения, не оккупация.

- Да, - кивнула одна журналистка-международник. – Палестина до войны 67 года не была государством и формально не входила...

- Входила, не входила... Не об этом речь, оставим пока казуистику. Де факто - Израиль сорок три года с кем-то спорит о земле, на которой мы живем и которая ему не принадлежит. Не знаю, с кем он спорит. Вы знаете? И я не знаю. Наверно, с теми, кто не уверен, что Господь Бог завещал евреям Западный берег реки Иордан, что это завещание документально оформлено и является юридическим основанием. А пока, не дожидаясь результатов спора, Израиль, с разрешения командующего Центральным военным округом, уже отрезал третью часть спорной земли и раздал ее своим поселенцам. То есть забрал. А поселения разбросал по всей территории. Для чего – неужели не понятно? И на остальной части хозяйничает как дома. Палестинский народ...

Сулейман неожиданно остановился и даже как-то обиженно закончил:

- Правда, многие евреи считают, что мы не народ. Странно, вас ведь тоже народом не считали. С легкой руки Сталина. И кстати, потому, что у вас своей территории не было, такой, какую вы у нас хотите отобрать. Вот такая аналогия...

Наступила неловкая пауза. Не все получалось тихо-мирно, слишком много проблем...

- Ну хорошо, - Марк решил поменять тему, - и что же по-вашему будет дальше?

- Я скажу вам, что будет дальше, - ответил пессимистически настроенный доктор. – Нетаньяху или кто-то другой станет то начинать, то прекращать якобы переговоры. По-прежнему будет напряжение пополам с войной. А еще через несколько лет – пять, шесть, семь – будет миллион поселенцев, и от палестинских территорий останутся... как это по-русски...кусочки... есть такое одеяло...

- Лоскутки, - кто-то из женщин подсказал.

– Да, из них можно сшить одеяло, но не страну. Говорить о палестинском государстве перестанут, даже оптимисты поймут, что это нереально. Тогда напряжение вырвется на волю, и то, что произошло в Газе, покажется мелочью. Изнутри прорвет нарыв, или снаружи вскроют, не знаю. Но будет много гноя и крови, чтобы это предвидеть, не нужно быть врачом. И вам это покажется удивительным, но сегодня большинство палестинцев, по большому счету, союзники евреев. Нам, как и вам, не нужно усиление фундаментализма и террористы-фанатики, этой чумы нашего века. Но незаконные, я бы сказал вызывающе незаконные действия государства Израиль, оккупация и наше многолетнее бесправие приводят к усилению исламизма и у нас, и вокруг нас. Это опасно для всех, для всего района. И без того на нашем Востоке проблем хватает. Почему Израиль не понимает, что скоро будет поздно?

Марк тоже впал в пессимизм и пошел еще дальше мрачного доктора.

- Я даже боюсь, что точку невозврата мы уже прошли. «Можно брать города и выигрывать сражения, но нельзя победить целый народ».

Все с уважением на него посмотрели. Марк покраснел и признался:

- Это не я сказал. Это Бернард Шоу.

Итак, встреча прошла в теплой и дружеской обстановке. Но участники ни к каким выводам, как обычно бывает в диалоге израильтян и палестинцев, не пришли, потому что реального выхода ни те, ни другие не видели. И большинство членов израильской делегации возвращались домой... пристыженными; пожалуй, так можно определить их настроение. Не были исключением и наши друзья.

А Митя воистину был мрачнее тучи, оснований для этого у него хватало. Прежде всего очевидная попытка суицида. То, что она была несерьезной и даже немного комичной – ребятишки вряд ли решились бы его убить, да и группа была неподалеку, – не отменяло самого опасного. В этот момент, как и на берегу, у него в мозгу что-то щелкнуло – так он для себя формулировал – и заклинило. Он своими поступками уже не управлял, а это самый серьезный признак отклонений психики. Слово «отклонения» Митя применил, потому что не хотел дать более жесткую, но справедливую характеристику своему состоянию. Если появлялись моменты полной потери управления, то... Понятно, что это означает. И один Бог знает, к каким последствиям для него, а может быть, и для других это приведет. Неужели ему не удастся справиться самому, без помощи медицины? Очень похоже...

К этому добавлялась неподъемная тяжесть – он ее буквально физически ощущал – от всего увиденного и услышанного в Хевроне. Конечно, было над чем задуматься и от чего расстроится, но такая чрезмерная реакция тоже свидетельствовала о его неадекватном состоянии. Он вспоминал горящие глаза детей, которые свою ненависть к евреям впитали с молоком матери. Что же говорить о взрослых? Как можно спокойно жить в этой атмосфере, заряженной враждебностью? Безусловно, он стал болезненно – именно болезненно – чувствителен ко всяким проявлениям агрессивности. Но и на человека нормального, не такого как он – Митя с солидной долей самоиронии ухмыльнулся – это тоже не может не действовать. Конечно, если человек не чурбан...

И дело вовсе не в злобности и природной жестокости палестинцев – Митя видел, какими доброжелательными и по-восточному гостеприимными они были, когда считали их туристами из России. Нет, это была ненависть – вполне подходящее определение – к государству Израиль. Не к евреям вообще – так хотелось думать, – а именно к государству и его политике. Впрочем, евреям тоже доставалось. И не без основания, Митя нехотя был вынужден это признать.

Теперь его неуверенность в собственной судьбе каким-то образом органично влилась в страх за судьбу всего региона. Допустим, о себе он не слишком волновался, бог с ним, потеря небольшая. Но Света с ее детьми – он так и не научился называть их внуками, Нина, Татьяна с Шуриком, Марк. И все вокруг, готовое взорваться – он это ясно чувствовал – в любой момент. Да, его переживания гипертрофированы, он это признавал, а справиться с собой не мог. Нервное напряжение усиливалось, несмотря на все попытки расслабиться и привести себя в норму. Но, может быть, именно такой должна быть нормальная реакция людей на то, что происходит и может произойти? Может, это общество лишилось инстинкта самосохранения и ведет себя неадекватно?

Митя испугался, что еще секунда, и он попросит остановить автобус, выскочит на дорогу. Это было близко к истерике.

Марк проявил интуицию, а может, это было совпадением. Он толкнул Митю локтем в бок и этим вернул в реальность.

- Друг любезный, конец света еще не наступил. Очнись.

Митя сделал над собой усилие, ответил почти нормальным голосом и даже попробовал улыбнуться.

- Дата еще не назначена, но нас официально предупредили, что это неизбежно.

Кажется, туман в голове начал рассеиваться.

- Я смотрю, ревизия состоялась.

- В основном да, - Митя постарался полностью переключиться на тему. Это помогало обрести равновесие. – Я и раньше многое понимал, но лучше один раз увидеть...

- Интересно, что нового ты увидел, - довольно ехидно спросил Марк.

- Во-первых, понял, чем нас успешно пытались охмурить и чем я тоже охмурял других. Поселения никакого отношения к борьбе с террором не имеют, разве что служат дополнительным, а часто и основным стимулом для террористов. Это типичная, но очень результативная демагогия, и она крепко засела в подсознании «патриотов» и обычных людей, которые испытывают дискомфорт от слова «оккупация». Попытка оправдаться. И еще я понял...

- Ну, ну? – опять подтолкнул его в бок Марк.

- Что вы оба правы. Ты и твой бывший председатель МЕРЕЦа Йоси Сарид.

- Как это, как это?

- Ты был прав, когда сказал, что мы уже прошли точку невозврата. Полмиллиона поселенцев сидят крепко. А Сарид был прав, когда сказал обо всей этой ситуации – «ни проглотить, ни выплюнуть». Сами себя загнали в угол, никто не заставлял. Перешли границу допустимого. Сваливаем на Бога, он нам завещал... Самим нужно было соображать.

- А ты знаешь, насчет границы допустимого... У меня есть теория.

У Марка всегда были теории, неограниченные запасы. И все радикальные, так он был устроен. Он стал темпераментно объяснять, оживленно жестикулируя. Холерик!

Теория касалась евреев как нации. По его мнению, в ментальности евреев кроме талантов есть одна, наверное данная Богом, черта. Они не могут вовремя остановиться. Переходят допустимую черту. Говорят – русский характер. А это еврейский характер. Так было, энергично доказывал Марк, испокон веков.

- Смотри, евреи приходят в страну, толковые ребята, их ценят, и все хорошо. Потом их заносит, они не могут остановиться, переходят разумные границы – и в результате изгнание. Потом в следующей стране та же картина. И в следующей. Другого объяснения этих событий под копирку я не вижу. И сейчас нас занесло сначала в Синай с поселениями, потом в Голаны, потом в Ливан, немножко в Иорданию. Пока, слава богу, обходилось. Так нет, полезли в самую гущу арабов, в муравейник – на Западный берег и Газу. Теперь не выберемся. Вот он, еврейский характер.

Митя улыбнулся. Конечно, максималист, но что-то в этом есть. Он полностью пришел в себя и решил внести свое – тоже радикальное – предложение.

- А мне кажется выход только один. Не сейчас, а когда все поймут, что другого варианта нет.

- Ну, ну?

- Логика жизни. Все очень просто, это политики и наша братия, им подыгрывающая, громоздят одно на другое, чтобы все запутать.

Митя только на днях беседовал на эти темы с Манаса.

- Так что просто?

- Отделить поселенцев от арабов Иудеи и Самарии уже невозможно?

- Абсолютно, сто процентов. Здесь на территориях не только поселения, здесь наши города. Ты видел в Хевроне - внутри поселение, впритык Кирьят-Арба. И так везде. И с каждым днем их будет больше. Отделить – полный бред, если только Бог не сотворит для ортодоксов чуда с арабами, как в Египте с младенцами.

- Остряк! А раз нельзя отделить, значит должны быть одинаковые права. Одинаковые документы, только фотокарточки разные. Мы в двадцать первом веке. На одной и той же территории два государства быть не могут, до такого люди еще не додумались.

- Не понял, чьи права?

- Одного государства. У нас уже опыт есть. На севере арабов больше, чем евреев, и живем нормально, потому что они наши граждане. Граждане! А если бы не палестинские проблемы и не наш еврейский характер, то жили бы совсем хорошо. Во всяком случае, арабы от нас уходить не хотят, это точно. Палкой не выгонишь.

- Ты к чему ведешь? – хотя, кажется, Марк догадался к чему.

- Будет только один конец – либо чей-то геноцид, либо палестинцам нужно дать гражданство. Нормальное, как нашим арабам.

- И право голоса?

- А как же. В этом суть.

- Ха! Были такие предложения слева. Евреи тогда не будут большинством, и государство не будет еврейским. Будет двунациональным. Евреи на такое не пойдут. Никогда.

- Раньше нужно было думать. Оно и так двунациональное, раз так круто перемешались. Просто сейчас часть населения бесправна. Не нужно было глотать... то, что плохо лежит. И то, что потом нельзя выплюнуть.

- И арабы скорее удавятся. Особенно их власти.

- Теперь нет других вариантов, даже теоретически. Поймут, что нет другого выхода, но - как доктор сказал...

- Я помню, через гной и кровь. А Газа?

- Отрезанный ломоть. С ней все. Сейчас не о ней речь. Мало ли вокруг арабов – Ливан, Сирия, теперь будет и Газа.

Марк посмотрел на Митю с удивлением:

- Полная смена декораций. За один день. Из националиста в либералы. С чего вдруг?

- Ну, кое о чем я и раньше догадывался...

- Так ты врал всем? С высокой трибуны?

- Марк, пропаганда дело заразное. Для тех, кто слушает и читает, и для тех, кто говорит и пишет. Поток увлекает. Думаешь – все в ногу, почему я должен быть рыжим...

- ...и терять работу?

Митя покраснел, промолчал. Потом добавил:

- Есть еще причина. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

- Какое несчастье? – Марк посмотрел с подозрением. - Ты какой-то невеселый последнее время...

- Нет, просто поговорка. А невеселый... нет повода, жаль, что пока суть да дело будут продолжать гибнуть невинные люди, мирные жители. С обеих сторон.

В ответ Марк разразился очередной теорией. Он с пеной у рта утверждал, что невинные мирные жители бывают только при диктатуре – там их никто не спрашивает. А при демократии мирные жители большинством выбирают правительство, которое соответствует их взглядам. Поэтому правительство и войска только исполнители, а заказчик именно мирные жители. Какие же они невинные? В любом суде заказчик несет не меньшую, а даже большую ответственность, чем исполнитель. Мирные жители выбрали Нетаньяху, знали, что он с территорий не уйдет и договора не заключит. Он исполнитель, а большинство населения – заказчики.

Митя вполуха слушал его разглагольствования. Своих проблем хватало. С работой нужно что-то решать. Нине рассказывать ни о чем не стоит, пока он не поговорит с редактором, будет слишком много шума. Но прежде нужно все хорошенько продумать, время до очередной статьи пока есть. Может, что-то поискать... На том и остановился.

Но на обдумывание у Мити времени не оказалось. В пятницу утром прозвенел телефон. Сам редактор. Лично.

- Читал сегодняшний номер «Вестей»?

Газета «Вести» была их главным конкурентом.

- Почитай, на второй странице. И к двенадцати часам будь у меня.

На второй странице была статья «Попытка теракта в Хевроне». С фамилией и местом работы пострадавшего. Журналистка-международник продала его с потрохами. Он облегчил душу нелицеприятной тирадой в ее адрес и с разлету добавил: «Какая нелегкая занесла меня в эту чертову эмиграцию?!»

Здравствуй, Израиль!
(Машина времени)

Света звонила не часто – раз в две недели. У нее был мобильный телефон, а обычный городской стоял где-то в коридоре один на всю группу. Звонить на мобильный из Одессы было очень дорогим удовольствием, из Израиля с мобильного тоже накладно для девочки на пансионе. Поэтому связь была практически односторонняя - когда Свете было удобно и она могла воспользоваться городским телефоном. И только если происходила какая-нибудь задержка, родители набирали ее по мобильному. Бытие определяет сознание - повторяю я вслед за классиком марксизма.

Девочка определенно была довольна и очень быстро привыкала к новым условиям. Еврей, еврейка – эти слова совершенно утратили негативный оттенок. А вместе с этим почти сразу же она перестала комплексовать по поводу своей внешности, которая здесь действительно оказалась достаточно распространенной. Правильно советовал в Одессе не оценивший ее достоинства парень. И Света почувствовала себя уверенно. Во-первых, почти все были смуглые и черноволосые, во-вторых, девочки в группе были в меньшинстве, и в-третьих, она была умнее многих, а это не скроешь.

Митя попросил Шурика и Марка звонить ей, навещать, когда будет возможность, что они и делали. То есть девочка не чувствовала себя одинокой, а за границей, в другой разговорной и ментальной среде это очень важно. Все было хорошо, кроме одного – надежда, что Света вернется, таяла с каждым днем.

Мало того появилась на горизонте еще одна, неожиданная и на взгляд Мити и Нины очень серьезная неприятность – девочку постепенно увлекал не просто иудаизм, а иудаизм религиозный и даже ортодоксальный. Едва ли не ультраортодоксальный – Митя тогда еще слабо в этих нюансах разбирался. Когда она приехала на каникулы, то просила не смешивать молочное с мясным, свинина у нее – якобы – плохо переваривалась. У них в пансионате питание было кошерным, и она к этому привыкла. Опытная и мудрая Серафима Исаевна как вводу смотрела – детские мозги очень легко запудрить. Тем более, что неожиданно навалившиеся на ее плечи проблемы и разочарования подталкивали в этом направлении, почва для внушений была благодатная.

Все дружно в Одессе и Полтаве пытались бороться, но времени было мало, да и силы оказались не равны. Антираелигиозная пропаганда родственников на Свету мало действовала, тем более, что и в Украине вера прочно вошла в моду.

- А чем евреи хуже?

- Я не говорю, что хуже, но ортодоксы – это образ жизни, а не только вера. Извини, но и образ жизни какой-то допотопный.

- Древний.

- А разве это не одно и то же? Мы тебя не уберегли, а может, не подготовили... Ты испугалась реальной жизни, непростой, временами тяжелой, и хочешь укрыться в этом, - он подыскивал слово, - дошедшем до нас реликте.

Света в дискуссию не вступала, но читала какие-то книги на иврите, скорее всего религиозного содержания.

Плохо дело...

На следующий год через Марка до них дошли совсем неприятные вести – она собирается принять гиюр. Родители перепугались – они теряли дочь, теряли морально. И, к сожалению, все подтвердилось – Света приняла гиюр, стала Орой и получила израильское гражданство.

- Если бы не твои гастроли, этого всего бы не было, – Нина переживала больше всех.

- Твои выступления были еще эффектнее...

Постепенно сфера их интересов переместилась в Израиль. Физически они были в Одессе, а душой и мыслями в Ариэле. Их терзали сомнения – может, еще можно что-то исправить? Пока не поздно. Затем стали невольно появляться мысли о репатриации в Израиль. Не надолго, не навсегда. Нет, правильнее будет назвать это переездом, потому что мотивов, заключенных в слове репатриация, у них не было. Может быть, если бы в семье стало теплее, или общения больше, они бы не решились...

Инициатором была Нина. Конечно, в первую очередь любовь к дочери и опасение за нее. Но кроме того ей ужасно надоела школа, проблемы, однообразие жизни. Она жаждала перемен. Пусть хуже, пусть лучше – главное, чтобы иначе.

Мите тоже терять особенно было нечего. Правда, при Кучме увеличился ВВП, но это лично до него не дошло. А вот у журналистов было мрачновато – разыгрывалась история с президентом и убитым Гонгадзе, потом поднялось движение «Украина без Кучмы». Опять приближалось очередное смутное время. Газета, в которой работал Митя, поддерживала всякий сброд, мнения выпускающего редактора никто не спрашивал, да и он сам уже не понимал, есть у него это самое мнение или атрофировалось за ненадобностью...

А из Израиля тем временем поступали сведения, одно тревожней другого. Света, как настоящая патриотка, решила, что через год пойдет в армию. Этого Нина перенести не могла, и объявила – с Митей или без него она едет в Израиль. Митя не очень испугался, догадывался, что Нина без него жить просто не привыкла, не знает, как это делается. Но тут до них дошли уже совсем невероятные новости.

Они знали – как любил повторять Митя, – что в Израиле «ксендзы охмуряют Козлевича», в смысле раввины Свету. Но не знали, что там появился главный ксендз, который не только хотел ее душу, но и тело. После окончания школы нормальные ученики должны были идти в армию или в институт. Но для девочек-ортодоксов делалось исключение – они могли сослаться на религиозные убеждения и в армию не пойти. Хотя, как правило, все решалось проще – к этому времени большинство верующих девиц выходили замуж, многие даже не дожидались необходимых по закону 17 лет. И Татьяна сообщила Нине, что именно этот вариант сейчас рассматривает Света. А ксендзом, как выяснилось, был ее преподаватель, уважаемый раввин тридцати лет, окончивший Ариэльский университет, репатриант из Америки Натан Циммерман. Митя как-то летал в Израиль, познакомился в числе прочих преподавателей с Циммерманом, и он ему не очень понравился. Полноват, невысок, весь зарос бородой и пейсами. Мите тогда даже в голову не пришло рассматривать его как кандидата в зятя, тем более, что Света была для него по-прежнему девочкой.

Нет, выхода определенно не было. Митя с Ниной форсировали изучение иврита, которым на всякий случай довольно усердно занимались уже год, и весной 2003 года прибыли в Хайфу. Способный Митя в результате упорных трудов знал иврит на уровне среднего израильянина, а может даже лучше – в стране эмигрантов это было не трудно.

Нина, естественно, была послабее, но это ее не смущало. Она преобразилась и, эти изменения начались еще в Одессе, сразу после решения о переезде. Всю накопленную за время однообразной жизни потенциальную энергию она превратила в кинетическую. Сама, без Митиной помощи выяснила все, что нужно для выезда, собрала все доступные сведения о приеме репатриантов в Израиле. Наметила план, для проформы ознакомив с ним мужа, - они едут в гости к дочери и сохраняют украинское гражданство. Там оформят израильское – многие так поступают. Нашла знакомую семью с аккуратной (лично проверила) хозяйкой, сдала им квартиру (не дешево, с авансом за полгода), оформила право подписи на Серафиму Исаевну. Собрала необходимый минимум вещей - и еще тьма неизбежных работ. Митя ей не очень помогал, он оказался не в форме, пожалуй, впервые в жизни почувствовал заторможенность.

- Кажется, мы поменялись местами.

- Это как?

- У нас новый глава семьи.

- Но кому-то нужно всем этим заниматься...

Нина по скайпу попросила ребят в Хайфе найти им большую, как минимум трехкомнатную квартиру для съема, надеясь, что после экзаменов Света переедет жить к ним. Там просьбу выполнили, хотя некоторая неуверенность хайфчан была заметна.

В аэропорту их встречали все – Татьяна с Шуриком, Марик со своей второй – или третьей – подругой, которая, как обычно, была лет на десять моложе и килограмм на десять крупнее его, и Света, у которой хватило такта не испытывать родителей на прочность и не привозить в аэропорт своего жениха. Нина была наверху блаженства, а Митя... Но давайте все-таки сначала о Нине. Поехали в их новую квартиру, расположенную примерно в том же районе, где они будут жить, когда все утрясется. Там их ждал накрытый друзьями стол для торжественной встречи. И хотя стерильность нового жилья типичной израильской четырехэтажки минимум тридцатилетнего возраста у Нины вызвала сомнение, но это были временные трудности. А вокруг на улицах и возле дома была весна в сопровождении экзотических растений невиданной окраски и пока не выгоревшей травы. И Света была рядом. Нина на окружающий новый мир смотрела такими же удивленными глазами, как в прежние времена на Митю.

На следующий день Света уехала, в гости к себе не звала – у нее начинались экзамены и было много забот.

Следующий месяц прошел для Нины прекрасно. Хватило суток, чтобы привести жилье в более-менее приличное состояние, а потом она стала активно вживаться в новую обстановку. Ходила по улицам, магазинам, себя и Митю записала в ульпан по изучению иврита. Ему там делать было нечего, и он продержался недолго, а Нина ходила, она жаждала общения. Но освободившая в ней энергия требовала выхода, и почти сразу же она устроилась на уборку – на иврите «никайон» - в большое многоэтажное здание. Ей достался отдел, о котором вы уже знаете - защиты прав потребителя. Уборка для Нины никогда не была неприятной обязанностью, в этом она толк знала, и, несмотря на привычное высокомерное отношение израильтянок к новым эмигрантам особенно к «русским», довольно быстро наладила с ними контакт. Она приходила раньше, чем ей было положено, когда все еще работали, то есть пили последнюю чашку кофе с неспешными разговорами, приносила сладости к столу, заваривала отличный кофе, безропотно мыла чашки, была сдержана, не болтлива, но и – с другой стороны - не выглядела услужливой, для этого она все-таки была слишком

вальяжной. Это сочетание достоинства и трудолюбия нравилось, оценили и довольно приличный для новой репатриантки иврит. И вскоре стали считать своей. Нина очень быстро поменяла украинский гардероб на израильский, стала – как там принято – злоупотреблять духами, изменила прическу и быстро добилась того, что с трудом дается новым эмигрантам – с ней на улицах заговаривали на иврите, принимали за свою. К удивлению Мити, она уверенно вписывалась в окружающую среду.

Конечно, все это произошло не сразу, не мгновенно, но довольно быстро. И было еще одно обстоятельство, которое помогло ей почувствовать себя настоящей израильтянкой, но об этом я расскажу немного позже.

Теперь дошла очередь и до Мити. Он пребывал по-прежнему в неопределенном и подвешенном состоянии. Я еще упоминал о заторможенности. Могу добавить сомнения и колебания, попытки самоанализа – то есть те черты, которые ему были в принципе не свойственны. Он обычно гораздо легче шел по избранному или предлагаемому обстоятельствами пути. И эти перемены тоже начались еще в Одессе, после решения об отъезде в Израиль.

Нужно признать, что подумать было о чем. Митя никогда никем кроме журналиста не работал, кратковременное безделье в НИИ – если вы еще помните этот период – не стоит учитывать. Поменять профессию было бы не плохо, но на что? Он ничего другого не умеет. От ребят он знал, что устроиться на хорошую, прилично оплачиваемую работу в Израиле без знакомства трудно. А в журналистике в солидном издании практически невозможно. Большое количество грамотных репатриантов создают мощный подпор рабочей силы, позволяют снизить зарплату почти до нуля и повысить требования до максимума. Шурик предлагал помочь устроиться в автопарк, шофером, но это новые права, медицинская комиссия. И комплексы, комплексы...

Была еще одна проблема, о которой Митя не мог никому рассказать. Ни с кем не мог поделиться. И она – хоть это выглядело глупо – беспокоила его не меньше, чем грядущие серьезные и основательные трудности вживания в новые условия. Как он встретится с Шуриком и Татьяной? Как будет регулярно общаться с ними? Разговоры по скайпу, который у него появился уже пару лет, все-таки навели мосты. Но одно дело короткий разговор, глядя в маленький и не слишком четкий экран, а другое лично, пожимать руку, смотреть в глаза, хлопать дружески по плечу. А Татьяна? За время многое выветрилось – или должно было выветриться – из души и памяти. Но то, что он столько лет живет чужой жизнью, забыть невозможно. Во многом по своей вине – за годы он себе в этом успел признаться, но и не без участия Татьяны.

Словом, это беспокойство поддерживало состояние неопределенности.

Но жизнь способна преподносить удивительные сюрпризы. Сразу же при встрече в аэропорту Тель-Авива, о которой я уже говорил, у Мити гора свалилась с плеч – он почувствовал, насколько соскучился по доброму лицу Шурика, по его голосу, по пожатию его клешни, по объятию, безусловно оставившему пару синяков на спине. И больше того, он был счастлив – просто счастлив – снова увидеть дорогое для него лицо Татьяны, дорогое в обычном, общечеловеческом понимании этого слова. Они оба были близкими и необходимыми в его жизни людьми. И это было важнее всего того, что происходило или не происходило в уже далеком прошлом. Жаль, что он так долго жил вдали от них. У Мити стало легко на душе. И Татьяна тоже судя по всему была рада встрече, хоть и проявляла это

не так пылко, как ее супруг. Через некоторое время Митя понял, что теперь она вообще сдержана в проявлении чувств. Словом, с тех пор видеть Татьяну и, конечно, Шурика стало для него жизненной необходимостью.

А Света... Он наглядеться на нее не мог. Нет, определенно вопросы «любви и дружбы» в Израиле решались на все сто процентов. Если бы еще хоть приблизительно так же можно было решить вопросы «труда и заработной платы», то переезд Митя даже был бы согласен назвать многозначительным термином «репатриация» - возвращением на родину.

Итак, первый месяц прошел прекрасно.

Со Светой они разговаривали по телефону каждый день, были в курсе ее успехов на поприще знаний – больше она ни о чем не рассказывала. А собственно, что могло быть важного во время экзаменов? Митя не спеша искал работу. Даже записался на курсы вождения автобусов, хоть это было проблематично – 47 лет достаточно критический возраст. Марк советовал подойти в редакции – Митя зашел в парочку мелких городских изданий, но там его не ждали. Они печатали в основном рекламу и изредка городские сплетни, зарплаты были грошовые. Он разослал кое-куда резюме, но ответа не получил – в Израиле отвечать не принято. Вечерами они с Ниной отправлялись на пешие прогулки, особенно туда, где были виллы и красивые растения. По субботам втянулись в общеизраильское времяпрепровождение – с друзьями выезжали на шашлыки. Нина была на седьмом небе, а Митя все-таки никак не мог поверить в реальность происходящего и продолжал находиться во взвешенном неопределенно-жизнерадостном состоянии.

Но спустя месяц каникулы, отпущенные им, подошли к концу, и реальность решительно постучалась в их жизнь.

В один – как принято говорить – прекрасный день позвонила Света, сказала, что успешно сдала экзамены и завтра приедет к ним часам к одиннадцати. Не одна!

Этого ждали и боялись. Митя как мог подготовил жену к внешнему облику жениха – внутренний мир ортодокса был и навсегда остался для него неразрешимой загадкой.

- Вот примерно такой, - показывал он на какого-нибудь невысокого, полноватого и максимально заросшего встречного в шляпе и черном лапсердаке. Нина ужасалась, но эта тренировка помогла ей встретить Натана приветливо и дружелюбно.

Мите показалось, что кандидат в зятя еще немного подзарос и чуть-чуть поправился. И еще одно открытие – у него оказались масляные глазки. Кажется, это была не просто ревность любящего отца к человеку, который хочет отобрать у родителей ребенка, скорее невольный антагонизм, уж слишком много было в нем чуждого и непонятного.

«Еще ксенофобии мне не хватало, - подумал Митя, который был всегда уверен в своей терпимости и демократичности. – Будем считать это родительской несправедливостью и попытаемся искать подходы и контакты».

Эти поиски оказались делом нелегким, хотя претендент был американцем и политес соблюдал – по мере своей ортодоксальной возможности. Скажем, Мите пожал руку, а с Ниной только раскланялся (сосуд греха?). Еще при входе он торжественно объявил, что приехал просить руки Оры – Нина даже не сразу сообразила, кто это такая, в доме обходились привычным именем Света.

Хозяйка находчиво предложила помыть руки и садиться за стол – там и поговорим. Она расстаралась, и, по мнению Мити, стол был изобильным.

- Очень хорошо, мы проголодались, - подхватила Света. Но как вскоре выяснилось, поторопилась.

Все уселись за стол, ортодоксы с одной стороны, светские напротив. Натан был, несмотря на жару, в черном костюме, правда выглядывала белая рубашка. Большую шляпу он все-таки снял, под ней была черная кипа. Света была в серенькой косынке, одежда тоже серых тонов, Митя про себя назвал весь комплект балахоном. Все это было непривычно. Но, возможно, внешние атрибуты не самое главное – убеждал себя Митя.

Нина суетилась, она достала из холодильника еще несколько блюд – в комнате было жарко, кондиционера у них не было. И в том числе выставила на середину стола тарелку с соблазнительно нарезанной роскошной ветчиной, сочной, жирной – загляденье! Аромат на всю квартиру. Натан это блюдо усек – и трудно было такое не заметить, его масляные глазки потухли. Света перепугалась. Нина знала, что это еда не кошерная, но простодушно по-одесски решила: гость не будет есть ветчину - нам больше достанется. Ан не так все просто. Ветчина стояла – и пахла – в холодильнике вперемешку с другими продуктами, а у ортодоксов даже две раковины – одна для молочного, другая для мясного. А тут свинья! В одном отсеке!

Жених скрипучим голосом сказал, что у него проблемы с желудком, и хоть все очень аппетитно, но он воздержится. Пил сок из запечатанного пакета, хлеб – с подозрением – но ел. Кстати – от маленькой рюмки водки не отказался, это единственное, что поставил ему в заслугу Митя. Больше пить не стал – я за рулем.

Все все поняли, всем – кроме Натана – было неловко. Уписывать яства на глазах у голодного человека было не по-божески. Хорошо, Света сообразила и открыла банку туны:

- Рыбу тебе можно, не повредит.

Нина расстроилась. Митя напился. Света надулась. Отличился весь ансамбль.

К счастью, жениху нужно было уезжать, чтобы в свое поселение добраться пораньше. «До террористов», - недобро подумал захмелевший будущий тесть.

Было решено, что свадьба состоится через месяц в поселении Якир, там у Натана дом. Там молодые и будут жить. Одно светлое пятно в этой встрече все-таки было – невеста еще месяц будет жить у родных, по ортодоксальным законам находиться наедине в одном здании до свадьбы им – упаси бог! – категорически запрещено.

Митя с Ниной решили, что мизерные шансы у них еще есть. Нужно до последней минуты верить в спасение. Одна беда – вера теперь у них с дочерью была разная.

Все во вновь соединившейся – правда, временно - семье по возможности избегали любых конфликтов. Родители старались не слишком допекать Свету советами еще раз все взвесить и не торопиться с решением. Но и молча ждать, чем дело кончится, тоже не могли. Время от времени разговор происходил, но коротко, не в виде нотаций.

- Молодые сейчас по много лет живут до брака вместе, и то потом едва ли не половина расходится. И мы бы с мамой тоже не сильно переживали, ну не получится у вас – разойдетесь. Но у религиозных - я читал, знаю – сразу куча детей...

- Я потому и выхожу замуж, чтобы раз и навсегда. В наших традициях это главное. Хочу, чтобы не было сюрпризов.

Митя понял, что это булыжник в его огород. Отступил.

В другой раз, уже Нина:

- Ты его любишь?

- Мама, я однажды поняла – хочу, чтобы у моих детей отцом был такой человек, как Натан. Серьезный, верующий. Надежный.

- И-не знаю. Даже если сильно любишь, и то в жизни бывает нелегко.

- Тора учит, что вера в Бога и доверие в семье основное. Все остальное – потом. Многие у нас и сейчас женятся по совету родных, не зная друг друга.

- Ужас.

- И живут счастливо. Потому что у них общее самое главное – вера, образ жизни, традиции. Потом будут дети. Что может быть важнее этого?

В следующий раз Митя и Нина в унисон советуют лучше пойти в армию, будет время подумать.

Ответ неожиданный:

- Еще два года в общаге? Я не выдержу. Три года с меня достаточно. Сил больше нет. Хочу жить в своем доме и быть себе хозяйкой.

Нина с Митей переглянулись. Бедная девочка, с пятнадцати лет одна. Без родных. Это их вина... Поэтому ответ Мити прозвучал как просьба:

- У тебя есть дом. Наш.

Света только грустно улыбнулась.

Еще через пару дней Митя решился, наконец, на критические замечания. Времени оставалось все меньше.

- Света, считается что ортодоксы, как любые крайние религиозные группы, агрессивны, с ними должно быть нелегко.

- Я там в поселении уже три года живу. Привыкла. Люди как люди.

- Ортодокс он и в Африке ортодокс. И наш еврейский ничем не лучше. Они не признают мнения других. А жизнь, дорогая моя, это компромисс...

Света повысила голос. Не выдержала:

- Они просто говорят то, что думают. И мне это нравится. Папа, я не сейчас к этому пришла. Я помню, как ты смеялся над тем, что писал в газете. Помнишь, свои статьи ты называл «басни Краснова». Читал вслух, как юмористический рассказ. Помнишь? Это называется компромиссом?

Митя покраснел.

- Такое время было. Среди ваших тоже хватает лицемеров.

Он спохватился, что сказал «тоже». Еще больше покраснел. Но все-таки продолжил:

- Света, они живут в другом времени, в выдуманном мире.

- Да, наверно. Но может, лучше жить в выдуманном мире, чем в этом ненормальном. Смотри, что вокруг творится...

Она была умной девочкой.

В конце месяца Света подвела итог:

- Папа, мама, вы не волнуйтесь. Мне там легче и спокойней. А разве это не самое главное, жить там, где тебе лучше?

На свадьбу Светы друзья отправились двумя машинами – Шурика и Марка, у Мити своей еще не было. Отправились в полном составе, включая сыновей Розенбергов. Событие было знаменательное – первая свадьба нового поколения, да еще такая необычная. Всем было интересно, всем кроме Мити. Если бы он был простым туристом на этом экзотическом мероприятии, то ему тоже, вне всякого сомнения, было бы любопытно. Но увы, он лицо не

только не постороннее, но даже непосредственно пострадавшее - любимая дочь на его глазах уходила из мира, в котором они все жили, в другой, необычный и непонятный. Искусственный – все больше убеждался Митя. Сейчас она официально и на законном основании растворялась в этом черно-белом формате, дошедшем каким-то чудом до нас из давних времен. Все это до сих пор казалось чем-то нереальным, и Митя приложил немало усилий, чтобы по возможности отключиться, благо у евреев на свадьбе можно выпивать.

В двух больших залах, соединенных открытым проемом, дружно собрались почти все жители поселения. Два зала было не случайно - к искреннему возмущению Марка, женщины и мужчины кучковались отдельно.

- Какое веселье может быть на расстоянии? Без женщин? Даже если есть спиртное. Хотя и на том спасибо, слава богу, что она не вышла за араба, и выпивки бы не было...

Марк осекся и посмотрел на Митю. А тот активно пользовался указанным преимуществом евреев. На корню заглушал сомнения и недоумение.

Аборигены в основном были хасидами. Мужчины в черных тройках и белых рубашках, в общем-то похожих на обычные мужские костюмы, но явно не из современных – возможно, такие носили в позапрошлом веке в Польше, на родине Хабада. И консервативным хасидам эту моду удалось не только сохранить, но даже приумножить и утяжелить, наверно назло жаркому климату Израиля. Некоторые были в коротких брюках, заправленных в носки, некоторые в праздничных больших мохнатых шапках.

Как были одеты женщины? В первую очередь они старались не вызывать у мужчин грешных мыслей, поэтому части тела и формы, которые могли смущать, тщательно скрывались и даже маскировались. Большинство относительно молодых женщин было беременны. А по залу металось доказательство того, что их старания не напрасны – огромное количество шумных и очень подвижных детей. Мальчики любого возраста были с пейсами, девочки, несмотря на жару, в длинных платьях с рукавами. Яркие цвета были не в моде, все ограничивалось диапазоном от черного через сероватое к белому.

Наблюдательный Марк объявил, что и остальные молодые женщины тоже беременны, просто в начальной стадии, когда это внешне еще не заметно.

- В этой шутке много правды, - согласился Митя, на мгновение отрываясь от вкусных и сладких израильских вин.

Довольно быстро он добился желаемого результата. Процесс венчания под купой еще помнил, это было красиво, помнил, что невесту Нина и мать Натана семь раз обводили вокруг жениха. А содержание речи солидного раввина с седой бородой и прической а ля Леонардо да Винчи, но помельче размером и в черном балахоне, уже не улавливал.

Потом были танцы, но в них друзья не участвовали. Хасиды считаются веселым течением иудаизма. Они убеждены, что Бог не только любит, но даже требует веселья, поэтому при любой возможности напевают простенькие ритмичные песенки, не обремененные содержанием, включают их записи в машине, слушают на ходу, прижав мобильный телефон к уху. А в танцах сам Бог велел – в прямом смысле «велел» - проявить радость жизни. И ее весь вечер проявляли мужчины, энергично двигаясь по кругу и неумоимо размахивая руками и ногами. Как у них на это сил хватало!

Марк ворчливо заметил, что этой неумоимости есть объяснение - им завтра с утра не на работу, а в ешиву. Изо дня в день по несколько часов сидеть, слегка раскачиваясь взад-вперед. Где же размяться, как не здесь? Шурик сделал попытку за них вступить, но взгляд Татьяны прекратил дискуссию.

Женщины в другом зале тоже было попытались затеять хоровод, но быстро скисли.

- Понятно, в их положении, - не унимался Марк, - и потом хозяйство на руках... Надо беречь силы.

Митя практически отключился и подробностей последующих этапов церемонии не помнил.

К концу обрядов друзья догадались, что Митя хотел бы покинуть свадьбу до торжественного момента ухода жениха и невесты для исполнения своих прямых обязанностей. Так как отец невесты нетвердо ориентировался в пространстве, то Нина с Лилей, подругой Марка, подхватили его под белы ручки и погрузили в машину. Марк был вспомогательной силой, он тоже был навеселе, да и по мощности уступал дамам. Лиля привычно села за руль.

С трудом они затолкали Митю в квартиру и уложили на койку.

- Я таким тебя никогда не видела, - вздохнула Нина.

Он приоткрыл один глаз и довольно членораздельно сказал:

- А меня таким никто никогда не видел. Но я первый раз отдаю свою дочь в гетто...

На следующий день Нина его спросила:

- Почему гетто? За что ты их так не любишь? Одна из самых уважаемых религий...

- Я что-то сказал о религии? Против свободы совести? Я против фанатиков, в том числе и этих, из ортодоксальных общин, соблюдающих традиции, как они говорят. Вокруг поселения колючая проволока. Как можно так жить? Но дело не в этом. Они снова демонстративно отделяют себя от современной жизни. Как тысячу лет назад. А это и есть гетто. Учат черт знает чему, не работают, в армии не служат. Я о таких говорю, а не о верующих. За что их любить?

Красновы долго приходили в себя. Нине это далось легче. Она вообще Израиль со всеми его особенностями принимала легче и лучше, чем Митя. И в конце концов, внуки есть внуки, с пейсами или без. Кроме того, чисто по-женски основную вину она переложила на мужа. А ему никакие варианты облегчения этой ноши в голову не приходили...

Правда, еще оставался один утешительный вариант – надежда на поступление Светы в институт. Митю убивала мысль, что дочь, безусловно толковая, даже, наверно, самая толковая в их семье, зарует свои таланты в быт – то, что он видел в религиозном поселении. В конце концов, были же исключения и среди соблюдающих традиции. Даже один ортодокс стал нобелевским лауреатом. Но в конце августа Света, точнее в данном случае Ора сообщила, что она беременна.

Финита ля... трагедия, во всяком случае, так это сознавал Митя. Он стал всерьез задумываться о возвращении в Одессу. И может быть, уехал, если бы не два, нет даже три неожиданных обстоятельства.

Первое. Самое неожиданное – Нина категорически отказалась даже говорить об этом, и Митя почувствовал, что на этот раз она решила, что переживет его отсутствие – настолько очевидно было, что ей здесь хорошо. Отлично, великолепно! Она расцвела. И даже ее природное свойство – резкий переход из действия в анабиоз - смягчился и стал почти незаметным. А тут еще произошло второе событие, и тоже невероятное. Как говорили Шурик с Марком, Нина заразилась везением от Мити, и – для новой репатриантки это можно было считать чудом – ее через два с небольшим месяца после приезда приняли в райский и бесхлопотный уголок израильской бюрократии, в тот самый отдел охраны прав потребителя.

И наконец третье - чтобы у Мити и его друзей не возникло подозрения, что талант везения просто перешел от мужа к жене, судьба предложила ему достойную замену работы водителя большегрузного транспорта на нечто более соблазнительное.

На сей раз к везению руку приложил Марк, который и в дальнейшем с успехом выступал в роли доброй феи из «Золушки» и других подобных сказок. Он, как я уже рассказывал, время от времени и почти без надежды на успех писал заметки на непопулярную либеральную тематику в газету «Новости». И был довольно хорошо знаком с одной журналисткой, давно работающей в этой газете. Журналистка была симпатичной и толковой женщиной, писала она в основном на бытовые темы. В один прекрасный день Марк узнал, что она собирается уходить на давно заслуженный отдых. В ту же минуту энергичный и сообразительный прожектер задумал блестящую комбинацию. Он попросил журналистку пока заявление не подавать и шум не поднимать, чтобы ей тут же не нашли замену – при таком количестве желающих это было несложно. А сам предложил Мите сделать макет страницы «Неделя Севера», собрав как можно больше актуального и интересного материала из Хайфы и ее окрестностей, и с этим макетом отправиться лично, без предварительных переговоров к главному редактору газеты. С опытом Мити и знакомствами Марка заполучить материал было не трудно, качество его заметно отличалось от других разделов газеты, разумеется в лучшую сторону, а сама идея определенно должна была прийтись ко двору. Журналистка оказалась действительно женщиной доброжелательной, они вместе зашли к главному редактору – она с заявлением об увольнении, Митя с макетом страницы. Не буду продолжать разжевывать то, что вам уже известно, но в течение короткого времени договор был заключен.

Это был настоящий фейерверк чудес. Заключительным аккордом стала покупка за не слишком высокую цену квартиры одного клиента маклерской конторы Марка – которая тогда еще не прогорела. Клиент срочно должен был уезжать в Америку, там его – с одной стороны - ждала работа, а в Израиле – с другой стороны – горела под ногами земля. Словом, Нина, продолжая традицию последнего года в Одессе, все взяла на себя. А мужа использовала в основном в качестве тягловой силы при перестановках мебели.

«Назад дороги нет», - понял Митя и... смирился. Против лома нет приема, даже если это лом удачи и везенья. Может быть, все та же судьба решила в меру сил компенсировать огорчение, которое принесло семье Красновых решение дочери. Так в жизни иногда бывает...

Глава 7. С переменным успехом

Объясняться с главным редактором по поводу самовольной поездки в Хеврон Митя отправился в Тель-Авив поездом. Машиной было дороже, больше времени, жара, перегруженная трасса - словом ни к чему. В поезде, в удобном кресле, при комфортной температуре он с пользой провел час и десять минут поездки – отвечал на непрерывные звонки по своему новому смартфону. Напрасно он – как сказал бы Шурик – куксился, в Израиле у него оказалось много знакомых, которым было не безразлично, что с ним происходит. Приятная сторона неприятной истории.

Митю удивило, почему не звонит Маша Манаса из Назарета, Митин младший компаньон. Впрочем, Маша поздно вставала, долго приводила себя в порядок. Наверно до «Вестей» еще не добралась. Позвонит...

Пока он добирался до редакции, выяснилось, что старая сплетница, русскоязычная радиостанция «Река» успела уже рассказать о «новом теракте», поэтому наплыв звонящих увеличился. Наконец и Маше удалось пробиться. Она была очень взволнована, и из-за работы, и вообще... Митя ее с трудом успокоил.

Но узнав, что кроме шишки и пятна зеленки на макушке никаких последствий инцидента не было, она перешла к деловой стороне вопроса.

- Босс знал о твоей поездке?

- Нет. Теперь знает. Я еду к нему на ковер. С утра вызвал.

- И что будет?

- Он побагровеет, поскандалит и предложит мне срочно написать гадость о Хевроне.

- А ты?

- Откажусь.

- Не поняла.

- Я больше в политику не ввязываюсь. Так ему и скажу.

Пауза.

- Еще один заскок. Что с тобой творится? Он тебя уволит.

- Наверно.

Опять пауза.

- Ты ему скажи, что тогда и я уйду.

- С какой стати?

- Уйду, ты меня знаешь. Мне без тебя не интересно.

Митя чуть не спросил «что тебе не интересно?», но не стал нарываться. «Не буды лыха, поки тыхо». Но Маша почувствовала вопрос и ответила:

- Все не интересно.

- Давай не будем забывать о Шекспире.

- Не будем... И заезжай.

- Давно не был. Целых три дня.

- И ты мне не нравишься. Мог бы рассказать, что с тобой происходит.

- Обязательно.

- Ну да, как только так сразу, - и она отключилась.

Перед тем как зайти к главному редактору, Митя спросил у секретарши, немолодой женщины с явным одесским акцентом:

- Багровый?

- Нет пока, пунцовый.

Босс одесситов любил и сам был из Одессы, из уже давней эмиграции – семидесятых.

Митя выключил все еще трезвонивший телефон и зашел в кабинет. Редактор мрачно смотрел на него через очки-хамелеон.

- Здравствуйте, Арон Евсеевич.

Ответом было затянувшееся молчание. И пунцовый цвет лица.

Главный редактор был точной копией Митинового зятя Натана, но копией постаревшей. Тоже невысокий, плотный. Может, в лице и были отличия, но там оставалось слишком мало не заросшей поверхности, чтобы что-то можно было рассмотреть. Нос точно такой же, приличных габаритов.

Это был неплохой в принципе человек, который решил играть роль грубого диктатора и не слишком стеснялся в выражениях. Его религиозность – черная кипа – и многодетность такому поведению не мешали.

У него была одна интересная особенность – в гневе, или во время изображения гнева то небольшое в лице, что просматривалось, наливалось кровью. Сотрудники определяли три стадии: розовую, пунцовую и крайнюю степень – багровую. Само собой и давление у него подскакивало, но большинство склонялось к тому, что слишком близко к поверхности располагались кровеносные сосуды. Поэтому в кулуарах его называли хамелеон, или сокращенно хам, для того и другого были основания. И все-таки плохо к нему не относились, считали не злопамятным. Вежливый редактор "Вестей" был гораздо хуже.

Наконец паузу прервал вопрос.

- Это что за самодеятельность? – голос был высоковатый для такого плотного человека. Я вообще заметил, что у очень набожных евреев высокие голоса, впрочем, может, мне так только кажется. – Какого хрена ты туда поперся?

Наверно, из религиозных соображений он не поминал черта и заменял его «хреном».

Дальше все происходило в точности так, как Митя предсказал в телефонном разговоре с Машей. Редактор не любил многословия и тут же приказал ему немедленно написать о поездке в Хеврон «с позиций наших принципов». Митя очень вежливо – сказался старый житейский опыт - объяснил, что как раз сейчас он пытается разобраться «в наших принципах» и поэтому на время разбирательства просит освободить его не только от репортажа из Хеврона, но и от ежемесячных политических статей. Пусть «Новости севера» будут разделом вне политики, во всяком случае, государственной, местная еще туда-сюда...

- Я тебе, Краснов, кажется, один раз говорил: шаг влево считается побегом, – в его голосе прорезался фальцет, пунцовый цвет лба и носа переходил в багровый. – Разбираться в нашей позиции будешь на дому. Или пишешь то, что я сказал или ты нахрен уволен.

Митя на конфронтацию не пошел, он лавировать умел. И постарался перевести беседу в русло – бизнес есть бизнес, ничего личного. Сила «Новостей севера» не в политике, это отображение реальной жизни людей, евреев и арабов. И как можно естественней вставил:

- Если уйду я и уйдет Манаса, то рейтинг газеты – можете не сомневаться...

- Стой! При чем тут Манаса?

- Она без меня не останется...

- Интриги! У меня в газете интриги! На хрен! – он позвонил секретарю. – Циля, телефон Манаса, живо!

Митя продиктовал ему телефон.

- Подожди в коридоре.

Митя вышел. Он почему-то был спокоен. Почему? Скорей всего устал переживать, расстраиваться и волноваться. Минут через двадцать Циля пригласила его к начальству.

Редактор опять стал пунцовым. Более спокойным. Он долгих разговоров не любил, поэтому сразу взял быка за рога.

- Да, бизнес есть бизнес. Ты остаешься в штате вместе с Манаса, получаешь на 500 шекелей в месяц меньше – а ты как думал? На этом закончим.

Потом уселся поудобнее, даже попытался улыбнуться и стал почти похож не на главного редактора, а на обычного нормального человека.

- Ты только не считай меня полным идиотом. Я тоже вижу, что мы в тупике. И что залезаем туда вслед за Нетаньяху все дальше и дальше. Но, во-первых, я не знаю, какой может быть выход, а во-вторых, на то он и тупик, что там нет выхода. А ты знаешь?

- Скажем, сделать палестинцев Западного берега израильскими арабами, такими как наши. И оставить в покое Газу.

- Идея не новая, но на это никто не пойдет. Евреям отказаться от еврейского государства, а арабам от арабского? Пока до смерти не измочалим друг друга, на это никто не пойдет...

- Измочалим, иначе не получится. А мы... мы хотя бы постарались не так нагнетать ненависть, думали бы о том, что из тупика придется вылезать. И помнили - нас в этот тупик к палестинцам никто не загонял...

- Насчет ненависти ты прав. Но я не притворяюсь, я буду бороться за еврейское – не двунациональное, а еврейское – государство до тех пор, пока есть хоть иллюзия надежды. Для меня другого пути нет. Даже в тупике. Все, давай иди на хрен работать.

Когда Митя вышел из кабинета, то заметил, что за окном был ясный день, несмотря на закрытые окна доносился шум транспорта. А в редакции было не жарко, кондиционеры работали добросовестно. Раньше он этого не замечал. Толстая Циля улыбалась, она была в курсе дела.

- Циля, с меня конфеты.

- Ох, за эти конфеты я столько раз слышала, ты приходишь раз в году. Иди уже.

Сотрудники, которые попадались навстречу, сочувственно спрашивали: «Пронесло?» У Мити теперь было не то чтобы восторженное, а просто хорошее, нормальное настроение, которое и должно быть у нормального человека. Возможно, негативная цепочка прервалась? Возможно, он слишком мрачно судил о людях, а они разные и не все зависит от их политических взглядов? А если так, то рано или поздно все может утратиться.

Он не поленился, подошел в ближайший магазин и вернулся в приемную, гордо на вытянутых руках неся большую и красивую коробку конфет.

- Ой, иди уже. Скажут взятка.

По пути на железнодорожную станцию Митя включил телефон, отчитался перед Машей, пообещал подъехать – нет, завтра у них традиционный шашлык, - потом опять его отключил. Надоел. И стал с интересом рассматривать идущих навстречу симпатичных - и не очень – женщин. Давно с ним такого не было. Даже промелькнула мысль – а может уже все позади, тьфу, тьфу, тьфу? Он понимал, что событие было воистину решающим – у него оставалась нормальная профессиональная работа без унижительной составляющей. Шурик и Марк снова скажут, что он везунчик, и будут правы.

Дома Нина его ни о чем не спрашивала, она и ее коллектив на работе с русской прессой ничего общего не имели. Митя оставил ее в неведении, завтра на пикнике все узнает, ее реакция может только испортить отличное настроение. Понятно, что к поступку Мити, который самовольно, не посоветовавшись, мог изменить всю их жизнь, она бы спокойно не отнеслась. Узнает завтра, в компании будет сдержанней.

На шашлык ехали на Митиной машине – была его очередь. Его встретили, как именинника, Шурик тискал, Марк острил и даже Татьяна смотрела – так ему казалось – одобрительно.

- Чему они так радуются? - спросила удивленная Нина.

Митя подмигнул сразу всем, умудрился.

- Придем на место, расскажу.

Доехали в излюбленный лесок без приключений, хотя Шурик радостно хлопал время от времени водителя по спине, а это могло закончиться не только синяками, но и аварией. Митя прощал, только морщился, понимал, что Шурик больше всех переживал за него. Марик был в курсе дела, а Татьяна – кто ее разберет.

Приехали на место, выгрузили и разложили стол, стулья, шашлычницу, продукты – в основном это делал Шурик, разожгли мангал – в основном Шурик, загрузили его уже приготовленными маринованными индюшачьими шашлыками на палочках – Шурик их готовил дома, поэтому встал в шесть утра. В перерывах между этими занятиями он время от времени тискал Митю и рассказывал, что у него в автобусе включена эта дурацкая «Река», которая сообщила, что пострадавший потерял сознание, но забыла сказать, нашел ли он это сознание позже.

- Я чуть в аварию не влип.

Нина вышла из себя:

- Да вы скажете, наконец, в чем дело?

- Сейчас, вот разолью, - успокоил ее Митя. А сам думал, как хорошо иметь таких близких, родных людей как Шурик, конечно Шурик, как Марк и как немного холодную и загадочную Татьяну.

После первого тоста он рассказал то, что вы знаете. Нину бросало то в жар, то в холод. Она должна была везти всех домой, но во время рассказа хлопнула две-три рюмки водки. И ее можно было понять. А Митя убедился в том, что поступил правильно. Расскажи он дома, ему бы досталось на орехи.

- Но ведь посоветоваться мог?! Я видела, видела, что у тебя шарики за ролики заехали, - и глаза ее наполнились слезами. Она сдерживалась из последних сил.

- Успокойся, все кончилось хорошо, - уговаривала ее Татьяна. Она отставила в сторону свою рюмку, поняла, что машину придется вести ей.

Пора было менять тему. Положение спас Марк. Он выдал на-гора свою новую идею.

- Мы тоже везунчики. Нам всем повезло. Мы жили в двух разных эпохах, не каждому такое выпадает. Нет, не социализм – капитализм. Это все ерунда. И не уровень жизни. Знаете, какое самое поразительное изменение произошло за нашу жизнь? Самое-самое?

Татьяна собиралась позвонить ребятам в Америку, посмотрела на свой смартфон и сказала:

- Наверно, то, что мы можем в любой момент и с любого места поговорить с любым человеком на земном шаре. И увидеть его. Вы помните междугородние разговоры на центральной переговальной станции? После часа ожидания: «Москва, Розенберг, пятая кабина».

- Это тоже. Но есть еще более фантастическое. А мы этого не замечаем.

- Но ты-то заметил, - не то поощрительно, не то иронично сказал Шурик.

- Представь себе, заметил, - он выдержал паузу. Добиваться эффекта Марк умел. - Как мы могли раньше о чем-нибудь узнать? Кроме того, что талдычит радио или соседка. В крайнем случае, пойти в библиотеку, порыться в книгах или журналах. Сизифов труд. В общем, ни о чем толком мы не могли узнать. Так во всем этом и жили. А сейчас? Открыл Гугл, спрашивай все, что душе угодно. Через пять секунд ответ. Сколько жителей в Катманду, как готовить шпинат, кого выбрали президентом Боливии, сколько молекул в амебе, кто убил Гангадзе... Разве можно было такое представить? Как устроен... ну... эквалайзер. И что это вообще такое.

- А ведь он прямо в точку, - восторженно поддержал Марка Шурик.

- Когда со мной сразу соглашаются, я чувствую, что я не прав, - скромно сказал Марк. И нескромно уточнил: - Оскар Уайльд.

Насладился эффектом и продолжил:

- Все можно узнать, даже какую последнюю книгу только вчера закончил наш любимый автор. Правда, с любимым автором сложности, куда они все подевались?

- А может, потому и сложности, что слишком легко узнать обо всем, трудов на это не нужно тратить, - предположил Митя.

Продолжения дискуссии Митя не слышал, потому что подошел к сидящей где-то сбоку на камне Нине. Он подсел к ней, обнял и почувствовал, что она вся дрожит.

- Нина, пойми, я не мог поступить иначе. И ведь кончилось хорошо.

- Я не уверена, что кончилось. И не знаю, что ждет меня в будущем.

На это Мите было трудно возразить.

- И пятьсот шекелей на дороге не валяются. Но не в них дело...

- Ладно, поговорим дома.

Друзья сидели довольно долго, выпили немало – повод был. Дома Митя прибегнул к безотказному средству – искусно изобразил сильное опьянение. Словом разговор – кажется, к обоюдному удовольствию - не состоялся. Но у Нины тревога, которая раньше была только на подсознательном уровне, с этого времени стала постоянной.

А у Мити все было довольно благополучно. Освободилась масса времени. Кроме того, что не нужно было кропать очередную долбанную статью о политике, он теперь мог не слушать новости, не читать газеты, не торчать в интернете. Только по желанию. Политизированные корреспонденции, которые ему присылали, он выбрасывал с легкой душой. Митя на своем примере почувствовал, насколько бесконечное, повторяющееся из года в год бесполезное политиканство разъедает душу. «Жить стало легче, жить стало веселее». Первая неделя прошла быстро и интересно. За два дня он управился со всеми делами, отправил материал и подвел для себя окончательный итог своих обновленных политических взглядов.

Результат размышлений был ясен как дважды два четыре - дать гражданство палестинцам Западного берега единственно возможный выход из безнадежной кровавой вендетты, но в то же время и абсолютно абстрактный. Невозможный в ближайшем и даже в обозримом будущем. Сначала должны быть гной и кровь, и сколько – одному Богу известно...

Сделав этот очевидный вывод, он твердо решил: больше в политику ни ногой. Только изредка, если нельзя избежать, в виде информации и то предпочтительно из других стран и даже из другого региона. Скажем, землетрясение в Чили, куда денешься...

Итак, и следующую неделю настроение было ровное, слава богу. Единственное, что смущало – его буквально преследовало желание кому-то открыться, посоветоваться, выслушать чужое мнение. Эти мысли, Митя понимал, тоже нехороший признак – у абсолютно нормального человека не должно быть навязчивых и иррациональных желаний. А намерение было, безусловно, вредное и небезопасное. Любой, кому он признается в том, что – ну скажем – не совсем нормальный, уже всегда с невольной опаской будет смотреть на него. Он помнил, с каким суеверным ужасом бежали марокканцы на пляже, помнил истеричный крик девицы «он сумасшедший». В природе человека относится к сумасшествию как к чему-то пугающе-непонятному, запредельному. Расскажи Митя жене,

что были периоды, когда он не отвечал за свои поступки, она наверняка будет потом бояться спать с ним, а может даже находиться ночью в одном помещении. И так бедная женщина определенно чувствует беспокойство. Доказательства налицо: после работы она – представьте себе - приготовила узбекский плов с сухофруктами и мясом.

- Посмотрела в интернете. Тебе, наверно, надоело жаркое.

А через день сварила наваристый борщ, пожертвовав какой-то передачей по телевизору. Мало того, она даже за компанию поковырялась с ним вместе в этих явно не диетических блюдах. Когда вечером он укладывался на свой диван, Нина стала подсаживаться к нему и пыталась найти темы для беседы. А на ночь надевала свои самые воздушные одежды. Видно было, что переволновалась не на шутку. Нет, с Нины вполне хватало того, что есть.

Он чувствовал, что, подобно брадобрею царя Мидаса, его распирало желание поделиться тайной, хоть копай на пляже лунку...

Он позвонил Марине – вы еще не забыли любительницу литературы, которая жила на улице Царфат? Под утро юбилейного вечера, точнее ночи они с ней пришли к соглашению, что в дальнейшем будут друзьями – и только. Связь с подругой жены все-таки банально-неприличная. Так вот, он позвонил Марине и предложил на следующий день встретиться в ресторане. Нине сказал, что задержится, есть дела. И все это не без тайной мысли поделиться своими невеселыми новостями.

Потом подумал, что опыт упомянутого брадобрея учит: даже если из аккуратно зарытой ямки секрет прорвался наружу, то общая для многих подруга Марина... Нет, не решился.

Но тема разговора в ресторане оказалась специфической – почти весь вечер они с подачи Мити обсуждали творчество и характер Достоевского. Митя напомнил, что основной его темой были мрачные стороны человеческой природы, больные, не совсем нормальные или даже совсем ненормальные. Впрочем, как и сам автор. «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорбленные», не говоря уже о «Бесах». Его произведения, считал Митя, так впечатлили человечество не только талантом, но и потому, что оно – человечество – само страдает всеми этими фобиями в острой форме. Стоит посмотреть на современный мир, который напоминает сумасшедший дом. Ближний, дальний и средний восток, Южная Америка, несчастная Африка... Ужас!

Марина его поддерживала, как могла. Но, в конце концов, призналась, что считала его более жизнерадостным. Нет, не Достоевского. Митю.

При расставании Марина даже не спросила, когда он позвонит.

И все же неделя прошла относительно благополучно, оглянуться не успел – подошла шашлычная суббота.

Потом воскресенье, понедельник и с натяжкой часть вторника были заняты работой. Он даже заехал в пару мест, чтобы проверить факты жалоб, хоть мог бы этого не делать. Потом началось сплошное безделье. Нина стала сама готовить еду, он еле выпросил у нее право покупать продукты по списку – ну еще пару часов. Все. Делать было больше нечего.

В каком-то псевдо-философском произведении Михаила Веллера он вычитал, что если у человека много забот, трудов, хлопот, неприятностей, то не возникает желания искать смысл жизни. Не до того. «Мне бы ваши заботы». У Мити сейчас ничего похожего на проблемы и трудности не было, а свободного времени хоть отбавляй. Телевизор и интернет он – как вы знаете - не любил, с чтением тоже возникли проблемы, начала сказываться

профессиональная болезнь журналиста - глаза быстро утомлялись. Следующую неделю он продержался, а потом, лежа на диване, снова стал ворошить философские вопросы.

Он не боялся, что кто-то или что-то лишит его жизни. Его могло ожидать кое-что похуже. В один прекрасный – не очень прекрасный – день что-то опять перемкнет в мозгах, и он уже будет не он. Что за этим последует – от него не зависит. Это страшнее смерти.

Кстати, по поводу страха смерти у него появилась особая точка зрения. Тоже возможно, следствие перемен...

Смысла жизни для человека нет, считал теперь он, и быть не может. Какой смысл можно обнаружить в каком-то промелькнувшем на земле мгновении, одном из миллиардов подобных? У бабочки однодневки? У болотного огонька, который блеснул и погас? Может, он есть у всего человечества в целом, и то вряд ли. И Митя окончательно смирился с тем, что любая жизнь бессмысленна. Просто это свершившийся факт: родился и хочешь, не хочешь – живи. Но у человека есть интеллект – в разной степени, но есть, - ему, в отличие от животного, приходится наполнять факт жизни каким-то содержанием, кроме инстинктивной борьбы за ее сохранение. Поэтому человеку необходимо заменить этот самый метафизический «смысл» чем-нибудь конкретным – стараться получить удовольствие от жизни или уговорить себя в том, что такое удовольствие есть. Можно убедить себя – или искренно считать, – что таким удовольствием являются не только реальные радости сегодняшнего дня, но и стремление чего-то достичь, добиться успеха в будущем, преодолевать трудности, для кого-то – а их немного - сеять разумное, доброе, вечное. Митя понял с предельной ясностью – сам он лишен всего только что перечисленного.

Есть в литературе такая тема, она повторяется многократно, начиная от Гомера и заканчивая «Обыкновенным чудом» Евгения Шварца. Суть ее в восхищение людьми, которые... «Слава безумцам, которые живут себе так, будто они бессмертны».

Митя не считал, что неизбежность смерти, которая известна всем от рождения, должна сама по себе требовать от людей особого мужества – до определенного времени. А вот жить, перефразируя Жванецкого, за вершиной склона лет, когда уже ничего не предвидится кроме новых болячек, ухудшения здоровья и исчезновения интереса к чему бы то ни было – вот это настоящее геройство. Или трусость? Вполне разумно предположить, что может наступить момент, когда человек утрачивает надежду, когда жизнь - одни мученья и горести в настоящем и будущем. Тогда он должен сам определить свою судьбу. Правда, Мите по возрасту вроде бы рано впадать в транс, он еще не стар, полон сил и здоров, за исключением психических – он криво улыбнулся – отклонений. Но каждый созревает в свое время. Тоска, отсутствие малейших надежд и желаний тоже очень весомый аргумент.

В сущности он ходил по кругу. Короче, если так и не найдет хоть чего-нибудь, что его увлечет – дело плохо. Тогда очередной щелчок не за горами.

Он стал постепенно прощать себе слабости, отклонения от намеченной программы самоконтроля. Зарядку делал, он к этому за много лет привык, и эспандер ему до сих пор доставлял удовольствие. А с нелюбимой ходьбой были проблемы. То слишком жарко, то ветрено, а может, я завтра удвою норму? Спал он по-прежнему плохо, поэтому стал регулярно пить снотворное, хотя понимал, что в его состоянии лучше этого не делать. А сверх всего появилась привычка – то ли из-за снотворного, то ли из-за безделья, но Митя повадился спать днем. Раньше такого не было. Когда Нина однажды после работы застала его храпящим в одежде на тахте, то ужаснулась. Кроме того, что раньше он даже при

желании с трудом мог днем прикорнуть, Митя никогда не храпел! Почему-то непривычный храп напугал ее больше всего.

Нина удвоила заботу о муже. Готовила что-то вкусненькое, доставала где-то диски с голливудскими фильмами сороковых-пятидесятых годов, которые Митя любил, перед сном едва не исполняла танец живота – результаты надежд не оправдывали. Нина по-настоящему испугалась. О враче Митя убедительно просил даже не заикаться. Работы мало, плюс кризис возраста. Пройдет, уверял он Нину. Но в то же время отдавал себе отчет - справиться с собой ему не удастся, в сущности он махнул на все рукой и активно скатывается к предсказуемому финалу.

Чтобы не пугать жену, Митя перед дневным сном ставил рядом будильник, к приходу Нины просыпался, умывался, брился – утром бриться было лень. Но обмануть ее не удавалось...

И вот однажды примерно за два часа до ее возвращения с работы, раздался звонок в дверь. Звонок был настойчивый, наверно Митя со сна его не сразу расслышал. Он встал, зевнул, в помятых домашних шортах пошел открывать. Татьяна!

- Ты?! Что-то случилось?

- Привет.

- Да, привет, - он совсем растерялся.

- Можно войти?

Он посторонился.

- Конечно, входи. Нины еще нет, рано.

- Я знаю.

Она села в кресло.

- Так все-таки что-то случилось?

- А это ты мне должен сказать. Я собственно к тебе пришла.

- Тогда подожди секунду, приведу себя в порядок.

Он вышел, умылся, почистил зубы. Бриться? Нет, это слишком. Поменял шорты, надел чистую футболку.

Татьяна сидела в том же кресле, та же поза, сумочка по-прежнему на коленях.

- Дай сумку, верну, - он положил ее на журнальный столик. Сел в кресло напротив Татьяны. - Понятно. Общество волнуется...

- Общество не в курсе дела. А вот Нина... Она попросила меня поговорить. Сама достучаться до тебя не может. – И Татьяна пожала плечами, мол, почему я?

Да, если Нина обратилась за помощью к Татьяне, значит действительно потеряла всякую надежду. Обе они не все знали, но о многом догадывались.

Кое-что о природе чудес

(Машина времени)

Нам с вами придется еще раз вернуться в первые месяцы репатриации Красновых в Израиль.

Речь в основном пойдет о Нине. Если вы помните, она довольно быстро подружилась с обычно заносчивыми коренными ивритянками и даже через месяц работы уборщицей стала ходить с ними в бассейн – высокая честь! Ближе всего она сошлась с самой молодой и общительной Пниной, которая еще не имела «постоянства», в отличие от прочих

привилегированных сотрудниц. У Пнины был легкий, веселый характер, при наличии мужа и двоих детей она не очень скрывала свое свободомыслие и даже некоторое легкомыслие, что – насколько Нина поняла – в Израиле считалось примерно одним и тем же. Кстати сказать, ханжество никогда не было в моде среди израильских женщин, разумеется, не входящих в ортодоксальные общины. Легкие измены в принципе не очень осуждаются. В этом европейские, американские и восточные нерелигиозные еврейки едины.

Одной из причин столь быстрого сближения был заведомо различный статус – русская свежая репатриантка не могла даже мечтать о том, чтобы попытаться войти в элитарное подразделение бездельников. Нина и не думала об этом, она просто не считала за труд ухаживать за дамами, помогать им в мелочах, сохраняя при этом природную сдержанность и чувство собственного достоинства. Все происходило вполне естественно, без напряжения. Это особенность эмиграции – человек пересекая границу, внутренне принимает новые условия и не брезгует никакой работой. Нина понимала, что она обслуживающий персонал, и не чувствовала особого унижения от этого сознания. Работа есть работа – не больше и не меньше!

Мужчин в отделе не было, за исключением начальника, полного семидесятилетнего марокканского еврея, страдающего редкой для нашего времени болезнью – подагрой. Таким образом это было женское царство, где сплетни сочетались с отсутствием секретов, как нередко происходит в подобных коллективах.

Правда, был еще один начальник-мужчина, на ранг выше, один из заместителей мэра – большой человек! Но, во-первых, этот начальник не часто баловал отдел посещением, а во-вторых, когда Нина приступила к работе, он был в отпуске. К нему – судя по разговорам – относились иронично-уважительно. С иронией прокатывались по поводу его панического страха перед женой, дочерью престарелого, но несменяемого лидера какой-то партии в Кнессете. Но с другой, чувствовалось, считают его на безрыбье все-таки мужчиной. А Пнина сказала по секрету, что точно не знает, сколько ее сотрудниц с ним знакомы ближе, чем это кажется со стороны.

Однажды – после своего отпуска – начальник зашел к ним перед концом рабочего дня на последнюю чашку кофе. Чувствовал себя свободно, кого-то похлопал по плечу, кого-то шлепнул по попе. Никто из дам на это не реагировал. Значит – поняла Нина, – дело привычное. Звали его Даниель, некоторое время от времени фамильярно обращались запросто – Дани. Лет пятидесяти, сухощавый, поджарый. На каблуках Нина смотрела на него сверху вниз. У него – нетипично для еврея – были усы а ля мушкетер, да и сам он явно старался походить на д'Артаньяна, и временами ему это удавалось. Длинные с темные с сединой волнистые волосы, смуглое лицо – румынское происхождение сказывалось. Нос гасконский или еврейский, они похожи. Когда он представился Нине, то в имя Даниель вставил апостроф, звучало как д'Аниель. Нина посчитала его мелковатым и смешноватым, но для начальника такого ранга все-таки достаточно демократичным. Он тогда на эту крупную женщину внимания не обратил, разве что когда Нина вышла за посудой, вслух удивился – уборщица за общим столом в рабочее время...

Прошло недели две, Нина в тонких, недавно купленных для работы цветных шароварах в обтяжку и легкой короткой футболке мыла пол под одним из столов. Потом вылезла из-под него и только тогда заметила в дверях Даниеля. Наверно, он стоял давно, потому что глаза его горели, а ноздри хищно раздувались. Они обменялись парой незначущих фраз, и он ушел.

Но через пару дней вернулся, тоже после конца работы и во время уборки. Нина почувствовала себя неловко, тем более, что глаза у мушкетера по-прежнему яростно горели, а ноздри хищно раздувались. Она наслышалась о беспардонности израильских мужчин в отношениях с русскими женщинами, но Даниелю все-таки удалось ее удивить.

- Вас, кажется, зовут Нина? Нина, вы роскошная женщина, - и без всякой преамбулы: - Давайте встретимся как-нибудь за городом, я сниму номер в гостинице...

Нине тоже удалось его удивить. Она не торопясь взмахнула мокрой тряпкой, которая была у нее в руках, и смазала донжуана по лицу. Благо безрукавка на Даниеле почти не пострадала.

Он искренне удивился. Взял салфетку и вытер лицо.

- Зачем такая грубость? Я же только спросил. Можно было просто сказать нет.

- Мне на работу больше не выходить?

Он еще больше удивился:

- Причем одно к другому? Будем просто считать, что разговора не было.

И ушел.

Нина была расстроена, работа и коллектив ей нравились. Но Мите ничего не сказала, вдруг бы он захотел за нее вступить. Ему ничего не стоило размазать нахала по стене – для Мити мушкетер не противник... Нет, лучше помалкивать. Разозлилась ли сама Нина на нахала? Пожалуй, нет. Скорее ей было смешно.

Терять было нечего. Она вышла на работу. Никаких эксцессов, все как обычно.

А еще через пару-тройку дней Даниель снова к последней чашке кофе пришел в отдел. Вел себя, как обычно, может только чаще шлепал дам по попе. С Ниной вежливо поздоровался. Попил кофе и ушел.

Так прошло еще несколько визитов. Нина уже решила, что все забыто, хотя то, что он не посчитал эпизод достойным внимания, ее немного задело. Даже не нашел нужным уволить... Впрочем, это чисто по-женски.

Но события шли своим чередом. В игру вступила Пнина. Она однажды осталась после работы и сказала, что хочет доверительно с Ниной поговорить. По секрету. А секрет заключался в том, о чем Нина частично догадывалась. В смысле она сообразила, что часть личного состава с командиром переспала, но оказалось это не все. Кое-то из небожителей попал в этот рай через греховную связь. А Даниель – по словам Пнины - отличался от других мужчин и от других начальников тем, что обещанное выполнял.

- Он поручил тебе сделать это предложение?

- Ты с ума сошла?! Просто я Дани знаю, и вижу, что с ним происходит. Смотри, сейчас – я точно знаю – у нас есть вакансия. Такое место на дороге не валяется. А Дани парень не противный и в этих делах большой мастер. Ему не грех дать просто так, удовольствия ради. Полно желающих.

- Мне кажется, ты сама проверяла, как он в этих делах...

- Нет, не проверяла, но если бы я ему дала, то сказала бы. Ты меня знаешь...

Нина ей не поверила, решила, что Пнина действует по поручению и сама прошла через Даниеля. Как ни странно, она не оскорбилась, а скорее задумалась...

После разговора с Пниной ничего не произошло. Даниель иногда заходил к ним, вел себя свободно, хлопал всех – кроме Нины – по всем местам. Пнина как-то сказала подруге, что кажется сверху прислали кандидата на вакансию. Нина чуть не ляпнула: «А что я могу сделать?» – но вовремя спохватилась.

Мне, надеюсь, удалось дать вам понять, о чем думала Нина, как она себя чувствовала, насколько интрига овладела всеми ее мыслями. Если бы Даниель сам предложил ей что-то подобное, то снова получил бы тряпкой по лицу. Но его вроде бы нельзя было ни в чем заподозрить, кроме некоторого легкомыслия.

Нине было плохо, унизительно – соблазн постепенно становился все сильнее. В конце концов Митя изменял ей и без такого серьезного повода. А тут стабильная и надежная работа, о которой можно только мечтать, тихая гавань до конца дней. Но хуже всего, намного хуже всего было то, в чем Нине пришлось в конце концов себе признаться – вне зависимости от будущих благ, она постепенно очень захотела с этим чертовым и даже смешным д`Аниелем переспать. Иногда так хотела, что готова был сама прийти к нему и сказать: «К черту твою работу. Пошли в эту долбанную гостиницу».

И это Нина, которая никогда днем (разве что ночью и только с Митей), не проявляла подобных эмоций. Ее жгло любопытство – в сорок лет Митя был единственным мужчиной, которого она знала... В общем это был бунт против однообразия личной жизни, поддержанный ее скрытым темпераментом. Не напрасно в народе говорят - и на старуху бывает проруха!..

Иногда ночью она ловила себя на том, что в объятиях Мити представляла себя с Даниелем, после чего сгорала от стыда за свою порочность. Когда мушкетер приходил в отдел на кофе, Нина с трудом сохраняла спокойствие, помогала ей только внешняя флегматичность.

Короче, я вас не удивлю, если сообщу – когда однажды Даниель появился вовремя уборки, Нина, не дожидаясь вопроса, сказала:

- Ладно, черт с тобой. Пошли в твою гостиницу.

Первое свидание прошло на отлично. Даже лучше, чем на отлично. К концу встречи маленький гостиничный номер выглядел, как после погрома. Даниель оправдал ожидания, а Нина намного их превзошла. Я не считаю себя специалистом в этой области, но многие женщины говорят, что наши мужчины, особенно с советской школой, уступают западным в технике секса не меньше, чем в изготовлении электроники. Не та школа. А Даниель действительно знал в этом толк. Но и Нина по темпераменту и природным данным ему не уступала. Кроме того не стоит забывать, что они уже почти два месяца раскалялись.

Первое, что сказал Даниель, когда наконец смог говорить, было признание:

- Говорят, что русские женщины деревянные. Какая ложь! Русская женщина коня остановит, - он со школы был немного знаком с русской литературой.

- А старый конь борозды не портит, - тоже еще задыхаясь, ответила по-русски Нина, но переводить не стала – вдруг обидится. И вообще, какой он старый, он еще о-го-го...

Договорились встречаться по пятницам, чтобы Нине не нужно было после свидания останавливаться на скаку коня, то есть идти на уборку. Она о должности не говорила. Ей это даже в голову не пришло.

Но когда никаких перемен на работе не произошло и наступило второе свидание, она все-таки задумалась – неужели обманет? Хотя эти мысли радостям жизни не помешали – встреча прошла еще на более высоком уровне, чем первая, хотя казалось это уже невозможно. Они уже немного привыкли друг к другу, притерлись – разумеется, в приличном смысле этого слова. И Нина – девушка гордая – опять ни о чем его не спрашивала. Даже если бы он не

сдержал слова, она ни о чем бы не пожалела. Таких чувственных наслаждений она не знала и даже не представляла себе, что это возможно.

А в воскресенье, когда она, как обычно, пришла чуть ли не на час раньше окончания работы отдела, Пнина за столом от имени коллектива торжественно сообщила, что они все единогласно просили – в письменном виде – на вакантную должность принять Нину. Нина покраснела, «девочки» заплодировали. Только одна довольно тощая и на вид злая «мадам» демонстративно отвернулась.

- Дура ревнивая, - сказала тихонько Пнина, - доиграется. Переведут ее в филиал, к черту на кулички.

Как в воду глядела.

Она продолжила:

- Начальник отдела нас поддержал. Завтра с утра пойдешь на прием к Даниелю и попытайся его уговорить, - все заулыбались, определенно принимая последнее замечание за отличную шутку.

Всем все было понятно, и Нина почувствовала неловкость. Одна почувствовала, для всех остальных это было дело житейское.

Нине удалось попасть к Даниелю на прием и «уговорить» его. Он объяснил, что инициатива снизу была нужна для дела – слишком сильной поддержкой сверху пользовалась претендентка на вакантное место, а связи в Израиле весомый, может даже основной аргумент. Даниель намекнул, что нажил себе недоброжелателя, но ради Нины он и не на такое способен.

На следующем свидании заместитель мэра и новая сотрудница одного из отделов нанесли еще больший ущерб мебели все того же отеля.

Митя и компания были в восторге от ее неожиданных успехов. Даже семейное везение Красновых было недостаточным объяснением случившегося, но Нина рассказала о коллективной просьбе «трудящихся», и все стало вроде бы понятным. Правда такая просьба очень нетипична для не слишком сплоченного израильского общества, но тут уж, видимо, сыграло роль обаяние Нины, которое до сих пор ее муж и друзья недооценивали. На том и порешили. С этого времени вместо стандартного – везунчик Митя, часто стали употреблять – везунчики Красновы.

А теперь пора рассказать о том, что вас всех давно интересует: как Нина вела себя дома, что чувствовала, что говорила и, в конце концов, что делала.

Я рассказываю правду, одну только правду и ничего кроме правды, поэтому вынужден вас огорчить. В сущности ничего особенного она не чувствовала и укорами совести почти не мучилась. Просто у нее было более веселое настроение, чем обычно, и даже уже известные вам перипетии со Светой хоть и огорчали, но – честно говоря – не настолько, насколько это можно было бы ожидать при других обстоятельствах. Она стала еще более уверенной, дома в голосе появились командные нотки – чего раньше и в помине не было. Кстати сказать, и сам Даниель ходил у нее по струнке.

Можете считать мое мнение предвзятым, но по моим личным наблюдениям женщины уж если изменяют мужу, то делают это с большей естественностью и органичностью, чем сильный пол. Без колебаний и терзаний. Они всегда находят логичные – с их точки зрения – объяснения этому факту, но еще чаще ни в каких оправданиях даже не чувствуют необходимости. Если обидел кого – простите.

И у Нины по поводу секса с двумя никаких особых терзаний не было, тем более, что с Митей «встречи» после приезда в Израиль были достаточно редкими – ему было не до этого, все так навалилось... Но дело даже в другом - она эти два совершенно различных процесса не смешивала. Дома просто было единение души и тела близких людей, а в гостинице пиршество чувственности, вакханалия... Ничего общего.

Можно ли о подобной ситуации сказать – все постепенно вошло в свою колею? Я думаю можно, потому что такое положение сохранялось довольно долго – месяцев пять. И оно всех устраивало, правда кое-кого из заинтересованных лиц по незнанию.

Нина, вопреки своей предшествующей биографии, оказалась достаточно находчивой и предусмотрительной, она не раз выходила из сложных обстоятельств.

Вот например. У них в отделе был посетительский день по средам, когда сотрудницы с утра отмечались на работе, а потом выходили в магазины или предприятия для проверки жалоб. Так было заведено. Наша сладкая парочка именно этот день выделила для своих довольно регулярных свиданий. А как быть с мобильным телефоном? Звонок Мити мог прозвучать в самый неподходящий момент... И находчивая Нина внушила мужу, что в посетительский день она носит в транспорте и на объекте телефон в сумке, поэтому часто не слышит звонка. А на работе он лежит рядом, на работе все в порядке. Митя по средам приучился ей не звонить. Словом, Нина втянулась, уверенно обходила подводные камни, и – как и следовало ожидать – уверенность перешла в самоуверенность.

Если двойная жизнь продолжается долго, то вероятность «проколоться» неизбежно возрастает. Жизнь доказала, что слишком хорошо это тоже опасно. Мину заложил Даниель. Перестарался. Несмотря на то, что «постоянство», то есть фактическую гарантию против увольнения, новым работникам давать запретили, он расстарался и как-то эту индульгенцию для Нины выбил. Но просил никому ни о чем не рассказывать по вполне понятным причинам. Нина никому - само собой – тайну не открыла, но справку о получении этого «постоянства» должна была сохранить. И сохранила, увы, проявив при этом небрежность. Документ каким-то образом попался Мите на глаза. Он как журналист был хорошо информирован о борьбе правительства против этой «язвы социализма», закончившейся полной и абсолютной победой еще год тому назад. Как она оказалась у Нины, которая и проработала на этом месте всего ничего? Такое просьбой коллектива объяснить невозможно. Нужна не просто лохматая, но очень лохматая рука. И учитывая дату справки, кто-то нарушил постановление и очень этим рисковал. С какой такой радости?

Митя по натуре не был подозрительным, но все-таки сообразил, с какой радости этот кто-то рисковал. И почему она ему об этом очень важном событии в жизни израильтянина не рассказала? Забыла? Исключено. Он сопоставил все события, необычный оптимизм и жизнерадостность Нины последних месяцев, и сомнений у него не осталось. Устраивать допрос он не захотел – все было ясно, а разборка привела бы к необходимости немедленных, как говорят нынче, непопулярных решений. Квартира была куплена на ссуду в двадцать пять лет, мебель в рассрочку, машина тоже... Но, само собой, не только материальные причины играли роль, двадцать лет совместной жизни многое значат...

На всякий случай Митя хотел полностью убедиться в том, что это измена, а не что-нибудь другое. Мало ли как бывает в жизни? Для человека прошедшего школу журналистского расследования это было несложно.

Здесь большое значение имеет хронология. Злосчастную справку он увидел утром во вторник, после того, как Нина в спешке умчалась на работу, искала что-то в своем ящике, разбросала все по столу и не успела убрать. Кто бы на месте Мити стал откладывать расследование на потом? Поэтому он в тот же день после окончания работы отделов вошел в большое офисное здание, поднялся на лифте на этаж, где размещалась контора Нины. На этаже трудилось несколько уборщиц. Митя прошелся по отделам, забраковал пару молодых, явно начинающих девиц, выбрал постарше, на лице которой увидел природное любопытство, смешанное с желанием посплетничать. Он подкатил к ней с журналистским удостоверением, сказал, что готовит статью о новых репатриантах. Как к ним относятся в этих высоких кабинетах? Чутье его не подвело, это оказался нужный человек. Через минут двадцать беседы, дошло дело до темы: «Говорят, бывают такие случаи, когда начальники в обмен на секс принимают русских женщин на работу?»

Уж если все в отделе знали пикантную Нинину историю, то обслуживающий персонал и подавно. Жену по описанию он легко узнал, а за компанию получил в комплекте еще два подобных случая, но на других этажах. Уборщица рассказала все это по секрету, боялась, что можно потерять работу. Но уж очень ей хотелось посплетничать про этих продажных и бесстыжих сук. Митя только сглотнул... Короче говоря он узнал все, включая ФИО и должность любовника. Впрочем, нет, отчество он не узнал, отчество в Израиле не применяется. Но и так все было ясно.

В этот вечер он долго не решался пойти домой. Посидел в баре, немного выпил, а домой пришел будто бы в стельку пьяный, кавезновская школа помогла. Нина удивилась и отправила «пьянчугу» спать на кушетку, чего он и добивался.

О том что адюльтер происходит по средам, Митя сам сообразил, без подсказки. Не поленился и подъехал в среду с утра к офису. Ждать пришлось недолго. Нина вышла, «летающей походкой» завернула за угол, недалеко от здания - обнаглели, подумал Митя, хоть отошла бы подальше – ее подобрала машина.

- Как в плохих детективах, - кисло подумал Митя, но поехал следом.

Голубки подъехали к большой гостинице на берегу моря, расположенной недалеко от новой квартиры Красновых, – об этой гостинице я уже упоминал. Митя остановился чуть сзади – все по тем же канонам детективов или скорее комедий о рогоносцах. Соблазна выскочить и устроить позорный скандал у него не было, а вот аналогии появились. Нина часто вспоминала сцену его разоблачения возле гостиницы «Юность» во всех деталях. Вы уже знаете привычку Даниеля шлепать дам по попе, неудивительно, что картина полностью повторилась, но, как и положено в истории, на более высоком витке. Попа - криво улыбнулся Митя – на этот раз была бóльших габаритов.

Все это было удивительно и унижительно – чего больше, Митя так и не решил. Его семейный очаг рухнул окончательно и бесповоротно. Сначала Света, теперь Нина. Может, действительно не нужно было сооружение воздвигать назло кому-то, может, это естественный результат? Да нет, вряд ли. Многие семьи обходятся без большой любви и живут неплохо. А кстати, Нина до последнего времени была хорошей женой, во всяком случае, он так считал. Интересно, она с самого начала была не тем человеком, каким казалась, или неожиданно изменилась? Впрочем, это неважно. Все кончилось. Если бы это была случайная измена - все может быть в жизни - еще была бы возможность о чем-то подумать. Но человеку, который легко, естественно в течение нескольких месяцев жил двойной жизнью, по очереди ничтоже сумяшеся укладывался в разные постели (Митю

передернуло от отвращения), как можно ему хоть в чем-нибудь доверять? Вы помните его органическое и мгновенное отторжение от женщин, которые ему изменили, основанное на хорошем воображении и брезгливости. Как можно, думал он, целовать в губы, если вчера она этими губами... и в голову лезли противные мысли, от которых самому было тошно.

Ну что ж, в конце концов, не он первый разводится. Только недавно исполнилось сорок восемь, ничего страшного. Еще есть время. А может, даже самое время.

По дороге домой у Мити неожиданно возникли чисто практические мысли – жаль, рушилась налаженная и довольно-таки комфортная жизнь. Впереди серьезные бытовые и материальные трудности. Если бы был человек, к которому хотелось уйти, все выглядело бы иначе. Ну ладно, хотелось бы – это слишком высокая планка, хотя бы не страшно было уйти... Такого человека после Татьяны так и не появилось, даже подобия... Вот что хуже всего.

Квартиру он, естественно, оставит Нине; как она с ней будет справляться – ее дело. Захочет – продаст, захочет – жильца «мужеского пола» возьмет, с нее станется. Себе он заберет машину, будет выплачивать рассрочку. Придется снять халупу, и даже тогда денег будет в обрез... Нищета...

Он поймал себя на том, что думает не о разрыве многолетней совместной жизни, а о меркантильных проблемах. Очерствел? Или слишком оскорблен, и это тоже форма протеста? Но главное, сейчас при встрече вести себя достойно и сдержанно. Он и так достаточно нахлебался, не хватает еще опозориться громким скандалом.

В доме, раздеваясь, он посмотрел на себя в зеркало. Это было не его лицо – удлиненное, осунувшееся. И не его глаза – взгляд был презрительный, даже злобный, такого за ним раньше не водилось. Да, тяжела ты, шапка Мономаха...

Но нужно было готовить и отправлять полосу в редакцию. Митя заставил себя сесть и работать.

Вернувшаяся – Митя подумал: «После трудов праведных» – Нина застала его за компьютером. Сняла куртку, подошла, чтобы привычно поцеловать в щеку – Митя инстинктивно брезгливо отшатнулся. И повернулся к ней не своим лицом, посмотрел не своими глазами.

Я верю в телепатию, особенно возникающую между близкими людьми в экстремальных обстоятельствах. И писал об этом не один раз. Нина сразу поняла – он все знает. И мало того – она посмотрела на себя его глазами. Почувствовала ужас и презрение к тому, как она выглядела и кем, в сущности, являлась. Как такое могло с ней случиться? Что за наваждение?

Она обмерла – в самом, что ни на есть прямом смысле этого слова, – и тяжело опустилась на пуфик, который, вы помните, стоял напротив рабочего кресла Мити. Ей показалось, небо обрушилось на нее, прихватило сердце, с которым последнее время было проблемы. Митя перепугался – так она побледнела.

- Накапать тебе корвалол?

Она только отрицательно покачала головой, но ничего сказать не могла. Да и что говорить? Ей снова, как и прежде, стало ясно, что без Мити она не знает, как жить, просто не сможет. Что на нее нашло? Как угораздило связаться с этим киношным мушкетером? Помните, в американском фильме «Привидение» черти, или что-то подобное с воплем утаскивают умершего грешника в ад – так со свистом Даниель мгновенно унесся из ее памяти куда-то в пустоту. В бездну. А Нина впервые за эти месяцы осознала, что произошло.

Наверно, она до сих пор не представляла себе связи между ее похождениями и возможными их результатами, тем, что однажды Митя все узнает и уйдет. Уверю вас, с прекрасным полом такое нередко происходит. Многие женщины чем-то схожи с Россией, умом их тоже не понять.

Они довольно долго сидели друг напротив друга и молчали.

Наконец Нина еще больше побледнела, схватилась за сердце, а Мите показалось, что этим жестом она хочет подчеркнуть искренность сказанного. Наверно, так и было.

- Митя, я тебе никогда не говорила, но если ты... Я этого не перенесу. Ей богу. Я без тебя просто не знаю, как жить. Не смогу. Я готова эту безмозглую голову разбить о стену...

Митя, по-прежнему не говоря ни слова, пошел ванную, накапал в рюмку корвалол, дал Нине.

- Я тебя просто прошу. Не уходи сейчас. Поживи здесь хоть немного. Я буду спать в кабинете, на тахте, ты в спальне...

Митя наконец ухмыльнулся.

- Почему я в спальне?

- Мне нужна... Как христиане говорят, когда хлещут себя по спине?

- Епитимья? Епитимья на тахте. Слишком просто. Легкий вариант.

Митя попытался встать. Он понял – еще минута, и Нина грохнется на колени. Это было бы ужасно.

- Митенька, я тебя прошу. Умоляю. – Она действительно опустилась на колени. - Всего несколько дней. Я не знаю, что эта идиотка – она ткнула себя в грудь – выкинет. Какую епитимью себе придумает. С нее станется что-то себе сделать...

Истерика и отчаяние были настолько не похожи на Нину, что Митя понял – это не притворство. Кажется, он впервые подумал о том, чтобы на время остаться – а вдруг действительно, не дай бог...

Дни были тяжелые, Нина заглядывала ему в глаза, ходила несчастная, потерянная, подавленная. Даже стала как будто меньше ростом, скукожилась. Митя искал квартиру на съем, подходящий вариант пока не попадался. Иногда ему звонили маклеры, он расспрашивал об условиях. Нина слышала эти разговоры, всхлипывала и уходила в ванную пить корвалол.

Однажды под утро, уже начало светать, Митя почувствовал рядом движение, приоткрыл глаза и увидел – она стоит на коленях возле кровати, смотрит на него, а по щекам текут слезы.

Пора сворачивать эту тяжелую сцену, тем более вы уже знаете, чем все закончилось. Но переживать сильно не стоит – пройдет не так уж много времени и Нина поймет, что Митя останется. Она воспрянет духом, выровняется и даже снова вернется в бассейн – но уже, не дай бог, без всяких глупостей. Потом она постарается вернуться к семейным отношениям, с переменным успехом, с грехом пополам... А у Мити возникнут проблемы с самоуважением...

Даниель... Даниель оказался приличным человеком. Он понял, в каком состоянии находится Нина и оставил ее в покое, хоть нужно признать, для него это было непросто. Но она однажды при встрече в коридоре ему сказала:

– Дани, я без него жить не могу. Извини.

Скользнула по нему взглядом и ушла.

Глава 8. Еще одно последнее сказанье...

- Так все-таки, что произошло? Почему перепугана Нина? А ее испугать не так просто - это была не ирония, а просто констатация факта.

Татьяна смотрела ему в глаза. Он не выдержал, отвел взгляд и автоматически ответил так, как привык успокаивать окружающих:

- Ничего особенного. Банальная история, случается с нашим братом и с вашей сестрой тоже. Устал, депрессия, были сложности на работе, теперь наладилось. И наверно, кризис возраста, не знаю, как его назвать... Кризис вышесреднего возраста, бывает такой?

Митя старался придать беседе шутливый, не слишком серьезный оттенок, но Татьяна на это не поддавалась. Да и вид у него был не слишком жизнерадостный - небритый, после сна помятый, мешочки под глазами...

- Хорошо, почему не пойти к врачу, раз это банальный случай? Попить банальные антидепрессанты? Ты знаешь, что депрессия может войти в такую стадию, когда без помощи медицины из нее уже нельзя выбраться. И не такая она безобидная, как многим кажется.

- Нет, ни за что! – ответ Мити прозвучал резче, чем ему этого хотелось. Постарался смягчить. - Мой папа говорил, что от антидепрессантов нужно держаться подальше до последней возможности.

- А как эту последнюю возможность не пропустить? Митя, давай напрямую. Я тебе... - она немного поколебалась, – мы тебе не чужие люди. Нина в панике. В чем дело, почему ты не хочешь, чтобы тебе помогли? Митя, что происходит? Митя, я же вижу...

Она замолчала.

Митя встал, подошел к окну, отдернул занавеску. Солнце било в глаза, слепило. Он вспомнил название книги «Солнцем полна голова». Кажется, Ив Монтан. Примерно такое и у него было сейчас состояние. Он старался понять: непреодолимое желание рассказать Татьяне, что с ним происходит – это очередной «щелчок»? Или просто хочется именно с ней разделить тяжесть? Может, в этом есть какая-то справедливость? В конце концов, в его проблемах есть доля и ее... нет, не вины, скорее участия. Какая может быть вина? Она просто воспользовалась правом выбора. Но «ее историческое участие» – красивая формулировка – все-таки имело место.

Солнце не только слепило, но, казалось, освещало какие-то прежде скрытые от него закоулки сознания. А может, он до сих пор просто старался туда не заглядывать...

Митя давно смирился с мыслью, что вместе с Татьяной от него ушла способность по-настоящему любить. Вот уже столько лет прошло, а новое чувство не появлялось даже в зародыше. Это странно, ненормально. Напрасно народ утверждает, подумал он, что свято место пусто не бывает. Оказывается, бывает.

И тут луч осветил спрятавшуюся в самом дальнем уголке истину – свято место в его душе не было пусто. Народ и в этом случае оказался прав. Там по-прежнему все эти годы была Татьяна. Поэтому он с таким нетерпением ждал субботних шашлыков, поэтому... много еще всего было поэтому. Просто он смирился с тем, что она жена другого. А ведь это смирение тоже говорит само за себя...

Но тогда тем более он не должен ей ничего рассказывать. Для такого человека, как Татьяна, чувство вины, даже невольной вины будет лежать тяжелым грузом на сердце. Нет, он ни в коем случае не должен причинять боль любимому человеку. Любимому человеку, как верно сказано! Он не должен называть любимой женщиной жену друга, а любимым человеком – это его право!

Молчание затянулось, Митя не отворачивался от окна, ему нравилось непривычная яркость сознания. Да, нужно по возможности ее успокоить. Банальная история, банальные объяснения. Ему и слов не придется подбирать, они родятся сами собой.

Он заговорил, голос был спокойный, без напряжения, может немного хриплый – наверно, со сна. К ней не повернулся, так было легче и жалко было отворачиваться от солнца. Он сам слушал себя с интересом.

- Хорошо, Таня, я тебе расскажу. – Она вздрогнула, Митя ее уже много лет не называл Таней. Только Татьяной. Впрочем, как и все. - С чего начать? Начну с конца. Я устал жить чужой жизнью. Помнишь, я тебе говорил про чужую жизнь? Как в воду смотрел. Она выпала мне. Двадцать семь лет, с тех пор, как мы сошли по трапу «Шота Руставели», я живу чужой жизнью. Нормальная жизнь, в принципе неплохая. Может, я из нас всех даже самый удачливый. Вы же меня зовете Везунчиком. Но она не моя. И очень многое в ней происходит не так, как я бы хотел. Очень многое. Почему – ей богу, не знаю. Я делаю не то, что хочу, вокруг меня все происходит против моего желания... ну, не мое. Не мое! Как будто фильм какой-то смотрю, не про себя...

Он повернулся и посмотрел в испуганные, расширенные глаза Татьяны. И довольно спокойно, без всякой патетики, даже немного иронично сказал:

- Таня, я не только устал от этой чужой жизни, я ее не хочу. На фиг она мне такая нужна? Вот в чем дело.

Она вздрогнула, как от удара, и закрыла глаза рукой.

А Митя так же спокойно и безжалостно продолжал:

- Таня, я стал искать способы, чтобы кто-то или что-то помогло мне избавиться от нее. Раз она чужая. Не жалко. Но еще хуже...

Татьяна совсем вжалась в кресло, вторую руку тоже подняла к глазам, словно защищаясь.

- Хуже то, что я лезу на рожон как будто не по своей воле, как будто в этот момент в мозгу замыкание и я себе уже не хозяин. Ты понимаешь, что это значит? Танечка, кажется, я сбрендил... Вот такое без тебя со мной случилось.

Он увидел, как из-под ладошек появились – нет, закапали - слезы. Тогда он спохватился.

- Таня, я не о тебе. Ты имела право выбирать. И сваливать на то, что ты выбрала когда-то Шурика, слишком просто. Но это было, наверно, все-таки главное начало «чужой жизни». В ней я остался один. И один без тебя я не выдержал.

Митя отошел от окна, сел в кресло.

Она не меняла позу. Не двигалась.

- Я тебя напугал? Извини. Я не хотел, - а ведь он действительно не хотел! - Но ты сама просила...

Вот теперь Митя испугался. Это скорей всего снова был «щелчок». Кажется, да. А впрочем... Впрочем, сколько может человек все держать в себе? .

Таня наконец опустила руки, и он увидел в ее глазах, в выражении лица не страх, не сочувствие, даже не удивление. Изумление.

- Митя... я не понимаю. Почему же ты тогда? . Нет, не понимаю.

Он сообразил.

- Почему я тогда за тебя не боролся? Почему не вступил с Шуриком в рукопашную? Но мы решили, что ты сама должна сделать выбор.

В ее глазах было такое же изумление. Слезы высохли.

- Я был в порту, когда Шурик вас провожал. К вам не подошел. Я взял билет в Ялту, хотя почему-то не успел узнать ни адреса, ни телефона. Так получилось. Шурик улетел на день раньше. Я не полетел. Я хотел, чтобы ты решила сама. Я и сегодня поступил бы точно так же. Это должен был быть твой выбор.

На лице ее было еще больше изумления, хотя казалось, что это уже невозможно. Митя почувствовал раздражение.

- Чему ты удивляешься? Когда Шурик вернулся из Ялты счастливый и сказал, что свадьба назначена, что вы с ним снимали квартиру... Что вы с ним жили, - раздражение прорвалось наружу. – Вы спали!

«Спали» прозвучало, как грубое ругательство, как один из самых грязных синонимов этого понятия. Митя сконфузился.

- Прости, вырвалось.

Вот теперь в глазах Татьяны появился ужас. Она пыталась что-то сказать – не могла. И в этот момент Митя понял то, что ему за все эти годы не приходило, просто не могло прийти в голову. Потолок обрушился на него.

- Митя, - наконец сказала она, - ничего этого не было. Я сказала, что поговорим, когда я вернусь в Одессу. Я хотела, чтобы мы оба сказали ему... Я, - и опять появились слезы, - я двадцать семь лет жила чужой жизнью...

- Шурик! Твою мать! Шурик!

Это был шок. Сумбур. Начинали фразу, бросали на полдороги. Они не могли толком осознать, что произошло, но что еще важнее – не представляли себе, как с этим жить дальше.

И только спустя какое-то время разговор принял более-менее осмысленные формы.

- А почему ты?..

- Митя, я бы пришла, я не могла не прийти. Но когда я приехала, тебя уже не было. Шурик сказал, что ты не мог усидеть в Одессе, как жеребец бил копытом, не мог дожидаться возвращения Нины. И умчался делать предложение в Полтаву.

- Шурик, твою мать, Шурик! Он знал мой пунктик. Знал, куда ударить. Сняли квартиру... Жили вместе... Я не мог встретиться с тобой. Не было сил. Был бред насчет клина, которым вышибают... Подлец и два дурака. Что хуже?

- Что хуже? Дурак. Я вышла замуж назло...

Потом Таня пыталась не оправдать, но хотя бы объяснить.

- Митя, ты его знаешь. Он понял, что я изменилась из-за тебя. И наверно, старался уговорить себя, что ты тут не причем. Но во всех случаях считал, что защищать свое счастье это его право. Тем более, что он был первым.

- Нет, он догадывался, что у нас с тобой... было. Иначе бы не нажимал так на то, что вы... спали. Он когда напился - помнишь? - мне так и сказал: «Ради нее я готов на все что угодно!» Оказалось - готов. На все, что угодно. И забрал себе жизни друга и любимой женщины. Да о чем говорить – подлец.

- Это было двадцать семь лет тому назад...

- Таня, преступления против человечности не имеют срока давности. А это оно и есть. Преступление против человечности. Ведь мы – во всяком случае я – все годы любили друг друга.

Татьяна только кивнула.

- Подлец. Его хотя бы совесть мучила?

- Нет. Ты женился на Нине, он на мне. Меня мучила совесть, что я все отдала детям. Но ты видел, я хотела быть к нему справедливой. Я не знала...

Нет, понять и оценить то, что узнали сегодня, они пока были не в состоянии. И как с этим жить?

- Почему за столько лет мы не могли объясниться? Уму не постижимо.

- У меня не было повода. Было все ясно, как дважды два. Я не знала о том, что ты приходил в порт, что взял билеты в Ялту. Знала только, что исчез. Не звонил, ни слуху, ни духу. И появился в Одессе с невестой. Какие могли быть вопросы? Это было... было... так унижительно. Я помнила, что сама к тебе пришла на пароходе...

- Если бы я мог тебя дождаться в Одессе, все было бы иначе. Но Шурик намекнул... да чего там, он прямо сказал, что у вас может быть ребенок...

- Ну... Розенберг!.. – если бы это не была выдержанная Татьяна, то последовал бы еще ряд слов.

- И не верить было нельзя. В голову не могло прийти. Новоявленный счастливый отец семейства...

- А у тебя невеста и заявление в загсе. Реальнее не бывает.

- И потом... Потом, здесь в Израиле ты держала меня на расстоянии...

- Митя, было за что. Тяжело было видеть, каким ты становишься.

Он только понурил голову.

Но как теперь с этим жить?

Время шло. Скоро должна была вернуться с работы Нина.

Как и следовало ожидать, управление на себя взяла Татьяна.

- Митя. Я хочу тебе сказать, если хочешь – приказать. Я имею на это право. Заслужила за двадцать семь лет. Ты не должен допустить, чтобы... Розенберг мог мне сказать: «Я был прав, когда обманул вас. Для твоей же пользы. Ты видишь, что с ним творится?»

Это были именно те слова, которые Митя должен был услышать. Он почувствовал удивительную уверенность. Он не подведет. Сделает даже невозможное...

- Можешь не сомневаться. Все будет так, как ты сказала.

В это время открылась дверь и вошла Нина. Это было очень кстати, они не знали, как и на чем закончить разговор.

Митя сказал, обращаясь к ним обеим:

- Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Я обещаю.

Выполнить обещание оказалось не так легко. Все-таки это была не просто хандра. И даже не просто депрессия. Все было запущено и не зависело только от его желания, даже самого сильного. Он решил прежде всего насколько удастся, не думать о том, что с ними произошло, о предательстве Розенберга. Просто стараться не вспоминать. Это было очень болезненно и могло привести к рецидиву. Не думай о белой обезьяне! Но Татьяна приказала, и ему это почти удалось. Он стал себя загружать. Добросовестно занимался здоровым образом жизни. В него входили утренняя зарядка, прогулки вдоль берега моря не меньше двух часов. Купался он рано, когда еще не наступала жара, для чего просыпался и вставал сразу же после ухода Нины на работу. Конечно, не хотелось, он привык себе в этом не отказывать, пришлось утро начинать со стихов:

«Прощай, моя кровать! Прощай: она велела...»

И совесть его не мучила, что беспардонно подражает Александру Сергеевичу. Он находил, что у них много общего – была любовь, и теперь долг побеждает.

Приближалась суббота, он начал нервничать – как встретиться с Розенбергом? Шуриком он его уже не называл даже в мыслях.

Но в четверг с удивительной новостью пришла домой Нина. Оказалось, что Шурик срочно улетел к детям в Америку. Что-то там стряслось, и ребята попросили его вылететь. Он взял отпуск плюс месяц за свой счет. Странно, не попрощался, даже не зашел. Нина не понимала, что за спешка. Митя понимал. Нина подозревала, что они решили перебраться к детям, а Шурик отправился на разведку. Шашлык в эту субботу отменили.

В программу здорового нормального образа жизни Митя включил и просмотр по телевизору хороших фильмов, в основном классики. Если привыкнуть, то это может оказаться интересным. Читал Сорокина – с удивлением, Пелевина и Прилепина – с трудом, Улицкую без напряжения. Пытался включиться в современную жизнь – «она велела». Но все-таки регулярно – для отдыха – возвращался к старым любимым печатным книгам.

Митя признавался себе в том, что с предубеждением относится к современной русской литературе. Иногда он задумывался – причина только в том, что он не успевает за пронесшимся с огромной скоростью временем? Или кроме этого есть и что-то объективное? На обязательных прогулках времени для любых размышлений было хоть отбавляй, и несколько ходок он посвятил этой теме. Скорей всего пытался подыскать причины, оправдывающие эту предвзятость, хотя знал, что имя тем, кто в глубине души и даже вслух думает так же, как он – легион. Ругать современную литературу стало престижно. Но Митя по натуре не был склонен к эпатажу ради эпатажа, поэтому сделал попытку подвести под эту тенденцию базу.

По журналисткой привычке он прежде всего составил план будущей умозрительной статьи, которой не суждено было увидеть свет.

Вначале он попытался для себя уяснить – есть ли какая-то общая для всех жанров особенность, которая помогает отличить современную литературу от устаревшей или – как ему хотелось считать – якобы устаревшей. Митя признал, что такие признаки должны быть, раз большинство читателей эту современность легко определяют.

Начинать поиск он решил с условий сегодняшнего дня, так сказать с почвы, на которой эта литература произрастает, затем определить ее цели и задачи, а в конце концов назвать сверхзадачу – по Станиславскому. План работы был готов.

Итак, условия. При советской власти было десятков, от силы двадцать писателей, которых мы знали. И задачи большинства из них были всем хорошо известны, не стоит на этом задерживаться. Хотя «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», «Один день Ивана Денисовича» и еще ряд достойных книг все-таки появились.

А что изменилось? Самое главное изменение – сейчас публикуются сотни, тысячи авторов, конкуренция невероятная. А с читателями в то же время происходит обратная картина, их стало как минимум на порядок меньше. Почему – другой вопрос, эту тему Митя решил не затрагивать. В наше время были бы деньги – опубликоваться сравнительно легко, а вот пробиться к оставшимся в живых читателям невероятно трудно. Но из этого следует, уж если так тяжело к ним попасть на стол, то еще важнее, чтобы труды не пропали даром, а значит нужно, чтобы тебя запомнили и отличили от других. В этом сейчас для большинства писателей и состоит сверхзадача. А для этого все средства хороши. И первое – ни слова в

простоте! Нужно не только понравиться – это слабенькое и не современное понятие, сейчас нельзя позволить себе миндальничать, – надо поразить читателя, встряхнуть его, дать под дых, а лучше всего трахнуть по голове. Иначе в этом сумасшедшем темпе жизни, когда у всех – и в первую очередь у читателей – своих проблем позарез, не пробьешься. Это чаще всего и является сутью современного стиля. Но стремление привлечь внимание не может быть основой искусства.

И в результате происходит то, чему Митя дал определение «форсаж» – каждый использует свои козыри по максимуму. Кто поражает невероятными фантазиями, кто невероятным нагромождением ассоциаций, кто андерграундно-жестким стилем – вот она жизнь, без прикрас. Кто-то удивляет сложностью и загадочностью, кто-то переставляет и путает во времени события, начиная с конца и заканчивая началом. Главное, чтобы было непохоже, оригинально, чтоб запоминалось и било если не по голове, то хотя бы под дых. И само собой получается, что жизнь, мысли и чувства героев, которые прежде – в несовременной литературе – были главным предметом и содержанием, сейчас уступают сверхзадаче: весь контент должен произвести потрясение, в крайнем случае, озадачить. Сейчас не до мелочей.

Митя признался себе в том, что он неисправим – он любил, чтобы события и судьбы даже в сложной и тяжелой обстановке современной жизни были описаны по возможности нормальным человеческим языком. Рассказать, а не удивить и поразить. Он был против форсажа. Чтобы кроме контрастов, бьющих в глаза, были и полутона.

Но чаще всего во время прогулок он напряженно пытался найти выход из своего личного форсажа, который правильнее было бы назвать пике. Он понимал, что желание не позволить Розенбергу сказать: «Вы видите, я был прав» – может быть сильнейшим стимулом для поиска утраченного интереса к жизни. Митя до конца в его глазах – и в своих, и в глазах Татьяны – должен остаться Везунчиком, человеком который в этой жизни умеет не только лавировать, но и побеждать.

Но сам интерес к жизни этот стимул надолго заменить не может. Время от времени он пытал себя – чего тебе надобно, старче? Чего тебе хочется? Не хотелось ничего. Он стал опасаться, что так и не захочется. Разве что вернуться на двадцать семь лет назад на сходни лайнера «Шота Руставели». Но это даже в сказке невозможно. Молодость старику даже золотая рыбка не могла предложить.

Однажды у Мити был перепуг. Ночью он долго не засыпал, даже таблетка не помогала. Странно. Последнее время после нагрузок сон более-менее наладился, правда с периодическим приемом таблеток в критических случаях. И неожиданно кольнуло в сердце. Сильно кольнуло. Наверно, перегрузился, подумал он, эспандером немного помахал перед сном. Ни к чему, уже не двадцать... Но к сожалению, подумал не только об этом. А о том, что если бы это было всерьез сердце, то завтра не нужно было вставать утром, ходить с дурацким видом по берегу, отрабатывая километры, мучительно искать интерес в жизни, как ищут в темной комнате черную кошку, которой там нет... И вообще, почему он вдруг так распалился? Что изменилось, оттого что они узнали? Поезд ушел, жизнь, которая прошла, после сенсационного открытия осталась такой же, как была. Только обидней.

Это был в неявном виде рецидив. А собственно, почему в неявном?

Утром Митя испугался этих капитулянтских мыслей. И прежде всего понял, что прошлая жизнь теперь другая, хотя она и не изменилась. И хотя поезд действительно ушел. Но сейчас

это прошлое, в котором он любил и его любили. А это совсем другое прошлое. Он не может подвести Татьяну. Ей и так в жизни досталось в основном из-за его глупости. И слабости. Нужно было больше верить в нее. А сейчас нужно верить в себя. Он вычеркнул, ну почти вычеркнул из памяти эту мрачную ночную историю. Привиделось...

Так прошло недели две, три. Месяц. Они с Марком ездили на шашлыки, Татьяна под различными предложениями отказывалась. Нина по-прежнему была уверена, что Розенберги готовят переезд. Марк сомневался. Митя в эти разговоры не вступал.

Однажды Митя после каторги с Прилепиным с удовольствием и облегчением читал свежекупленного «Давида Копперфильда», послевоенное издание – дешевле грибов! Там еще был Давид вместо новомодного Дэвида. Последняя глава, встреча с Агнессой – опять-таки вместо нынешней Агнесс, - молодой автор читает ей недавно написанные страницы...

И тут Митю осенило.

Он уже не может для себя чего-то по-настоящему захотеть. Но может создать человека, у которого все еще впереди, который может и хочет быть счастлив. Это будет часть его, Мити. А почему нет? В конце концов, все говорят, что язык у него хороший, в этом смысле он профи. И вообще он профи. А писать – сейчас многие пишут, и некоторые с успехом.

Митя вспомнил, как в молодые годы, когда он работал с Димой, Марк ему говорил, что стоит попробовать что-нибудь свое. Как он говорил? «Жалко, что Дима отбил у тебя охоту искать свой путь в литературе». Смотри ты, он запомнил эти слова, значит, произвели впечатление.

Есть кое-что и против этой идеи - журналист и писатель, конечно не одно и то же. И он не молод. Но, в конце концов, его любимый Бернард Шоу тоже был журналистом, а известным писателем стал ближе к сорока. В то время сорок лет примерно соответствовали нынешним пятидесяти. Определенно прецедент есть.

Было десять часов вечера, Нина уже благополучно отошла ко сну. Митя лежать не мог. Встал, пошел к морю. Через заправку, проезд под железной дорогой, снова по историческим местам. Но на этот раз он обратил внимание на то, что не было никакой реакции. Тема будущей работы его полностью захватила. Все остальное было в прошлом.

Он вспомнил, что в какой-то книге прочитал: «Любая придуманная история — это мозаика, сложенная из кусочков правды». Да, то что он задумал, должно быть не о нем, но и о нем тоже. О том, как хотелось бы, чтобы сложилась его жизнь.

Для начала об этом. Он уже не сомневался, что это только начало.

В голове как бы сама по себе родилась первая часть новой книги. Основные фразы, описания героев. Точнее - он их мысленно увидел.

Он пришел домой, подвинул Нину на место, лег спать. Думал, что не уснет – так теснились в голове мысли и образы. Оказалось, довольно быстро уснул – уж очень ему хотелось, чтобы наступило утро и он мог приступить к работе. Если не спать, то время ночью тянется бесконечно. Только он вспомнил, что не выпил таблетку – и провалился.

Утром его разбудила Нина.

«Прощай, моя кровать! прощай: она велела».

Нет, сначала зарядка, потом купание, потом прогулка минимум часа на полтора. И оказалось, что прогулка просто необходима. Выстраивался сюжет, подбирались факты,

делалась бóльшая часть работы. Хотя какой работы – радости! И потом, когда он сел за компьютер, то уже многое знал.

С этого дня все началось. Все шло дальше примерно в этом ритме. На прогулке он не то обдумывал, что дальше произойдет, не то оно рождалось само по себе. В основном на прогулке складывались ключевые фразы, они обязательно должны быть, иначе текст становится ровным и безжизненным, как пустыня. Но иногда, уже за компьютером вдруг посреди предложения что-то менялось – и это снова было интересно и удивительно. Как рождение ребенка – он не любил слащавые, избитые сравнения, но в данном случае простил себе...

Работал он до тех пор, пока не возвращалась Нина. Ей было интересно, над чем он с таким усердием трудится. Митя отвечал, что он человек суеверный и пока не закончит, ничего рассказывать и тем более читать не будет. Нине это было и не очень нужно, она была счастлива, что – тьфу, тьфу - все так хорошо. Митя оживился, похудел, подтянулся. И перестал храпеть!

Потом они ужинали, иногда вместе смотрели телевизор. Перед сном Митя немного читал, пока хватало мужества, современную литературу – «она велела».

Работу в редакции он умудрялся делать за день-полтора. Но это тоже была необходимая перемена деятельности.

Будет ли опубликовано то, что он пишет, пока не очень волновало. Как начинающий автор он еще не был тщеславным. Но почему-то внутренне был убежден – опубликуют. И интуиция его не подвела.

Он иногда думал, что авторы – настоящие авторы, не конъюнктурщики – тоже испытывают потребность творить именно потому, что их не очень устраивает выпавшее на их долю. Рожденные ими судьбы скорей всего являются лучшей, бесценной частью их собственной жизни.

Словом, все было хорошо. Пока все хорошо. Но может, лиха беда начало? И начало может быть даже тогда, когда кажется, что уже поздно? Бывает ли так в жизни? Не знаю. Вам виднее...

*Детство, отрочество и юность в двух словах
(Машина времени)*

В детские годы в поисках причин и следствий Митя возвращался не часто. Он знал, что Фрейд предлагал именно там искать истоки комплексов и фобий. Но искать какие-то фобии в его безоблачном детстве было просто бессмысленно. Семья была не просто дружная, а счастливая, под стать этим отношениям был и ребенок, толковый, общительный и жизнерадостный. Кстати сказать, и внешне симпатичный, что тоже играет немалую роль. До шестого класса он был белокурым, какой-то прибалтийской внешности. Мама – если вы еще не забыли - называла его Абрам-царевич, намекая на истинную национальность этого арийца.

В те годы Митя не мог бы ответить на стандартный вопрос: кого ты больше любишь, папу или маму? Не смог бы ответить на него и сейчас. Одинаково, совершенно одинаково. Просто взгляды каждого из них чем-то – казалось незначительно - отличались. Отец, будучи влиятельным невропатологом, в работе и в жизни предлагал умиротворяющие рецепты, для

себя, для семьи, для пациентов. В чем они заключались? Главное правило - стараться не нервничать по пустякам, а особенно из-за вещей, на которые ты ни в малейшей степени повлиять не можешь. Это не значит, пояснял он, что нужно со всем соглашаться, но большинство проблем можно решить без конфронтации, без зубодробительных стычек, которыми так увлекается наше общество. Он приводил в пример Европу, куда, несмотря на свою национальность, пару раз выезжал на семинары. Там хамить просто не принято, несогласие можно высказать и в приличной форме, скандальность убедительности не добавляет, а только иллюстрирует невоспитанность и чаще всего отсутствие ума.

Мама Мити думала примерно так же, но делала больший упор на совести и морали. Она считала, что быть даже молчаливо на неправой стороне недопустимо. Нужно не участвовать в том, что считаешь неправильным – это она считала обязательной позицией порядочного человека. Всегда можно не участвовать, даже если это приносит какие-то неприятности. Однажды, когда отца не было дома, она рассказала Мите, что не стала заведующей терапевтическим отделением, потому что не вступила в партию – отец членом партии был. Не участвовать! Она не захотела участвовать! Этот случай был, пожалуй, самым серьезным доказательством того, что все-таки разногласия во взглядах у них были. Но молчаливо оба считали, что разбивать себе лоб в бесполезной борьбе за безнадежное правое дело тоже бессмысленно. Активно вслух это не декларировалось, но подразумевалось... С течением жизни – любимое определение отца – все-таки нужно считаться.

Два самых интересных случая запомнились из этих безоблачных лет. Первое, как он стал Митей. Ему долго, лет до десяти не давалась буква «ша». Он говорил Мисавместо Миша. Ребята в детском садике его дразнили. Было обидно. Он пожаловался родителям, точнее посоветовался с ними – жаловаться в семье было не принято. Отец немедленно выдал соломоново-психиатрическое решение:

- А мы вот как поступим. «Ша» ты не выговариваешь, тогда вместо Миши ты будешь, скажем, Митей. Михаил может быть и Митей. Митя ты выговариваешь?

- Митя... Да, выговариваю. Митя! Я теперь Митя!

Так с тех пор и остался на всю жизнь Митей. А мама, между прочим, была против, не нужно, говорила она, избегать трудностей. И считала, что если бы он остался Мишей, то справился бы с упрямой буквой раньше.

- Но ценой лишних неприятностей, - возражал отец, - а стоит ли оно того.

И второй случай. Был у них в классе один хулиганистый парень, Катков, из неблагополучной семьи. Он был невысокого роста, но крепкий и абсолютно безбашенный. Однажды зимой он разбил в классе окно – просто ему не хотелось сидеть на уроках. Пришел директор, спросил, кто это сделал. Молчание. Директор сказал, что они компания трусов. Митя не выдержал и сказал:

- Катков.

После уроков Катков его ждал на улице.

- Сексот, - сказал Катков и ударил по лицу.

Митя был парень не драчливый, но довольно крепкий. Драка состоялась по высшему разряду. Когда она закончилась вничью, Митя сказал:

- Зря ты меня сексотом обозвал. Я же не тайком донес директору на ушко, а при всех и при тебе. Какой же я сексот?

Катков задумался, такое ему в голову не приходило.

- А чего ж ты мне раньше это не сказал? Целее был бы.

- Ты тоже.

Они даже пожали друг другу руки.

Мама поохала, помазала, где нужно, но у Мити было впечатление, что она им гордится. А отец только потрепал его по голове и спросил:

- Ну что, теперь Катков не будет окна бить?

Митя промолчал.

А через пару дней сообщил отцу:

- Катков опять стекло разбил.

Отец в ответ только снисходительно улыбнулся.

Нет, все-таки некоторые разногласия у родителей были.

ЭПИЛОГ

Он позвонил Татьяне и попросил ее завтра прийти к нему домой часа в два, если она сможет.

- Хорошо. Приду.

Пришла ровно в два.

Он усадил ее в кресло, взял ее сумочку, положил на журнальный столик. Сел в кресло напротив.

И прочитал ей то, что успел написать за последний месяц. Первая часть ей была знакома.

А вторая, начиная со сходней «Шота Руставели», описывала жизнь героя такой, какой она, по мнению автора, должна была бы быть. Та, которую Митя назвал в далеком 1983 году «своей жизнью». Она не была легче, чем реальная, даже тяжелей, иногда намного тяжелей. Время от времени приходилось делать отнюдь не самый легкий и безопасный выбор. Но эта жизнь была – должна была быть - его собственной. Его и некой героини имярек, в которой без труда угадывалась Татьяна.

Когда он закончил читать то, что написал – а это была едва ли половина задуманного, - воцарилось молчание. Они сидели молча долго, может полчаса, может час, может еще больше. Наконец Татьяна встала, взяла сумочку.

- Смотри Митя, будь осторожен, когда пишешь. Слово, особенно если оно талантливо, может превратиться в дело.

И ушла.